

Серия

Читая Библию

Серия включает популярные работы о чтении и понимании Библии, написанные известными духовными писателями с целью приблизить читателя к Священному Писанию. Авторы некоторых из этих книг — ведущие библеисты мирового уровня. Кроме общих вводных работ, в серию входят “беседы” с библейскими авторами и персонажами, а также с нашими современниками, обладающими ценным опытом понимания Библии.

РЭЙМОНД Э. БРАУН

Беседы с евангелистом Иоанном
Чтобы вы имели жизнь

РЭЙМОНД Э. БРАУН

Читая Евангелия с Церковью.
От Рождества до Пасхи

РИЧАРД РОР, ДЖОЗЕФ МАРТОС

Великие темы Писания
Новый Завет

РИЧАРД РОР, ДЖОЗЕФ МАРТОС

Великие темы Писания
Ветхий Завет

ЛЕСЛИ ДЖ. ХОПП

Беседы с евангелистом Матфеем
Превосходя закон

СТИВЕН ДОЙЛ

Беседы с евангелистом Марком
Школа ученичества

ГЕНРИ ДРАММОНД

Евангельские проповеди

Серия «Читая Библию»

БАРБАРА Э. РЭЙД

Беседы с евангелистом Лукой
Шаг за шагом к Слову Божьему

ДЖИМ УИЛЛИГ, ТЭММИ БАНДИ

Беседы с апостолом Петром
Путь от греха к святости

КЭРОЛ ЛЮБЕРИНГ

Беседы с Иовом и Юлианой Норвичской
Верю в то, что все будет хорошо

ЭНТОНИ ПАДОВАНО

Беседы с Томасом Мертоном
Как стать самим собой

РОБЕРТ МОРНО

Беседы с Клайвом Льюисом
Настигнут радостью

МАКРИНА СКОТТ

Перечитывая библейский истории
Открой свою историю в Ветхом Завете

АРТУР ЗАННОНИ

Иисус в Евангелиях
Учитель. Пророк. Друг. Мессия

АЛЬФРЕД МАКБРАЙД

Образы Иисуса
Десять граней личности Христа

Серия «Читая Библию»

ГЕНРИ ДРАММОНД

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОПОВЕДИ

Второе издание

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Москва

ББК 86.2
УДК 252

Редактор: Наталья Трауберг
Художник: Антон Бизяев

Книга издана при поддержке организаций:
The Drummond Trust, Hill and Robb, 3 Pitt Terrace, Stirling,
FK8 2EY, Great Britain,
The Anglo-Nordic Productions Trust, 2 Thornton Close, Girton,
Cambridge, CB3 0NQ, Great Britain

Драммонд Г.

Евангельские проповеди. Пер. с англ. / Серия “Читая Библию”.
— 2-е изд. — М., Библейско-богословский институт св. апостола
Андрея, 2007. — 140 с.

ISBN 5-89647-066-5

Книга известного шотландского ученого, богослова и миссионера Генри Драммонда (1851-1897) предназначена для каждого, кто хочет не просто читать и изучать Евангелие, но сделать эту книгу учебником жизни. Сам Драммонд читал ее именно так, находя в ней ответы на многие вопросы повседневной жизни. Он был первопроходцем, прежде всего в том, что касается христианского ответа на вызов со стороны науки, но еще более — в области психологии религии, осмысления глубоких изменений человеческой личности, происходящих благодаря вере. Для широкого круга читателей.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © Eagle Publishing, 1997, 2000
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002, 2007
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва. 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие.....	7
Введение	10
1. Самое великое в мире*	15
2. Программа христианства. <i>Перевод Л. Лахути</i>	39
3. Как узнать волю Божию? <i>Перевод Л. Лахути</i>	56
4. Как связаны между собой воля Божья и наше освящение. <i>Перевод Л. Лахути</i>	66
5. Мир с вами*	76
6. Как преобразить нашу жизнь*	92
7. Раскаяние. <i>Перевод Л. Лахути</i>	111
8. Для меня жизнь – Христос. <i>Перевод Л. Лахути</i>	121
9. Искупление, новое естество и что такое - прийти ко Христу. <i>Перевод Л. Лахути</i>	132

* Отредактированный перевод из сборника *Самое великое в мире*, СПб., 1892 год.

Предисловие

Для тех, чья духовная жизнь сформирована в традиции Православной церкви, работы шотландского богослова, ученого и миссионера Генри Драммонда (1851—1897) могут показаться и знакомыми, и приводящими в некоторое смущение. Знакомы они потому, что основные их темы — внимание к воле Божьей, жизнь во Христе, внутреннее обновление — можно считать основополагающими и для духовной традиции православия. Смущают они, так как само православие совершенно не включено в опыт английского и шотландского протестанта XIX века. Многие положения и имена, существенные для православной духовной культуры, отсутствуют в работах Драммонда. Мы не встретим здесь упоминаний о руководстве и помощи святых, об отцах церкви, о литургическом служении, об иконах, таинствах, исповеди, монашеской жизни, старцах. И все же отсутствие связи с восточной традицией еще больше подчеркивает его созвучие с опытом православия.

Работы Драммонда представляют для нас нечто большее, чем чисто исторический интерес. И в наше время многие испытывают глубокую неудовлетворенность своей жизнью и стремятся к внутреннему обновлению. Но очень часто религия дает только самые общие указания или не дает никаких. А иногда они настолько непрекаемы, что сковывают человека. Драммонд хорошо это понимал, он обладал удивительным даром показать и доступность, и неисчерпаемость духовной жизни. Ключом к обновлению жизни для Драммонда была преображающая дружба со Христом. «Пусть Христос будет вашим постоянным спутником, — говорит он в своей статье “Как преобразить нашу жизнь”. — Будьте прежде всего под Его влиянием. Десять минут, проведенных ежедневно в Его обществе, даже две минуты, только лицом к лицу, сердцем к сердцу, совершенно изменят весь ваш день. В характере каждого человека есть внутренняя пружина; пусть же ею будет Христос. Каждое действие совершается под влиянием определенного настроения; пусть же настроение это сообщит вам Христос».

Драммонд ясно понимал, что такой призыв вызовет раздражение у двух категорий людей, находящихся на совершенно противоположных позициях. Те, кто ищет мистической жизни эзотерического толка, доступной только для немногих посвященных, будут разочарованы, сочтя его простые слова слишком примитивными. «Когда же, наконец, узнаем мы, что стремиться к святости значит просто стремиться к Христу?» Те же, кто находится на противоположном полюсе, кто хочет всего лишь практической религии земных добродетелей, будут подавлены мистицизмом его рассуждений. «Пребывать во Христе», «быть в постоянном общении с Христом» — да это же чистая мистика! А им нужно что-то осязаемое и непосредственное. Но «красота дружбы в ее бесконечности. Из жизни нельзя удалить таинственность. Ею полна и семейная жизнь, и любовь, и вера». Драммонду была неизвестна традиционная для православия Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», но ведь эта постоянно повторяемая молитва преследует ту же цель — «быть в постоянном общении со Христом». При всем ощущении мистического присутствия Христа, Драммонд не знает самоуглубленной созерцательности. Напротив, обновленная личность становится все более общественной, гуманной, все больше живет реальной жизнью. Ее способность смотреть на мир глазами Христа все больше возрастает. «Вчера ты главным образом думал о себе. А сегодня, встретив бедных, ты накормишь их. Ты будешь окружен беспомощными, падшими, скорбящими, и каждому ты станешь другом». Драммонд уверен, что внутренняя перемена в человеке неизбежно вызывает в нем желание творить добро в окружающем его мире, где бы ни представилась такая возможность: в семье, в церкви, среди своих соседей, в пределах городов и целых народов. Это стремление творить добро окружающим было бы несомненно понятно Оптинским старцам. Их с Драммондом безусловно разделяет опыт церковной жизни, но молитва Оптинских старцев на начало дня очень созвучна взглядам Драммонда на то, как, следуя за Христом и живя во Христе, человек преображает свою жизнь. Я надеюсь, что эти работы будут прочитаны и оценены именно в таком духе.

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне настоящий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя!

Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой!

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая!

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение его! Руководи моею волею и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать! Аминь.

Священник Джон Джиллионз

6 августа 2001 г. Праздник Преображения Господня
Институт православных исследований, Кембридж, Англия

Введение

Генри Драммонд (1851—1897) жил в то время, когда традиционные устои христианства расшатывались под напором дарвинизма и молодой библейской критики. Он преподавал естественные науки в богословском колледже, и главные труды его жизни посвящены преодолению пропасти между религией и наукой. Но величайшим его талантом, наверное, было умение рассказывать студентам о Евангелии, часто — в беседе с глазу на глаз. Он стремился заново выразить вневременные истины христианства на современном языке, так, чтобы люди могли почувствовать их и принять. Драммонд был великим учителем жизни, неформальным духовным наставником студентов, ищущих истину.

Родился он в шотландском городе Стерлинге, изучал гуманитарные и естественные науки в Эдинбургском университете, богословие — в Новом колледже (Эдинбург). В 1877 г. он стал преподавателем естественных наук в богословском колледже Независимой церкви (Шотландии) в Глазго. В 1884 г. он стал профессором. Преподавая, Драммонд стремился примирить то, что мы сегодня назвали бы христианским и научным «дискурсами», иллюстрировать живыми примерами принципы, общие для этих систем. Особенно это относится к двум его работам — «Естественный закон в духовном мире» (1883) и «Родословная человека» (1883). Драммонд доказывал, что естественные и духовные процессы часто во многом сходны. Не утверждая, что духовный мир полностью подлежит естественным законам, он стремился показать «естественность сверхъестественного». Кроме того, в 1883 и 1884 гг. Драммонд провел шесть месяцев в Центральной Африке, занимаясь изучением ископаемых и термитов. Результаты его исследований опубликованы в книге «Тропическая Африка» (1888).

Кроме того, Драммонд был широко известен своей проповеднической и пасторской деятельностью. Еще молодым студентом он сопровождал американских евангелистов Дуайта Мууди и Ай-

ру Санки в их знаменитой миссионерской поездке в Великобританию (1873—1875 гг.) Перед тем, как отправиться в очередной город, Муди вызывал Драммонда из того места, где он был до этого, несколько дней работал с ним вместе, а потом оставлял его продолжать работу самостоятельно. С 1878 года Драммонд вел миссионерскую деятельность в Поссилпарке, рабочем пригороде на севере Глазго. Позже, в конце 1880-х, он занимался серьезной христианской работой среди студентов Эдинбургского университета; на его христианские собрания приходило до 600 человек, в основном студенты-медики. Однако, будучи прекрасным оратором, Драммонд все же считал, что самое главное в миссионерской деятельности — индивидуальная работа с людьми. Внимательность и рассудительность, проявляемые им в личном общении, привлекали к нему многих.

Все это сделало Драммонда известной общественной фигурой. В 1885 и 1888 гг. он опубликовал ряд религиозных обращений к лондонскому обществу. В 1886 г. тогдашний премьер-министр Уильям Гладстон предложил ему баллотироваться в парламент от партии либералов, но Драммонд отказался, считая, что путь, предназначенный ему Богом — это научная работа и чтение лекций.

В эту книгу вошли его самые известные религиозные сочинения, хотя и не все. Известнее всего — его статья «Самое великое в мире», посвященная любви. Утверждая, что высшая цель жизни — приобрести свойства Христа, которые основываются на любви, Драммонд сразу делает жизнь по вере понятной и привлекательной. Любовь в его описании — это не сентиментальность; взяв за основу 13 главу первого Послания к Коринфянам, он подробно описывает те свойства и действия, которые выводят любовь за пределы преходящих эмоций. Статья эта выдержала множество изданий, разошлась буквально в миллионах экземпляров и переведена на многие языки. Она стала одной из трех статей сборника, вышедшего в 1892 г. на русском языке, двумя другими были «Мир с вами» и «Как преобразить нашу жизнь».

Драммонд умел извлечь наружу все лучшее, что есть в другом человеке. После общения с ним люди уходили, по новому осмыслив свою жизнь. Кто-то сказал о нем: «Он заставлял тебя почувствовать, что ты сильнее и что твоя работа лучше, чем ты смеешь надеяться». В «Программе христианства» Драммонд обсуждает учение Христа о Царстве Божьем. Он всерьез принимает слова из молитвы Господней о том, что воля Божья будет осуше-

ствлена на земле, как на небе, и говорит, что построение Царства Божьего на земле — существенная часть всякого христианского призвания. Призывая людей увидеть свою жизнь и работу в свете «высшей миссии», он пишет, что жизнь в радости — это жизнь более высокая, жизнь в бескорыстии, жизнь без себялюбия, словом, та «жизнь с избытком», которую дает следование за Христом. А мыслить радостно — значит мыслить более широко, как может мыслить тот, кто держит в руках программу для всего человечества. Драммонд раскрывает перед нами картину обновленного мира, в котором общество и общественные институты преображены духом Божиим.

Драммонд верил, что у Бога есть замысел для каждого человека. В своей собственной жизни он глубоко чувствовал Божье водительство. Все ждали, что после сотрудничества с Муди и Санки в 1873—1875 г. он полностью перейдет на христианскую работу в какой-нибудь официальной должности, может быть, продолжая работать как евангелист/проповедник/миссионер. Летом 1875 г. он «ожидал», надеясь на Бога. В письме к отцу он писал: «Если кажется, что все двери закрываются перед тобой, ясно, что самая истинная мудрость, и даже самое истинное служение — “ждать”, конечно — с надеждой на Бога». Наконец, Драммонд почувствовал призыв вернуться к своим занятиям в Эдинбурге; он нашел работу лектора, которая, к счастью, давала ему возможность сочетать свои научные интересы с миссионерской деятельностью. Он мог перекинуть мост между христианским и академическим мирами, что и стало ключом к его будущему успеху. Без сомнения, он с большой благодарностью оглядывался назад на тот путь, которым Бог вел его к этой работе.

Мысль о том, что у Бога есть замысел для каждой отдельной жизни — центральная тема статьи «Как узнать волю Божию». Драммонд говорит, что наряду с основной волей Божьей, желающей освящения человеческой души, у Бога есть особая воля для каждого в отдельности: Бог хочет, чтобы я Ему уподобился, но есть еще и «воля о том, где, в каком месте, то есть в этом или другом городе, я должен уподобляться Богу. Есть воля на то, где мне быть, кем быть, что делать завтра. Есть воля на то, какой путь мне выбрать, какую работу делать ради Христа, как вести свое дело, какие средства тратить. Это частная воля Бога обычно касается каждого моего шага и всего жизненного пути, по которому Он меня направляет; воля Бога о всей моей жизни».

Драммонд убежден, что ключ к пониманию воли Божьей — в *готовности* ее исполнить: «Нет более важного приобретения в жизни любого христианина, чем ясное и простое устройство искренне повинующегося сердца».

В другой статье, «Как связаны между собой воля Божья и наше освящение», Драммонд рассматривает некоторые частные проблемы. Например, он ставит вопрос, не становятся ли люди, выполняющие волю Божью, Его «автоматами» или «орудиями». Ответ в том, что воля Божья полностью помогает тому, кто ее выполняет. В частности, он пишет, что освящение — плод выполнения воли Божьей. Он замечает также, что стимулы, побуждающие человека жить христианской жизнью, должны возрастать: «Стимулы, которые Бог допускает нам для начала, не должны оставаться с нами всегда... Они должны расти, чтобы росла благодать». Наивысший стимул христианской жизни, говорит он, выражен в словах: «Будьте святы, ибо Я свят».

Драммонд испытывал огромный интерес к динамике изменения личности. В статье «Мир с вами» он замечает, что духовные наставники обычно виноваты в том, что они не предлагают никакого действенного совета, не говорят, *как* жить духовной жизнью. Он пишет, что недавно слышал проповедь, в которой было множество прекраснейших мыслей о мире душевном; но, как на беду, не было практического содержания, не было совета, который помог бы слушателям реально обрести то, о чем им рассказывают. Поэтому Драммонд стремился объяснить, что подлинный духовный опыт (жизнь в духе) достигается не благодаря удаче или хорошему характеру, но благодаря определенному методу. Он не считал, что веру можно свести к методу, но хотел показать читателям и слушателям, что в духовной жизни есть свои законы — у следствия должна быть причина. Говоря об «мире» в этой статье, Драммонд старался показать, почему у одних есть мир в сердце, а у других нет. Он полагает, что «мир» — «разум, свободный от себя самого» — приходит к тем, кто отказывается от себялюбия, становится кротким и смиренным сердцем, и все скорби, все унижения, которые встречаются ему в жизни, принимает как ниспосланные Богом. Таким образом, полагает Драммонд, существует определенный «причинно-следственный» процесс, который приводит человека к достижению внутреннего мира.

Именно здесь духовное учение Драммонда подкреплялось его опытом научной работы. Он хотел доказать, что в духовном ми-

ре есть такая же «причинно-следственная связь», как и в физическом. В проповеди «Как преобразить нашу жизнь» он сравнивает духовный рост с ростом цветка: «При правильных условиях для души так же естественно стать прекрасной, как и для цветка». Он оставил мысль, что люди могут измениться. Напротив, он говорит: чтобы измениться, надо поместить себя в правильную среду, подразумевая под ней присутствие Божье. Никто не может измениться собственными усилиями; только ставя себя так, чтобы Божье присутствие и Божья сила могли действовать на тебя, ты можешь надеяться, что *тебя изменят*. Как цветок, посаженный в хорошую почву, достигает полного роста, так и человек в общении с Богом автоматически начинает быть похожим на Него. Человек — не пассивный участник этого процесса; его участие состоит в том, чтобы постоянно сохранять себя в таком состоянии, в котором Бог может на него воздействовать. Этот процесс Драммонд в своей речи «Естественный закон в духовном мире» назвал «ботаникой Нагорной проповеди»: помещенный в благодатную почву Духа Божия, человек естественным образом начинает осуществлять свои потенциальные возможности.

Манера Драммонда говорить о духовном мире языком науки хорошо видна в «Искушении», короткой речи, произнесенной им для студентов Эдинбургского университета (она составлена на основе записей, сделанных во время одной из его аудиенций, и дает представление о том, как он говорил). Испытание, говорит Драммонд, — это не то же, что грех. Это индикатор, указывающий, где нужен и возможен новый рост; вовремя распознанное и побежденное, оно открывает новые пути для человеческого духа. Драммонд говорит об этом языком эволюционной биологии: «Испытание — не грех... оно имеет высокую эволюционную ценность». Здесь религиозная и антропологическая мысль сливаются: он смотрит на испытание как на указатель пути, по которому человек может перейти с низшего уровня на высший.

В «Испытании» снова проявляется оптимистический взгляд Драммонда на возможность изменений в человеке. Здесь он цитирует письмо, полученное им от человека, которого он считал «безвозвратно погибшим». Теперь, говорит Драммонд, он совсем преобразился. Драммонд верил в то, что человека можно «восстановить из самого худшего состояния». В своем оптимизме он не был наивным. Как видно из проповеди «Как преобразить на-

шу жизнь», Драммонд считал, что духовный рост не совершается мгновенно, а требует времени. Он не сомневался в разрушительной и страшной природе греха. Во время миссионерской поездки 1873—1875 гг., как и позже, люди постоянно искали встречи с ним. Иногда после его проповеди они просили его поговорить с ними в специально отведенной для этого «комнате для вопросов». Как-то раз он сказал другу: «Мне приходилось выслушивать там такие горестные истории, что чувствовал — надо пойти и сменить даже самую одежду, в которой я с ними соприкасался». Оптимизм Драммонда основан на ясном понимании тех печалей и трудностей, которыми полна жизнь многих людей. В его прямом и смелом взгляде на человека нет ничего от утопического гуманизма, характерного для традиции Просвещения. Прежде всего, он верил, что сила Христа, действующая в людях, может изменить их жизнь и преобразить общество.

В убеждении Драммонда, что духовный рост требует времени, говорит простой здравый смысл; хотя он думал, что решение обратиться к Христу может прийти мгновенно, он был уверен, что осуществлять это решение придется долго. Кроме того, он считал, что интеллектуальные проблемы нельзя разрешить сразу. Он с уважением относился к подлинным интеллектуальным трудностям, и многие его произведения пытались ответить на интеллектуальные проблемы своего времени. В то же время он постоянно призывал людей жить по вере, а не ждать, что их проблемы будут разрешены в самом начале. Говоря однажды со служителем церкви о том, как разрешать духовные сомнения, он советовал, чтобы они побуждали скептиков временно отложить свои интеллектуальные трудности, касающиеся христианства, и соприкоснуться с нуждами мира:

«Я думаю, вы можете сделать одно для такого человека — помочь ему соприкоснуться с реальными нуждами мира и тем самым избавиться от своих интеллектуальных затруднений. Не просите его сразу отказаться от них. Скажите ему, что он будет разрешать их позже, шаг за шагом, а пока пусть отдаст свою жизнь Христу, а свое время — Царству Божьему, и вы увидите, что повернули его на 180 градусов. Вы увели его от ложной его природы; и, может быть, впервые в жизни он расставит все по своим местам. Он поставит свою природу в правильные отношения с миром и только тогда он начнет жить. Через послушание Богу — через *послушание* — он скоро станет учеником Христа. Тот будет учить его, и окажется, что все разрешимые проблемы разре-

шаются по мере того, как он идет по пути практического долга».

В этом сборнике дважды исследуется изменение жизни. В «Раскаянии» Драммонд рассматривает решающий миг жизни апостола Петра, когда после своего предательства он оказался лицом к лицу с самим собой и раскаялся. Грех Петра, говорит Драммонд, может увидеть каждый, но его раскаяние — «более великий факт» его жизни. Драммонд различает два виде раскаяния: «когда Бог оборачивается и смотрит на человека, и когда человек оборачивается и смотрит на себя». Последнее, по его мнению, основано на себялюбии; мы сожалеем об ошибке, утешая оскорбленное тщеславие тем, что наше лучшее «я» еще живо. Первое — много глубже, здесь мы ощущаем «страдания Бога, видящего наш грех». Величие Петра в глазах Драммонда отчасти в том, как быстро он снова обратился к Богу, не откладывая раскаяние до того времени, когда горечь о грехе исчезнет. Размышляя об этом, Драммонд полагает, что подлинное раскаяние заключает в себе «самый горестный, но и самый сладостный опыт вашей жизни».

В речи «Для меня жизнь — Христос» Драммонд описывает, как преобразилась жизнь апостола Павла. Решив жить для Христа, а не для себя, он полностью изменил свои «мотивации»; Становясь апостолом Павлом, Савл Тарсянин «переместил центр жизни». Преображение было сверхъестественным. Драммонд замечает, что «не Савл писал Послания, а совершенно другой человек, Павел». Как это произошло? Драммонд предполагает, что Павел разочаровался в такой жизни, которая строится вокруг себя. Первый шаг в его обращении — посмотреть на себя честно. Павла, полагает он, делал несчастным себялюбивый характер его стремлений; он был «слишком велик, чтобы иметь такой маленький центр жизни». Мало-помалу Павел пересмотрел свой жизненный план. Когда на его пути встретился Христос, он был уже готов к перемене: «Нигде не упоминается, что он собирался сменить учителя. Просто однажды новый Учитель встал на его пути, и совершилась великая перемена».

Проповеди Драммонда так притягательны и тем, что он, постоянно поясняя духовную жизнь, использует живые аналогии. Несомненно, у него могучее воображение. В «Искушении» он сравнивает трудности, с которыми встречается искушаемый, с тем испытанием, с которым столкнулся герцог Веллингтон, когда хотел переправить армию через реку. Веллингтон нашел брод, говорит Драммонд слушателям. Так и они должны с реши-

мостью и надеждой искать выход из своих трудностей. Сравнивая динамику духовного роста с ростом цветка, Драммонд различает роль человека и роль Бога, поясняя это на пример астронома, фотографирующего звезду. Дело астронома в том, чтобы держать камеру в правильном месте, иначе звезда не сможет отпечатать свой образ на негативе; а человек должен поставить себя в такую ситуацию, чтобы Дух Божий отпечатывался в его душе. Так старался Драммонд войти в мысли и мир людей, с которыми он говорил. Однажды он сказал: «С человеком, которого ты хочешь завоевать, говори на его языке». Он выбирал сравнения, соответствующие интересам его слушателей, — военные метафоры могли тронуть военных или тех, кто интересуется историей; образ астронома, фотографирующего звезду, апеллировал к тем, кто интересовался техническими и научными открытиями.

Драммонд не случайно прибегал к сравнениям. Говоря однажды о том, что он называл «новой евангельской проповедью» в Богословском обществе Независимой церкви (Глазго), он сказал, что традиционная евангельская проповедь слишком рационалистична для современных слушателей. Сейчас нужно обращаться к «воображению». Конечно, он не был противником разума. Его первый биограф — богослов Джордж Адам Смит — пишет, что Драммонд «относился с неприязнью или даже с ужасом к возбуждению эмоций, прежде чем мы уверимся, что убеждены разум». Однако Драммонд напоминал, что Христос в Своей речи использовал притчи и наглядные образы. Самые важные Его учения облечены в такую форму, которая ясно говорит, что они рассчитаны на воображение. Проповедники должны стремиться «не доказывать, а показывать».

Успех Драммонда не был случайным. Он считал, что индивидуальная миссионерская работа требует пристального внимания к частным нуждам людей. Действительно, он стремился внести дух научного исследования в изучение души. Необходимость научного ее исследования — центральная тема его эссе «Духовный диагноз» (не вошедшего сюда). Он прочитал его впервые в Эдинбургском Новом колледже (1873 г.), а опубликовано оно посмертно. Драммонд свидетельствует, что самая действенная миссионерская работа совершается один на один. Он с подозрением относился к тем, кто говорил для большой аудитории, но не мог понять личные проблемы отдельных людей. На его взгляд существует «план спасения», но мало людей, которые правильно понимали бы его, могли бы предложить верный совет и в то же вре-

мя имели бы необходимые уважение и деликатность, чтобы действительно общаться с другими людьми:

«[Христианский учитель или служитель], как духовный наставник, должен знать рациональную основу обращения. Он должен знать ее, как врач свою фармакопею. Он должен знать каждую фазу человеческой души в здоровье и болезни, в полноте радости и тьме отчаяния. Он должен знать путь паломника лучше, чем Буньян*. План спасения, как мы привыкли называть его, должен быть ясно определен в его сознании. Низшие ступени, одиночество, отчаяние, едва заметный свет, растущая вера — христианская жизнь началась. Кропотливый труд в страхе и трепете, рабская тщательность, страх падения, угрызения совести, все больше веры, больше надежды — переходный период. Наконец, высшая ступень: исчезает рабская педантичность, наступает свобода, вся жизнь проникнута Богом.

...Не будем думать, что такого знания легко достигнуть; многие достигли его. Кто они, люди, к которым мы с вами идем, когда духовная тьма застилает наши души? Немногие достаточно проникательны, чтобы поставить диагноз, распознать очевидные симптомы, вытянуть из нас то, чего мы решили не говорить, увидеть нас насквозь, найти в нас и зло и добро...

...Грубость и бестактная фамильярность могут сработать, когда имеешь дело с его мозгами, но без мягкости и деликатности ты только возмутишь сердце. Этикет основан на уважении, а самый мягкий этикет — это этикет души, обращающейся к душе».

Своими миссионерскими успехами Драммонд несомненно обязан тому, что он высоко ценил психологические аспекты религиозного опыта. Большое значение имело его сострадание к людям. В «Искушении» он непосредственно обращается к «людям морально деградировавшим», «зашедшим в тупик», он хотел подбодрить тех, кто теряет веру в себя. Именно сочетание сочувствия с необыкновенной привлекательностью и непосредственностью помогало Драммонду найти общий язык со многими людьми. Джордж Адам Смит вспоминает эти его черты в своей биографии, отмечая при этом широкий спектр его переписки и влияний.

«Наверное своему поколению Драммонд прежде всего *показал* христианство, которое совершенно естественно. Вы встреча-

* Джон Буньян (1628—1688), английский пуританский писатель, автор книги «Путешествие Пилигрима».

ли хорошо одетого джентльмена, высокого и стройного, с легкой походкой и веселым лицом. Вам казалось, он ничем не озабочен и не знает ни высокомерия, ни застенчивости. Но вот, вы беседовали с ним и обнаруживали, что у него масса самых разных интересов. Он удил рыбу, стрелял, катался на коньках, играл в крикет; он мог пройти какое угодно расстояние, чтобы посмотреть фейерверк или футбольный матч, у него всегда была наготове новая загадка или шутка... Если вы были загородном доме дождливым днем, он предлагал новую игру и через пять минут все втягивались в нее, если это был детский праздник, дети шумно требовали фокусов. Он курил, он играл в бильярд, блаженствуя на солнце, он был ленивейшим человеком из всех, кого вы только видели. Когда вы оставались с ним вдвоем, он непременно находил, что вам интересно, и слушал вас часами... В нем не было намека на превосходство, претензии на влияние — ничего, кроме интереса одного разумного существа к другому. Если разговор незаметно переходил к более глубоким вещам, он оставался спокойным и непринужденным, как прежде...

Нечего и говорить, что он обладал “талантом дружбы”, ибо он был богат скромностью, терпением и силой доверия, которые предполагает такой талант. Любовь его обладала и более редким свойством — горячностью, которая ревностно относится к духовному росту друга и не боится его критиковать. Чем была для него дружба, говорит то, что он называл дружбой веру. Очень немногие в наши дни могут соприкоснуться с зарождением стольких жизней. Как и все его друзья, я знал, что сотни людей приходят к нему, а он вселяет в них новую надежду на исправление и новую веру в Бога. Но даже тогда я не имел представления ни о качестве, ни об обширности воздействия, которое обнаруживает его переписка. Сначала своими речами и беседами, а потом, в гораздо больших масштабах — своими книгами, он привлекал к себе сомневающиеся и грешные сердца современников. К нему стремились люди всех сословий, из всякого народа под солнцем. Они инстинктивно тянулись к нему — не только за советом, но за Благой вестью от Бога и за вдохновением, которого ищут только у самого чистого и самого любящего представителя человечества. Он был пророком и он был священником для несметного количества людей».

Значение, которое Драммонд придавал индивидуальной работе, оказало огромное влияние на целое поколение христианских руководителей. Одним из них был Генри Б. Райт (1877—

1924), который стал профессором христианских методов в Йельском университете в США. Книга Райта «Воля Божья и дело человека» (1909), учебный курс о том Божьем замысле в жизни, во многом написана под влиянием Драммонда. Большое влияние оказал Драммонд и на американского пастора Френка Бухмана, основателя Оксфордской группы и Морального перевооружения. В «Хирургии души» (1919) Ховарда Вальтера, которая отражает некоторые ранние идеи Бухмана, множество ссылок на Драммонда. Взгляды Бухмана на индивидуальное миссионерство и мысль о том, что личное изменение может привести к преобразению общества, многим обязаны учению Драммонда.

Учение Драммонда заслуживает того, чтобы открыть его заново. Он был первопроходцем в трех областях — попытке христианского общества откликнуться на учение Дарвина; усилении в определенных христианских кругах работы с каждым в отдельности; психологии религии, которая была на самой ранней стадии своего развития. Заслуживают внимания и его труды о Царстве Божьем, поскольку они сосредоточены на тех путях, которыми дух Христов может преобразить общество. Однако значение Драммонда не только в его учении. Он был живым примером христианства, привлекательного и подлинного. Муди говорил о нем: «Из всех, кого я знал, он больше всех походил на Христа». Сам Драммонд как личность заслуживает, чтобы о нем вспомнили; сейчас он может вдохновлять нас, как и столетие назад.

Д-р Филип Буббайер

Преподаватель современной европейской истории
Кентский университет, Кентерберри

1

Самое великое в мире

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею; то я медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею; нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует,
Любовь не завидует,
Любовь не превозносится, не гордится,
Не бесчинствует,
Не ищет своего,
Не раздражается,
Не мыслит зла;
Не радуется неправде, а сорадуется истине;
Все покрывает, всему верит, всего надеется,
Все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (1 Кор 13).

Всякому, конечно, приходилось задавать себе великий вопрос древнего и нового времени: в чем заключается *summum bonum* — высшее на свете благо? Перед нами жизнь. Только раз мы можем пережить ее. Чего же должны мы желать прежде всего, что должно быть высшею целью наших стремлений?

Большинство отвечает, что для религиозного человека выше всего вера. В течение веков это великое слово определяло религиозную жизнь народов, и мы свыклись с мыслью, что вере принадлежит первое место. Но это не совсем так. Одною верою цели еще не достигнешь. Имея перед собою только что прочитанную главу апостольских посланий, мы стоим, так сказать, у источника христианства. А в этой главе сказано: *любовь из них больше*. Это не случайное замечание. Апостол Павел в начале той же самой главы говорит о вере: *и если имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а не любви имею; то я ничто*. Следовательно, нисколько не теряя из вида веры, он противопоставляет ее любви. *А теперь пребывают вера, надежда, любовь, сии три*, говорит он и тут же, не колеблясь, решает: *но любовь из них больше!*

Это — не его личная прихоть. Человеку свойственно хвалить то, к чему он сам наиболее склонен; но Павлу любовь давалась с трудом. Внимательный наблюдатель легко проследит, как зарождается и зреет она с ходом лет этого апостола; но рука, написавшая, что «любовь из них больше», обогрета вначале кровью.

Не только Послание к Коринфянам ставит любовь превыше всего. Лучшие творения христианства в этом согласны. Апостол Петр говорит: *более же всего имейте усердную любовь друг к другу, — более всего!* Иоанн Богослов пишет даже, что *Бог есть любовь*. Помните глубокое изречение того же Павла: *любовь есть исполнение закона?* Размышляли Вы когда-нибудь, что хотел сказать апостол? Люди, к которым обращено его послание, пытались достигнуть Царства Небесного, исполняя Десятисловие и сто десять других заповедей, выведенных ими самими из первых десяти. Христос же сказал, что покажет более простой путь. Исполнив только одно, говорит Он, вы тем самым исполните и те сто десять, сами того не замечая. Если вы будете иметь любовь, вы неосознанно выполните весь закон. В этом нетрудно убедиться. Возьмем любую из десяти заповедей. «*Да не будет тебе бога иного кроме Меня*». Нужно ли говорить это тому, кто любит Бога? Любовь — исполнение этого закона. «*Не приемли имени Господа Бога твоего всуе*». Употребит ли любящий Бога Его имя напрасно? «*Помни день субботний и чти его*». Если любишь

Бога, только рад посвятить ему один из семи дней. Словом, любовь выполняет все заповеди по отношению к Богу. Точно также, если кто любит человека, незачем говорить, чтобы он чтит отца и мать, он и так их чтит. Незачем говорить, чтобы он не убивал. Если мы попросим его не красть, мы его только оскорбим. Станет ли он что-то отнимать у тех, кого любит? Не будет он и клеветать, ему это и в голову не придет. Совершенно излишне говорить ему: «Не пожелай ничего, что принадлежит твоему ближнему». Он скорее сам что-либо даст ему. Стало быть закон исполняется в любви. Вот — единственное правило для всех правил жизни, новый завет для соблюдения всех древних заповедей, единственная тайна христианской жизни.

Апостол Павел познал ее, и в своей великой хвале, в гимне любви поразительно описывает нам высшее благо. Эта хвала любви распадается на три части. Сперва любовь изображается в *противопоставлениях*, в середине она исследуется, а в конце — превозносится как высшее благо.

Противопоставления

Апостол Павел начинает с того, что противопоставляет любовь другим высоко чтимым в те времена вещам. Здесь я буду краток. Сразу видно, что эти вещи ниже любви.

Он противопоставляет любви красноречие, благородный дар, ту силу, которая увлекает и воодушевляет чувства и волю толпы, направляет мысли к высоким целям и на дела, угодные Богу. *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею; то я медь звенящая, или кимвал звучащий»*. Мы знаем, это так. Всем нам хорошо знакома пустота слов, лишенных чувства, неубедительность самой красивой, талантливой речи, если в ней нет любви.

Он противопоставляет любви пророчество, противопоставляет ей тайны, веру и милостыню. Почему любовь больше веры? Потому что цель важнее пути к ней. Почему она больше добродетели? Потому что целое больше части. Любовь больше веры, ибо цель важнее средств. Для чего нужна вера? Она соединяет душу с Богом. Зачем ей это? Затем, чтобы она Ему уподоблялась. Но ведь Бог есть любовь! Значит, вера — это путь, средство, а любовь — цель. Вот и ясно, что любовь больше веры. Она больше щедрости, благотворения, потому что целое больше части. Благотворение — лишь небольшая часть любви, одно из разнообраз-

ных ее проявлений. Любовь благотворит, но не всякое благотворение — любовь. Нетрудно сунуть медную монету случайному нищему — пожалуй, даже легче, чем пройти мимо. Иногда мы просто спасаем себя от неприятного зрелища, думая дешево откупиться, но нищему это обходится дорого. Если бы мы его любили, мы сделали бы для него больше — или меньше.

Дальше апостол сопоставляет любовь с жертвой и мученичеством. *«Если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею; нет мне в том никакой пользы»*. Тех из вас, которые хотят проповедовать слово Божие, я прошу запомнить, что если вы отдадите тела на сожжение, а любви у вас не будет, не выйдет ничего, просто ничего! Оправляясь к язычникам, вы можете принести только отпечаток на вас, на вас самих любви Божьей. Любовь — всемирный язык. Годы нужны на то, чтобы выучить китайский или какое-нибудь индийское наречие. Но с первых шагов по чужой стране всем понятный язык любви подарит вам неосознанное красноречие. Проповедь — сам человек, а не его слова. Весть его — то, какой он. В сердце Африки, среди великих озер, я встречал туземцев, которые помнили одного белого человека из всех — Дэвида Ливингстона. Лица их оживляются, когда она говорят о добром докторе, побывавшем у них много лет назад. Они не понимали его слов, но чувствовали его любовь, которую билось его сердце. Вот именно ее и берите с собой, куда бы вы ни шли; это простое средство, но в нем чудесная сила, и работа ваша не пропадет даром. Больше этого вам нечего взять с собой, а меньшее бесполезно, с меньшим не стоит и пускаться в путь. Может быть, вы даровиты; может быть, вы готовы к жертвам; но даже, если вы отдадите тело на сожжение, а любви в вас нет, то ни вам, ни делу Христа не будет никакой пользы.

Свойства любви

Сопоставив с любовью красноречие, пророчество, тайны, знания и веру, апостол в трех очень кратких стихах дает поразительный анализ этого высшего блага. Взгляните на нее, говорит он, она — как свет. Мы знаем, что стеклянная призма, принимая луч света, разлагает его на составные цвета — красный, синий, фиолетовый, желтый, на все цвета радуги. Так и здесь. Апостол пропускает луч любви сквозь великолепную призму своего вдохновенного ума — и луч этот разлагается на составные части. Перед нами как бы спектр любви. Из чего же он состоит? Надеюсь,

вы заметите, что это хорошо, когда знакомые понятия, житейские добродетели, о которых мы все время слышим, свойства, доступные каждому в любом жизненном положении, вместе дают полный, единый луч любви, *sumtum bonum*, высшее благо.

Спектр любви состоит из девяти цветов:

- Терпение «*Любовь долготерпит*»
- Милосердие «*Милосердствует*»
- Великодушие «*Любовь не завидует*»
- Смирение «*Любовь не превозносится, не гордится*»
- Вежливость «*Не бесчинствует*»
- Бескорыстие «*Не ищет своего*»
- Кротость «*Не раздражается*»
- Доброжелательство . . «*Не мыслит зла*»
- Искренность «*Не радуется неправде*»

Терпение, милосердие, великодушие, смирение, вежливость, бескорыстие, кротость, доброжелательство, искренность — слагаемые высшего блага, отдельные черты совершенного человека. Вы видите, что все они имеют в виду нашу земную жизнь, наши отношения между собой; касаются нынешнего дня и недалекого завтра, а не неведомой нам вечности. Мы много слышим о любви к Богу; Христос же много говорил и о любви к людям. Мы заботимся о примирении с небом, а Христос завещал нам, кроме того, соблюдать мир между собой. Христианство — не что-то чуждое, *внешнее*, но освящение ежедневной жизни, действие вечного Духа во временном мире. Высшее благо вообще не «что-то», не «какой-то предмет», но самая жизнь, просветление всех слов и действий, из которых слагается наше ежедневное существование.

Составные части любви мы рассмотрим очень коротко.

Любовь есть *терпение*. Это естественно для нее, она тиха, она не спешит, не суетится. Когда надо, она готова все сделать, но не навязывает себя, а ждет, «долготерпит», облачившись в одежды покоя и кротости. Она все переносит, всему верит, на все надеется. Она понимает, а потому — может ждать.

Милосердие — это деятельная любовь. Замечали ли вы, сколько времени тратил Христос на добрые дела, просто дела? Проследите по Евангелиям, и вы увидите, что Он почти непрестанно делал людей счастливыми, радовал их. Выше счастья только святость, но освятить человека не в нашей власти. А вот счастье наших близких Бог препоручил нам, а для этого, прежде всего, надо быть с ними добрым.

Кто-то сказал: «Лучшее, что можно сделать для Небесного Отца — доброта к Его остальным детям». Я часто думаю, почему в нас так мало доброты? Как нужно это миру, как легко, как быстро действует, как запоминается, как воздается — и впрямь, сторицей! На свете нет такого верного, щедрого и честного должника, как любовь. Кто-кто, а она не обманет. В любви — выгода, и счастье, и жизнь. «Любовь, говорит Браунинг, действующая сила жизни».

Где любовь, там и Бог. Пребывающий в любви пребывает в Боге. Бог есть любовь. Значит, любите без разбора, без счета, без промедления. Любите бедных, это нетрудно; любите богатых — они часто в этом нуждаются; а главное, любите равных себе, ведь для них мы, наверное, меньше всего делаем, да это и впрямь нелегко. Одно дело *угождать*, совсем другое — *радовать*. Радуйте людей. Не пропускайте случая доставить им счастье. Это и есть непрестанная победа поистине любящей души. «Я только раз пройду через этот мир. Значит, надо делать сразу теперь все доброе, что в моих силах. Нельзя забывать об этом, больше мне здесь не жить».

Ведь жизнь, с ее усладой и бедой
И страхом, и надеждой
Нам помогает толком изучить
Возможности и качества любви.

Великодушие. — «*Любовь не завидует*». Здесь говорится о любви и соревновании с другими. Делая добро, мы часто видим, что другие делают то же самое, и может быть, лучше нас. Не завидуйте им. Зависть — это недоброжелательство к тем, кто действует в одном направлении вместе с нами, это алчность и злоба. От этого нехристианского чувства нас почти не ограждает даже труд во имя Христа. Недостойнейшее из побуждений, замутняющих нашу душу, ждет нас на пороге каждого дела, если мы не укрепимся великодушием. Завидовать можно одному — великой, незлобивой душе, которая «не завидует».

Научившись всему этому, идите вперед, заботьтесь о *смирении* — запечатайте ваши уста и забудьте о том, что сделали. Вы были добры, ваша любовь сотворила свое прекрасное дело, а теперь — отступите в тень и молчите. Любовь таится от самой себя, она не терпит самодовольства, «*не превозносится, не гордится*».

На первый взгляд странно встретить здесь пятый цвет спектра — *вежливость*. Это любовь в общении, любовь в поведении.

«Любовь не бесчинствует». Кто-то назвал вежливость любовью в мелочах. Один из ее секретов — любящее сердце. Любовь просто не может выражаться неучтиво. Можно ввести невоспитанного человека в изысканное общество, и если в его сердце таится любовь, он не нарушит правил приличия. Карлейль сказал о Роберте Бернсе, что во всей Европе нет такого джентльмена, как этот поэт-крестьянин. Дело в том, что Бернс любил все — и полевую мышь, и маргаритку, и все большие или малые Божьи творения. Потому он, простой человек, мог бывать в любом обществе, ходить во дворцы и замки, покинув свой домик на берегу реки.

Вы знаете, кстати, что значит слово «джентльмен»? «Вежливый человек» — мягкий, любезный, учтивый. Он по сути своей не может сделать что-то злое и грубое. «Любовь не бесчинствует».

Бескорыстие. — «Любовь не ищет своего». Заметьте: она не ищет даже того, что принадлежит ей по праву. У всякого из нас есть права, но приходит минута, когда мы можем и должны, соблюдая высшее право, отказываться от своего собственного. Но апостол Павел не призывает нас к такому отречению. Он смотрит глубже. Любовь вообще *не думает* о правах, не помнит о них, выводит их за свои пределы. Не так уж трудно отступить от прав, они ведь обычно — внешние. Трудно отступить от себя, а самое трудное — ничего для себя не искать. Если мы добились своего, победили, взяли верх, мы уже в сущности, «сняли сливки», теперь не так уж трудно отступить. А вот не искать, не печься, не заботиться о том, что нам подобает — это дело, это самая суть. «Домогаешься ли великого? — говорит пророк. — *Не домогайся*». А почему? Потому что в земном нет величия; нет великих вещей. Велика лишь бескорыстная любовь. Даже самоотречение само по себе — ничто, почти ошибка. Только высокая цель или великая любовь могут его оправдать.

Только что я сказал, что труднее не искать своего, чем найти — и отступить. Беру эти слова назад. Они верны только для такого сердца, в котором осталось самолюбие. Для любви нет трудностей, нет жертв. Я верю, что иго Христово легко; это и есть жизнь в Его духе. Да, я верю, что Его путь легче всего другого. Я верю, что он — самый счастливый. Самый очевидный урок в ученье Христа — то, что счастье не в обладании, не в приобретении, а в давании. Я повторяю: *не в обладании, не в приобретении, а в давании!* Полмира ищет счастья не там, где надо. Люди думают, что оно в богатстве, в удобстве, в чьих-то услугах; а оно

в том, чтобы давать и служить другим. «*Кто из вас хочет быть первым, — говорит Господь, — пусть будет всем слуга*». Кто хочет быть счастливым, должен помнить, что существует лишь один путь — блаженнее, то есть счастливее давать, а не получать.

Следующий «цвет спектра» поистине удивителен. Ведь это, в сущности, «хороший характер», мягкость нрава, странно их тут найти! Мы смотрим на вспыльчивый, раздраженный нрав, как на невинную слабость. Мы называем это слабостью, наследственной чертой, особенностью темперамента, не придавая ему особенного нравственного значения. Между тем именно об этом идет речь в главе о любви; а Библия снова и снова осуждает это свойство, как одно из самых губительных в человеческой природе.

Особенность дурного нрава в том, что это — порок праведных, единственное пятно на добродетели. Мы знаем людей, которых бы не в чем было упрекнуть, если бы они не так легко сердились, срывались, раздражались. Да, раздражительность легко уживается с высокой нравственностью; это — одна из удивительнейших и печальнейших загадок этики. Дело в том, что есть два рода грехов — грехи *слабости* и грехи *намерения*. Блудный сын — пример первых, старший брат — образец вторых. Общество всегда знает, что хуже; оно всегда осуждает блудного сына. Но правильно ли это? У нас нет весов для греха, своего или чужого; это — «постыдней», это — «приличней» — только слова человеческие. Но грехи высшей природы, грехи духовные обычно тяжелее, чем грехи низшей природы, и в глазах Того, Кто есть любовь, грех против любви может быть в тысячу раз хуже всего. Никакой пророк, никакая суетность, никакая алчность и жадность, даже пьянство не повредят христианству так, как раздражительность. Ничто не может настолько испортить жизнь, посеять вражду, разрушить самые священные узы, опустошить дома, озлобить мужчин и женщин, отнять у детей детство, породить множество бед, как эта «слабость». Посмотрите на старшего брата — честного, трудолюбивого, добросовестного, порядочного (не будем отнимать у него хороших свойств), и обратите внимание на то, как он, словно капризный ребенок, обижается на отца. «Он разгневался, — сказано в Евангелии, — и не хотел войти». Он огорчает отца, слуг, гостей, не говоря уж о брате — а сколько блудных братьев отпугивают от Царства те, кто считает, что они, праведники, уже там? Смотрите, как хмурится старший брат. Почему же? Да от зависти, от злости, от гордыни, жестокости,

самодовольства, обидчивости, раздражительности — свойств этой темной, нелюбящей души. В той или иной степени сказываются они и в каждом проявлении дурного нрава. Судите сами, не хуже ли они, не губительнее ли для самого человека и для тех, кто рядом, чем грубые пороки плоти. Сам Христос ответил нам словами: *«Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в царство Божие!»* Для такого нрава нет места на небе. Он только испортил бы всем радость. Если раздражительный человек не родится снова, он не сможет, просто не сможет войти в Царство Небесное. Поймите меня правильно — чтобы войти на небо, надо иметь небо в сердце.

Теперь вы видите, почему «нрав» так важен. Дело не столько в нем самом, сколько в том, что он обнаруживает. Вот почему я решился говорить с такой необычной прямоотой. Наш характер — это пробный камень, симптом, внешний признак любви или нелюбви. Раздражительность — повышенная температура, говорящая о болезни. Нарыв, свидетельствующий о внутреннем беспорядке; нечаянное проявление скрытой испорченности сердца, словом — внезапный выплеск весьма нехристианских чувств. Один приступ злобы показывает, что у нас нет доброты, пощады, терпения, вежливости, и есть себялюбие.

Мало заняться своим характером. Надо идти вглубь, к его источникам, и переменить глубинную природу; тогда «приступы раздражения» прекратятся сами собой. Чтобы исцелить душу, не извлекают из нее дурные соки, а вкладывают в нее любовь, новый дух, Дух Христа. Христос, проникая в нас, обновляет, очищает, перерождает все наше существо. Только Он может искоренить дурные начала нашей природы, переменить ее, обновить, возродить, восстановить внутреннего человека. Сила воли людей не меняет, не меняет их и время. Это под силу только Христу. Поэтому и сказано у Павла: *«пусть будут в нас такие же чувствования, какие и во Иисусе Христе»*. Некоторым из нас осталось для этого немного времени. Помните, дело идет о жизни или смерти. Приходится говорить пылко — ради себя, ради вас. *«А кто соблазнит одного из малых сих, верующий в меня; тому лучше было бы, если повесили бы ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»*. Христос изрекает ясный приговор: лучше не жить, чем не любить. *Лучше не жить, чем не любить.*

Об искренности и доброжелательности можно сказать коротко. Доброжелательность, доверчивость, открытость — благодат-

ный дар для недоверчивых. Именно в нем тайна личного влияния. Немного подумав, вы поймете, что люди, имеющие на нас влияние — это те, кто в нас верит. Среди недоверчивых человек замыкается в себе; там же, где ему доверяют, он раскрывается, находя одобрение и сочувствие. Какое чудо, что в этом жестоким, беспощадном мире попадают люди, которые не мыслят зла. Поистине они — «не от мира». *«Любовь не мыслит зла»*, не предполагает дурного, не принимает его в расчет; она всегда ожидает от других самого лучшего, смотрит на все с хорошей стороны. Какое счастливое состояние духа! Как благодатно, как благотворно встретить его хотя бы на короткое время! Доверие — это спасение. Пытаясь влиять на людей или воспитывать их, мы скоро заметим, что успех пропорционален их уверенности в нашей доверии. Без уважения со стороны других не восстановить утраченного уважения к самому себе. Идеальное представление о нем становится ориентиром и образцом того, каким он может быть.

Любовь *«не радуется неправде, а сорадуется истине»*. Действительно, тот, кто любит, любит правду не меньше, чем ближнего. Он радуется правде — не набору истин, не той или иной доктрине, тому или другому «изму», а самой правде, истине. Он принимает только реальное; он стремится к фактам; он ищет истины смиренно и непредвзято и лелеет каждую крупичку, чего бы она ему не стоила. Но Павел смотрел еще глубже, и, если взять всю фразу, мы не найдем точного слова, чтобы обозначить это качество. Сюда входит, вероятно, то самоограничение, когда человек не хочет извлекать выгоду из чужих ошибок; та любовь, которая не злорадно обличает слабости, а *«покрывает все»*; та чистота намерений, которая побуждает видеть все, как оно есть, и радоваться, что оно лучше, чем подсказки страха или клеветы.

Вот анализ любви. Нам остается ввести все это в нашу жизнь. Самое главное на свете — учиться любви. Разве мало для этого поводов? Каждый из нас каждый день получает их тысячами. Мир — не площадка для игр, а школа. Жизнь не праздник, а рабочий день. Живя, мы воспитываемся, учимся, и главный урок — как бы получше любить. Человек хорошо играет в крокет, потому что упражняется. Хороший художник, скульптор, музыкант, лингвист, стенограф — упражняются. Так и хороший человек. Без упражнения, без практики, у него ничего не выйдет. В религии нет капризов. Душа развивается не каким-то особым путем, не по каким-то особым законам, но точно так же, как растет на-

ше тело или разум. Кто не упражняет руку, не разовьет бицепсов; кто не упражняет душу, не обретет душевной крепости и красоты, не вырастет духовно. Любовь — не минутное возбуждение. Это сильное и целостное проявление христианского характера, хриstopодобная природа в полнейшем своем развитии. Такой зрелости духа мы достигаем только непрерывным упражнением.

Что делал Христос в мастерской плотника? Он учился. Он, Совершенный, учился послушанию, возрастал в премудрости и в любви у Бога и у людей. Не ропщите же на свою жизнь, на бесконечные заботы, на пошлость, сварливость, мелочность тех, с кем вы должны жить и работать. Прежде всего не сетуйте на искушения; не смущайтесь тем, что их все больше, и ничто их не берет — ни усилия, ни страдания, ни даже молитва. Это и есть упражнение, назначенное вам Богом; оно должно сделать вас терпеливыми, смиренными, добрыми, бескорыстными, вежливыми, милосердными. Не сердитесь на руку, которая лепит вас по подобию Творца! Вы становитесь лучше, хотя того и не видите, и каждое прикосновение соблазна этому способствует. Поэтому не уходите из мира, оставайтесь в гуще жизни, среди людей, их дел и забот, тягостей и препятствий. Помните слова Гете: «Дар зреет в тишине, а нрав — в стремнине мира». В тишине быстрее и полнее развиваются такие дары, как дар молитвы, веры, созерцания прозрения. Нрав крепнет в стремнине этого мира. Там и можно научиться любить.

А как? Все-таки как? Ради ясности я назвал несколько составных частей любви, но это только части; любовь не поддается определению. Свет больше, чем соединение семи цветов; это — сияющий, трепетный, животворящий эфир. Так и любовь больше совокупности свойств, она — живая. Соединив все цвета, мы получим белый, но света не создадим. Соединив все добродетели, мы станем добродетельными, но любви создать не сможем. Что же сделать, чтобы это небесное благо проникло в наши души? Мы напрягаем волю, чтобы его обеспечить, мы стараемся подражать тем, у кого оно есть. Мы создаем разные правила. Мы бдим. Мы молимся. Но все это само по себе не внесет любовь в наше сердце, потому что любовь — это плод. Только если мы соблюдаем нужные условия, он в нас созреет. Сказать вам где источник любви?

В Первом послании Иоанна Богослова сказано: «Будем любить, потому что Он прежде возлюбил нас». В прежнем переводе сказано «...любить Его», но это неверно, там просто «будем лю-

бить». А слова «потому что» и есть источник, причина, о которой мы только что говорили. Он, Бог, возлюбил нас, *потому* мы любим Его и всех людей. Тут ничего не поделаешь. *Потому что* Он *любит* нас, и сердце наше постепенно преобразуется. Посмотрите на Христа, и вы полюбите. Встаньте перед Ним, отразите Его, как зеркало, и вы изменитесь по Его образу, возрастая в любви. Другого пути нет. Любить не прикажешь. Можно одно: смотреть на достойное любви, полюбить его и ему уподобиться. Вот и смотрите на Совершенного Человека, на Совершенную жизнь. Смотрите на то, как Он предавал Себя во все время до креста на Голгофе, и вы полюбите Его, а любя, станете таким, как Он. Любовь порождает любовь. Это вроде индукции. Если приблизить кусок железа к наэлектризованному телу, то наэлектризуется и железо; от соприкосновения с магнитом оно на какое-то время обретет магнитные свойства. Оставаясь с Тем, Кто возлюбил нас и предал Себя за нас, вы станете магнитом, и как Он, будете притягивать к себе людей. Это — неизбежное действие любви. С каждым, кто примет *причину*, будет именно так. Не думайте, что вера приходит случайно или загадочно, или по прихоти. Она приходит по естественному закону, а точнее — по сверхъестественному, ибо всякий закон — от Бога. Эдвард Ирвинг пришел к умирающему мальчику, положил руку ему на голову, сказал: «Дорогой мой, Бог тебя любит», и вышел. А мальчик вскочил с постели и закричал своим домашним: «Бог меня любит! Бог меня любит!» Он совершенно преобразился. Мысль, что его любит Бог, настолько завладела им, что сердце его растаяло и стало обновляться. Так расплавляет Божия любовь наши жестокие сердца и создает в нас нового человека — терпеливого, кроткого, милосердного, бескорыстного. Другого пути нет. Все очень просто. Мы любим ближних, мы любим всех, мы любим и врагов, потому что Он сперва возлюбил нас.

Похвала любви

Теперь мне остается объяснить, почему апостол Павел восхваляет любовь как высшее благо. Причина поистине поразительна: «*любовь никогда не перестает*». Да, любовь не исчезает. И как в начале главы, апостол с удивительной точностью перечисляет то, что считалось особенно важным и прочным, а потом показывает, что все это недолговечно, преходяще, временно.

«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся». В те дни лучшее, что могла пожелать сыну еврейская мать — чтобы он стал пророком. Пророк считался выше царя, хотя уже несколько веков пророков не было. Тем упорнее ждали люди, что восстанет пророк и, как было в старину, возвестит им Божью волю. Павел же говорит: «Пророчества прекратятся». Библия полна пророчеств; одно за другим они «прекращались», то есть выполнили свое дело. Теперь им только оставалось поддерживать веру в верующих.

Затем апостол Павел говорит о языках, к которым тоже очень стремились: «И языки умолкнут». Мы все знаем, что прошло много столетий с тех пор, как «говорили на языках». Этого больше нет. Понимайте это как хотите. Можно иметь в виду и просто языки, хотя апостол подразумевал иное; урок будет тот же самый. Слова эти были написаны по-гречески. Его нет. Возьмите латынь, другой великий язык той поры. Его нет давно. Язык индийцев почти исчез. Языки Уэльса, Ирландии, Горной Шотландии доживают последние дни. Самая распространенная английская книга, после Библии, «Записки Пиквикского клуба». Большая часть ее написана языком лондонских улиц, и сведущие люди уверяют нас, что через какие-нибудь полсотни лет очень немногие люди смогут ее читать.

Апостол Павел идет дальше и еще смелее объявляет, что и «знание упразднится». Где мудрость древних? Она ушла. Нынешний школьник знает больше, чем знал Исаак Ньютон, знание его миновало. Вчерашнюю газету вы бросаете в печь: ее сведения не нужны. Старые издания знаменитых энциклопедий можно купить за бесценок, их знание упразднилось. Старинную курьерскую почту вытеснил пар; и вот уже электричество скоро заставит нас выбросить пар вместе с сотней других изобретений нашего века. Сэр Уильям Томсон, один из величайших авторитетов, сказал недавно, что «паровозы устарели». Все наши знания, все изобретения со временем упразднятся. Почти на каждой большой фабрике можно найти во дворе кучу старого железа, колеса, рычаги или другие части, сломанные и ржавые. Двадцать лет тому назад ими гордился город. Люди стремились сюда со всех концов страны, чтобы посмотреть на великое изобретение. Теперь его обогнали другие, дни его прошли. И вся наша знаменитая наука, вся наша философия скоро устареет. Давно ли сэр Джеймс Симсон, открывший хлороформ, был самым важным человеком в Эдинбургском университете, а недавно к его прием-

нику и племяннику, профессору Симсону, библиотекарь обратился с вопросом, какие учебники можно убрать в подвал, и услышал в ответ: «Все, чему больше десяти лет». Сэр Джеймс Симсон буквально только что был первым из первых, со всех краев света приезжали к нему, а теперь почти вся медицинская литература того времени предана забвению. То же самое во всех других отраслях науки. «Теперь мы знаем отчасти, — говорит апостол, — видим как бы сквозь тусклое стекло».

Можете ли вы назвать мне что-нибудь действительно прочное? Многого апостол даже и не назвал. Он не назвал денег, удачи, славы, но то, что было самым великим для лучших людей, он берет — и отменяет. Нет, он ничего не имеет против них; он говорит лишь, что они упразднятся. Они важны, они велики, но не они главные, есть и поглавнее. То, какие мы, важнее, чем то, что мы делаем, тем более — чем то, что мы имеем. Многие считают грехом, когда это не грех, но все же вещь преходящая. Об этом часто говорится в Новом Завете. Иоанн не пишет, что мир нехорош, нет, он всего лишь *«проходит»*. В мире много прекрасного и чудесного, много значительного и нужного, но все это непрочно. Здешнее, мирское, земное — похоть очей, похоть плоти и гордость житейская. Потому-то и сказано: *«Не любите мира»*, то, что в нем есть, недостойно бессмертной души. Такая душа должна предаться чему-то бессмертному. А только три вещи пребудут, когда все прекратится — *«вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»*.

Некоторые думают, что и из этих трех две тоже когда-нибудь прекратятся — что вера перейдет в зрение, надежда в исполнение. Апостол этого не говорит. Мы мало знаем о будущей жизни. Точно мы знаем одно: любовь перейдет и в ту жизнь и там не прекратится, потому что Бог, вечный Бог, есть любовь. Поэтому стремитесь к вечному благу, к единственному, что не исчезнет; единственной монете, которая будет в ходу, когда все другие монеты этого мира выйдут из обращения. Вы многому себя посвящаете; посвящайте прежде всего любви. Знайте, что важнее — да, *знайте, что важнее*. Поставьте хотя бы главной целью воспитание таких свойств, такого духа, какие были у Христа. Сердцевиной их — любовь.

Я говорил, что это не исчезнет. Замечали вы, что евангелист Иоанн постоянно связывает любовь и веру с вечной жизнью? Мы так легко оставляем это незамеченным. В юности меня не учили: *«Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единород-*

ного, чтобы все верующие в Него не погибли, но получили бы жизнь вечную»; скорее я слышал, что Бог очень любит мир, и если я Ему доверюсь, то обрету покой, или радость, или поддержку. А я уж сам вывел отсюда, что верующий в Него, или, другими словами, любящий Его (ведь доверие — лишь путь к любви) имеет жизнь вечную. Евангелие обещает нам жизнь. Не дробите, не умаляйте Евангелия! Не предлагайте людям только радость, или только покой, или только помощь. Скажите, что Христос пришел дать им *более полную жизнь*, жизнь, переполненную любовью, которая даст им возможность облегчить муки мира и участвовать в его спасении. Тогда только Евангелие охватит всего человека, его тело, душу и дух, и даст каждой части свою цель и свою награду. Многие проповеди обращаются только к одной нашей части. Они предлагают мир, но не жизнь; веру, но не любовь; оправдание, но не обновление. Люди отвращаются от такой религии, она для них мала, она не охватывает их целиком. Собственно, она сулит им такую же самую жизнь, не глубже, не счастливей. Само собой разумеется, что с любовью к миру может состояться только более полная любовь.

Полная любовь — это полная жизнь, вечная любовь — вечная жизнь. Поэтому вечная жизнь неразрывно соединена с любовью. Мы хотим жить вечно по той же причине, по которой хотим жить завтра. А почему мы хотим жить завтра? Потому, что кто-то нас любит, кого-то мы увидим, кого-то тоже будем любить. Нам только потому и хочется жить, что мы любим и нас любят. Человек убивает себя, когда никто его не любит. Пока у него есть друзья, которые его любят и которых любит он, он будет жить, потому что *«жить»* значит *«любить»*. Пусть его любит только собака, и он продержится; но если она умрет, у него нет связи с жизнью, нет причины жить на земле. Он лишился «энергии любви».

Вечная жизнь состоит и в познании Бога, а Бог есть любовь. Так сказал сам Христос, подумайте об этом. *«Ибо такова жизнь вечная, что они знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»*. Любовь должна быть вечной. Бог такой и есть. Значит, в самой своей сущности, любовь — это жизнь. *«Любовь никогда не перестает»*, и жизнь не перестает, пока в ней есть любовь. Вот мудрость, которой апостол Павел хочет научить нас; вот причина, по которой любовь — высшее благо. Она ценнее всего, потому что «не прекращается», потому что, в сущности, она — вечная жизнь. Этой вечной жизнью мы должны жить

теперь, а не после смерти; вряд ли мы ее и найдем после смерти, если не имели в этой жизни. Нет худшей участи в этом мире, чем жить и состариться без любви. «Погибнуть» и значит жить, не оживая, никого не любя и никем не любимым. А «спастись» значит «любить». Кто пребывает в любви, тот пребывает в Боге, потому что Бог есть любовь.

Ну вот и все. Кто из вас будет три месяца кряду читать раз в неделю эту главу у Павла, как буду читать я? Один человек так сделал, и вся жизнь его изменилась. Как, готовы? Речь идет о высшем и лучшем на свете! Можно начать с того, чтобы читать, особенно стихи о любви: «Любовь долготерпит, милосердствует; не ищет своего, не раздражается, все переносит, всему верит, всего надеется».

Введите эти свойства в вашу жизнь. Тогда все, что вы делаете, будет вечным. Этому стоит отдать время, правда? Никто не стал святым во сне, чтобы выполнить все это нужны молитва, размышление, время. Мы не станем лучше ни душой, ни телом без подготовки и прилежания. Пусть лучшее на свете будет вашей целью, чего бы вам это не стоило, старайтесь приобрести это высшее благо. Оглянитесь на прошлую жизнь, и вы найдете, что минуты, в которые вы поистине жили, были именно те, когда вы что-то делали в духе любви. Обозревая памятью прошлое, мы видим, как над мимолетными радостями возвышаются те часы, когда вы незаметно одаривали любовью других; казалось бы, пустяк, но вы чувствуете, что он вошел в вечную жизнь. Я видел почти все великое и прекрасное, что создал Бог, испытал почти все радости, уготованные Им человеку, но, оглядываясь назад, вижу четыре-пять случаев, когда любовь Божья слабо и несовершенно отразилась в попытках выразить делом свою любовь, только они, видимо, и остаются. Все остальное в жизни преходяще, все остальное — мнимо. А вот дела любви, о которых никто не знает, остаются навсегда.

Когда евангелист Матфей изображает нам Страшный суд в образе Сидящего на престоле, Который отделяет овец от козлов, решение зависит не то того, верили мы или нет, а от того, как мы любили. Поверка религии, последняя ее поверка — не религиозность, а любовь. Да, в этот решающий день все будет зависеть не то того, что я делал, во что верил, чего достиг, а от обычных, мелких дел любви и жалости. Грехи, которые мы совершили, даже не упоминаются. Упоминается чего мы *не сделали*, за это нас и судят. А как же иначе? Недостаток любви — отрицание Ду-

ха Христова; мы доказываем, что не знали Его, что для нас Он жил напрасно. Он ничего не подсказал нам, ни на что не вдохновил; мы никогда не стояли так близко к Нему, чтобы перенять Его сострадание к миру. Словом,

Я жил для себя, жалел себя
И никого не любил,
Как будто Христос ради меня
На землю не приходил.

Перед Сыном Человеческим соберутся все народы мира, и при всех людях, какие только были, Он будет нас судить. Уже само зрелище молчаливо нас осудит. Там будут те, кому мы помогли, или те множества несчастных, которых мы не заметили или презрели. Других свидетелей не нужно, и обвинение одно — нет любви. Не обманывайте себя. Слова, которые мы услышим, связаны не с богословием, а с жизнью, не с храмами и святыми, а с бедными и голодными, не с доктринами, а с кровом и пищей, не с молитвенниками, а с чашей холодной воды. Слава Богу, христианство стало внимательнее относиться к человеческим нуждам. Слава Богу, люди чуть-чуть лучше поняли, что такое вера, кто такой Бог, кто такой Христос и где Он. Кто же Христос? Тот, кто кормил голодных, одевал раздетых, посещал больных. А где Он? *«Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает»*. А кто такие христиане? *«Всякий любящий рожден от Бога»*, говорит Иоанн.

2

Программа христианства

*...благовествовать нищим,
исцелять сокрушенных сердцем,
проповедовать пленным освобождение и узникам открытие
темницы,
проповедовать лето Господне благоприятное и день мщениа
Бога нашего,
утешить всех сетующих,
возвестить сетующим на Сионе,
что им вместо плача дается украшение,
вместо плача — елей радости,
вместо унылого духа — славная одежда
(Ис 61:1—3).*

«А что делает Бог целый день?», — спросил как-то один маленький мальчик. Можно пожелать, чтобы побольше взрослых задавали этот искренний вопрос. К несчастью, большинство из нас по религиозному разуму — даже и не мальчики, а несмышленные младенцы. Нам не приходит в голову, что у Бога есть в мире какое-то свое дело, так же, как младенец не задумывается о том, что у его отца есть еще какое-то дело кроме общения с ним. Его отец может быть министром, государственным деятелем, изобретателем, погруженным в заботу об общественном благе, но для своего сынка-эгоиста он — отец и ничто больше. Детство в физическом или моральном мире — это сосредоточенность на себе; и кроме Бога, который удовлетворяет твои личные потребности, ничего не знают многие из христиан.

Но ребенок, подрастая, начинает понимать роль своего отца в мире. Так и христианин, если он действительно вырос, должен лучше понять значение христианства и шире взглянуть на замысел Христа о человечестве. Упустив это, он упустит всю славу ве-

ры Христовой. Самодовольная уверенность, что у Бога нет другого дела в огромном страдающем мире, кроме заботы о нескольких спасенных душах, — это просто не религия. Первый крупный перелом в жизни христианина, после трепета и чуда ее зарождения, происходит тогда, когда он начинает понимать, что у Христа есть какая-то цель, касающаяся всего человечества, и цель эта выше него с его нуждами, выше церковей с их учениями, выше Небес с их святыми. Она объемлет каждого человека, родившегося на свет, все племена и народы. В нее входит не только их духовное благоденствие, но и благополучие во всем, преуспеяние, здоровье, работа, словом — их счастье в этом мире.

Так что же делает Бог целый день? Как должны мы расширить, да нет — изменить наш эгоистический взгляд на то, для чего Христос жил и умер?

Я хочу представить социальную сторону христианства в самом сильном свете и надеюсь, что никого не собою с толку, если скажу, что Христос пришел в мир не для того, чтобы принести людям религию. Он никогда не упоминал этого слова. Она была в мире и до Него, есть и в наше время у миллионов душ, которые не слышали Его имени. Бог занят целый день не тем, что сидит в церквях и ждет, что люди придут Ему поклоняться. Правда, Бог в церквях бывает, причем — во всяких, и многие находят Его там быстрее, чем где-либо еще. Мало того, хотя Христос не дал людям религию, он по-новому направил религиозное стремление, прорывающееся то здесь, то там из сердец всего мира. Его целью было направить эти порывы на конкретное практическое добро. Религиозные люди того времени не применяли свою религию, просто старались ее соблюдать. Даже священник, вернувшись из храма, считал, что сделал все; увидев человека, израненного разбойниками, он прошел мимо. Христос перевернул все это, вернее, старался перевернуть — ведь только теперь Он начинает достигать Своей цели. Во все времена религии были склонны скорее печься о самой религии, чем о человечности; Христос пекся больше о человечности, чем о религии; точнее, Его религия и выражалась главным образом в Его заботе о людях. Он не был безразличен к соблюдению обрядов, но Его поучения направлены в первую очередь на человеческие поступки, а потом уж и на церковные обычаи. Кто-то сказал, что паломник из бессмертной притчи Беньяна никогда *ничего не делал*, только спасал свою душу. Упрек не совсем справедлив, ведь эта притча задумана и как

история души; кроме того, что-то он все-таки делал; однако над этим предостережением стоит задуматься. Единственной мыслью паломника, его трудом и его мечтой, было *бегство*. Он почти не принимал участия в мире, через который проходил. Он был *странником*: он проходил *сквозь* мир, чтобы выйти из него невидимым. Что бы это ни было, это — не христианство. Христианство, явленное Христом, как небо от земли далеко от человека, бегущего из обреченного города, чтобы спасти свою душу. Христос рассказал бы о человеке, живущем в таком городе, который помогает другим бежать — не в иной мир, а к чистоте, миру, праведности в этом. Христос никогда не говорил: «Спасайте свою душу»; так говорит неправильный перевод. Дело не в том, что спасти душу незачем, но в том, что это — огромная, великая задача, и сосредоточившись на себе, ее не выполнить. Новое слово «альтруизм» — переложение слов «люби ближнего, как самого себя» — постепенно прокладывает путь в речь современных христиан. Путь человечности становится ежедневной заботой церкви, не менее серьезной, чем путь паломника. Простое, понятное богословие, основанное хотя бы отчасти на альтруизме и апеллирующее не к страху, а к доброму сердцу человека, уже дает о себе знать, и люди яснее, чем когда-либо, начинают видеть, ради чего пришел на землю Христос.

Христос пришел на землю, чтобы создать лучший мир. Мир, в котором мы живем, незавершен. Его нельзя назвать ни мудрым, ни счастливым, ни добрым, ни чистым, ни даже просто чистоплотным. Человечество — только сырье, почти все в нем еще незавершенно, несовершенно. Пока не было богословия, люди думали, что земля — «готова», сделана, закончена. Ничего подобного! Дело Творения продолжается. Пока не было телескопа, люди думали, что вселенная завершена. Теперь мы знаем, что она только начинается, и этой вселенной, в которой мы живем, еще предстоит явиться в совершенном свете и красоте. Христос пришел, чтобы завершить ее. Пламя ее страстей не остыло; его жар надо было претворить в более тонкие энергии. Идеалы будущего еще предстояло создать; люди, которые осуществляют их, еще не родились. Яд ее грехов еще не знал противоядия, тьма ее сомнений — света, тяжесть скорбей — отдохновения. Создать их и стать ими должен был Спаситель мира, Свет человеков¹. Таков, приблизительно, Его замысел.

¹ Ин. 1:4.

Да, нелегко — создать мир заново. Как это нужно делать, как за это браться? Бог делает так, чтобы миры сами себя создавали. Когда Он создавал Землю, Он слепил грубый шар материи и снабдил его множеством орудий. Этот способ и выбрал Христос, когда Он пришел завершить человечество, довести его до совершенства, Ему предстояло работать с немислимой массой неподатливого материала, и орудий нужно было много. Орудия Христа — люди. Поэтому прежде всего Он стал собирать людей. Другими словами, Он основал сообщество.

Основание сообщества

Пусть меня поймут правильно, вот, что удивительно: Христос, быть может, спас не так уж много людей, пока был здесь. Многие пастыри и проповедники сделали гораздо больше. Он и не намеревался завершить мир в одиночку, и с самого начала сказал, что другие будут не только участвовать в этом, но и делать «более великие дела». Он уделял огромное внимание отдельному человеку, но не это было Его целью. Он хотел и старался вовлечь людей в Свой замысел, сплотить их в сообщество, осуществляющее Его планы.

Сообщество это известно под именем *Царства Божьего*. Христос его не изобрел; это древнее выражение. Добрые люди всегда надеялись и молились, чтобы такое сообщество возникло среди них, но никто точно не определил значения этих слов, не брался всерьез за создание такого Царства, пока Христос не сделал его целью Своей жизни.

О том, как горячо относился Он к этому замыслу, как пылко взялся за его осуществление, свидетельствует каждая страница Его жизни. У всех великих реформаторов есть слово-другое, которые они постоянно повторяют, неизгладимо запечатлевая их в мысли и истории своего времени. Такими словами Христа были «Царство Божье». Из всех Его слов, нисшедших к нам, эти, конечно, самые известные. Сотню раз они встречаются в Евангелии, Он почти всегда говорил о Царстве Божьем, объяснял цели Своего сообщества, рассказывал, с чем его можно сравнить, кто входит в него и что он должен делать, чем быть, или чего делать не должен. Даже когда Он не произносит этих слов, легко увидеть, что все Его слова и дела связаны с ними. Философы говорят о мышлении или о мире в своих категориях, сознание их обитает в особой «комнате», там своя мебель, свои картины, все

видно из нее в определенном ракурсе, и все откладывает неизгладимый отпечаток на их мысли и речи. Христос мыслил в категории Царства. Один раз Он говорил, что пришел спасти погибшее², в другой — чтобы дать людям жизнь³, или творить волю Отца⁴, но речь неизменно шла о целях Его сообщества.

Никто не узнает, что такое христианство, пока не уловит главное в мыслях Христа. Петр и Павел могут рассказать нам много чудесного и важного о том, каким был Христос и что Он делал, но сейчас мы смотрим на то, что он думал. Нет, это не современная теория, это Его собственные замыслы, услышанные из Его уст. Не позволяйте никакому отдельному тексту, даже если вам кажется, что в нем — вся христианская жизнь, закрыть от вас всю программу Христа. Тут нужна общая перспектива — ее, конечно, недостаточно, но без нее все будет искажено и неверно. Библейский стих приносит большую пользу, но может принести и большой вред. Мелкая душа, которая носится с одним-единственным текстом, браня весь мир за то, что не может найти партнера — совсем не христианин. Христианство не лишает такие души их утешения; оно просто считает, что из-за них людей глубоких не тянет в Царство Божье. Поверьте, всякий раз, когда весть Христа кажется не очень важной, или жесткой, или узкой, или бесчеловечной, перед вами не здание с несравненной гармонией, даже не арка и не колонна, совершенная в каждой детали, а холодный камень, сдвинутый с места и не говорящий ничего о том, откуда он взят.

Десятки тысяч людей, хорошо знающих догматы, так и не заметили, что Христос основал какое-то сообщество. Причина отчасти в том, что они прочитали тексты, а не Библию, отчасти же в том, что они изучали богословие, а не христианство, отчасти же в том, что Царство Божье нельзя ни увидеть, ни услышать. Очень верно сказано, что «оно не придет приметным образом»⁵. Поэтому, когда мы его открываем, оно приходит со всею силой открывения. Когда поймешь, что ты — в этом сообществе, преобразается жизнь. Ты уже не одинокий рыцарь, то и дело терпящий поражение от самых разных врагов, а воин могущественной армии, шагающий через века к верной победе. Мы это *чувствуем*. Печать общности, которой отмечены самые скромные наши труды, ощущение товарищества, связь с историей, явное сознание целей, обещание успеха есть у каждого, сколь угодно неприметного гражданина Божьего Царства.

² Мф 18:11. ³ Ин 5:40. ⁴ Ин 4:34. ⁵ Лк 17:21.

Программа сообщества

За сотни лет до того, как возникло сообщество Христа, его программа была объявлена всему миру. Я не знаю такой поразительной сцены истории, как та, когда Иисус вошел в назаретскую церковь и прочитал программу. Относя к Себе освященный веками отрывок из Исаии, Он ничего не «провозглашал». Христос ничего не делал формально. Мы, как и Он, понимаем эти слова не в их древнем, историческом значении, и не как перечень будущих целей, но как великие нравственные факты, которые надо осуществлять с тех пор, как Он явился.

Читая эти слова, подумайте, к какой мрачной жизни они относятся. Вспомните, в чем состояло дело Христа, для чего Он основал сообщество. Эта программа имеет дело с настоящим, реальным миром. Думайте, когда вы читаете, не о том, что здесь, на поверхности, а о мире как он есть, где грешат и плачут, проклинают и страдают, протяжно взывают к Богу. Ограничьте его, если хотите: пусть это будет город, больница, тюрьма, кладбище, фабрика, ломбард или кабаk, но подумайте о холоде, голоде, жестокости, суеде, уродстве, одиночестве, боли. А потом попробуйте сдержаться, когда прочитаете:

«Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное и день мщениа Бога нашего, утешить всех сетующих, возвестить сетующим на Сионе, что им вместо плача дается украшение, вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славная одежда, и назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его».

Что за обмен — украшение вместо пепла, радость вместо плача, свобода вместо неволи! Не удивительно, что «глаза всех в синагоге были устремлены на Него», когда Он читал, или что они «дивились словам благодати, исходившим из уст Его». Слышать эти слова и не радоваться может — и тогда, в собрании, и сегодня — только злой человек, как тот, кто жестоко осудил Христа.

Все знаем такое возражение: «Конечно» (словно у культурного человека не может быть другого выбора), я не христианин, но христианство я *уважаю*. Уважают христианство! Какая печальная нелепость! Можно понять человека, который, читая

слова Христа, онемел от потрясения, представить, как душа его вскипела, словно каждое новое благословение понуждает его, почти утратившего разум, нести их в мир. Да, это представить можно. Но кто, в какой школе, слышал о Спасителе мира, достойном уважения?

Люди отвергают весть о Христе, думая, что это что-то мелкое, узкое, несоизмеримое с широким кругом человеческих интересов в нашу великую эпоху. Прошу заметить, что нет ни одной настоящей потребности рода человеческого, которая не отражена. Каковы главные слова христианства по этой программе? Возьмем образцы:

свобода
утешение
красота
радость

Да это же самое лучшее, что есть! Вложите в эти слова тот смысл, который, несомненно, вкладывал Христос и несомненно принимает христианство, и вы увидите, что нет ни одного достойного желания, ни одной высокой потребности человечества, которые бы они не удовлетворяли.

Это не только самые великие слова, но и самые лучшие. Тех, кто неверно понял христианство, программа многим удивит. Какая нота в ней заметней всего? Радость. Первое слово в ней — «добрая весть», последнее — «радость». Самые грустные слова в ней тоже есть — но они обозначают как раз то, что христианство пришло исцелить. Всякий, кто занялся всем этим, живет светло и радостно. Радость, которую христианство вносит в нашу жизнь, а главное — в наши мысли, невозможно описать. Жизнь в радости — это жизнь высокой миссии, жизнь в бескорыстии, жизнь без себялюбия, «жизнь с избытком», которую обретает следующий за Христом. Мыслить радостно, значит мыслить так широко, как может мыслить тот, кто получил программу для всего человечества. Собственно говоря, только у христианина и есть программа для мира и для себя самого. Гете, Байрон, Карлейль научили нас многому, но у них нет никакой программы. Когда мыслил Байрон, он страдал, когда мыслил Карлейль, он отчаялся; только христианство ликует. Вера в мироздание как нравственность, толкование истории как пути, убежденность в вечности добра, самоуничтожении зла, улучшении человечества превратили болезнь мысли в твердую надежду. Не чувство,

но убеждение, созревшее среди бедствий и проверенное испытаниями, вдохновляло Карлейля, когда этот великий певец оптимизма восклицал:

Как хорошо быть с Тобой, Помощник наш!
Да, это верный знак, печать Божества,
То, что радость наша все время растет,
Ширится, расцветает, и наконец
Преобразившись в боль за всех людей,
Дарит нам животворящую печаль.

Но это не все. Величайшие потребности человека очень просты. Христианство имеет право называть себя религией человечества еще и потому, что оно не боится самых обычных жизненных неурядиц, открыто для самых незначительных нужд. Взгляните, например, на последний пункт программы. Кто бы подумал, что Христос печется и о тех, кто пал духом? Программа уже охватила множество высоких потребностей, приняла много заявок; что ж, список пора закрывать. И вдруг ее автор вспомнил безымянный недуг, таинственный недуг, который есть и у бедных и у богатых, ведь деньги его не исцеляют. Для врачей он неуловим, для парламентов — неизлечим, для филантропии — непригляден, и будничен для сочувствия. Христу ли им заниматься?

Если бы христианство могло справиться с царящим в мире унынием, если б оно исцеляло унылые души, оно поистине было бы Врачом Человечества. Но ведь оно может! Оно знает секрет, что там, сотни секретов победы над мирской мрачностью. Да, оно не может сразу устранить физиологических причин уныния, хотя следование его принципам сделает бесконечно много, чтобы предотвратить эти причины, а даруемое им рвение сделает еще больше, чтобы возвысить нашу душу. Но там, где эти причины связаны с нравственностью, психологией или социальными условиями, лекарство доступно любому христианину. Вспомните сейчас, читая, унылого человека. Вот старушка. Ее так просто вылечить! Вы сами это сделали на прошлой неделе — принесли ей подарок (или пришли без подарка) и подняли ее дух на семь долгих дней и долгих ночей. Мы так мало верим в лекарства Христа, что и не подозреваем, какие целительные волны испускает наша улыбка. Христианство, прежде всего, хочет для людей радости, а старикам любовь нужнее хлеба. Елей радости дешев, и если кого-то похвалите, это лучше, чем подарить ему одеяло.

А может быть, ваш унывающий не старушка, а богатый, важный мужчина. Вы хорошо знаете, почему он невесел — либо от богатства, либо от важности. Христианство лечит и это (хотя, может быть, вам это не под силу): просто выслушайте его. Третий случай — ваш собственный слуга. Ему *скучно*, у него напряженная, нудная работа. Пропишите ему разнообразие, досуг, отдых — что угодно, только бы его оживить. Четвертый случай — ваш самый почетный гость. Живет он праздно, вполне здоров, богат, преуспевает. У него духовное ожирение. Тут надо извлечь зарытый талант и пустить в дело. И так далее, по всему спектру унылости и тоски.

Может быть, вы скажете, что христианство тут не при чем, что это каждый может сделать. Но ведь не делает! Доброжелательность, приветливая помощь пришла в мир с Христом, и где бы она ни встретилась, в христианском мире или в языческом, где она, там Христос, там действует Его Дух. Если вы скажете, что земное счастье — не конечная цель христианства, я с вами соглашусь. Я этого и не подразумевал. Но вот что удивительно — не ставя его конечной целью, христианство неизбежно ведет к нему. Нота радости — не самое высокое в программе Христа, но звучит она громко и звонко, и каждый, кто служит в Его обществе, никак не может долго без нее оставаться. Было время, когда христиане стыдились своей радости. Но наступал день, когда им приходилось стыдиться своего уныния.

Христианство, как вы можете заметить, действительно *работает*. Оно достигает успеха не только потому, что оно божественно, но и потому, что оно человечно. Почему похвала непременно изгоняет дух уныния? Потому что старая женщина не может петь и плакать сразу. Сообщество Христа — это здоровое общество. Его методы разумны. Когда мы хвалим старушку, действует простой закон: одна эмоция уничтожает другую. Христианство действует, как стрелочник на железнодорожных путях. Оно переводит душу с нижних, дольных путей на горные, не преграждая течения жизни, а переключая его. С богачом принцип лечения другой, но это снова принцип, а не магия. Причина его, да и всякого уныния в том, что его тянет вниз, к земле. Устраните землю — и вы устраните напряжение. Вот это христианство может, «землю» оно устраняет. Расширяя кругозор, давая новую систему ценностей, да и просто освещая светом вечности наши мелкие занятия, заботы, удовольствия, оно одним дуновением развеивает все земное. Чем меньше в нас мирского, тем меньше

мы беспокоимся и суетимся. Значит, в суете современной жизни действенное добро в самой простой проповеди, в христианской литературе, во всем, что настойчиво твердит миру о Боге и о будущей жизни, напомним человеку о бесконечности и вечности.

Есть у христианства и другая сила, которая воздействует на мир под совсем другим углом. Многие ли из тех, кто бранит нашу веру, знают, что одна из особых целей Христова сообщества — это красота? Христианство издавна обвиняют в вульгарности. Если это значит, что оно имеет дело с самыми грубыми началами человеческой природы, то это правда, в этом его слава. Если же это значит, что оно не чтит более тонких качеств, обвинение бесосновательно. Христианство не только способствует всему прекрасному, но и борется с толкованием жизни, которое хотело бы его исключить. Оно, можно сказать, с эстетамы, а не с аскетами. Тем, кто поучает христиан, что в наше просвещенное время надо «поднимать культурный уровень масс», даруя им прекрасные скульптуры, дивные картины, музыку и общественные парки, мы ответим, что все это давно дает сообщество Христа. Уберите из мира всю красоту, которая пришла не от Него, и мир едва ли станет намного беднее. Уберите из современных городов те картины, памятники, музыку, музеи, парки, которые дарованы христианами, и в девяноста случаях из ста вы оставите разве что недурной фонарный столб.

Бесспорно, Тот, Кто украшает мир, посылает и будет посылать Своим поздним детям вдохновение, чтобы они создавали еще более прекрасное, чем прежде. Современный христианин будет еще смелее использовать облагораживающее воздействие искусства. Что этот мир человеческий невзрачен и уродлив, мы не забываем, он всегда с нами. Но мы слишком мало думаем о том, что красивые вещи призваны заселять более высокими мыслями и порождать настроение, которое ведет к Богу. Физическая красота создает красоту нравственную. Красота уничтожает не только уродство, но и все низкое, мирское. Просто прикоснувшись к ней в комнате, на улице, даже у дверного молотка, мы обретаем духовную силу. Спросите жену рабочего, и она вам скажет, что нравственное воздействие есть и в чистой скатерти. Если шарманка в трущобах может заглушить брань, ни один христианин не заставит ее молчать. Свет и цвета рекламы — дар Бога тусклому миру бедняков.

Однажды на Рождество нищий пьяница сказал мне, что вчера вечером он вышел пораньше, чтобы получить свою обычную

долю уличных соблазнов. Рядом с его дверью, у витрины, его остановил ангел на большой рождественской открытке, сверкающий, белый, с крыльями из мишуры. Когда они сверкнули в свете газовых фонарей, в его душе вспыхнула мысль о Боге. Он вспомнил небо своего детства, подумал о матери в далекой долине и о том, как бы она обрадовалась, если бы получила этого ангела от своего блудного сына. На деньги, уже обещанные бесам, он его купил, а вместе с ним — новую душу и новое будущее. Да, это был настоящий ангел. Когда я увидел блеск его крыльев в убогой комнате, я понял, что такое ангелы Христовы. Это красивые вещи в домах у бедняков, которые ежедневно возводят к Богу омраченные души.

Поймите меня правильно. Тот ангел был из картона; картонный ангел не может спасти душу. Блестки отражают солнце, но никого не согревают. Наша программа должна пойти глубже. Красота остановит пьяницу, но не исцелит.

Вот здесь-то христианство властно заявляет о своей высшей сущности. Здесь оно расходится во мнениях с цивилизацией, с политикой, со всеми секулярными программами социальных реформ. Ставя диагноз человеческой природе, оно обнаруживает то, чего другие системы не замечают или не могут исцелить, то, что делает всякую реформу тщетной, всякое вдохновение — напрасным. Это — *грех*. Только христианство из всех религий признает, что самая насущная наша потребность — *свобода*, свобода жить без греха, покинуть темницу страстей и стряхнуть окovy прошлого. Окружать заключенных скульптурами и картинами, предлагать закованным в цепи жалованье повыше, улицу почище или побольше воздуха над головой — пустая трата времени. Они хотят, чтобы душа их стала чище, а лучшее, высшее «я» могло дышать.

Откуда может взяться чистая душа, если не от Христа, я сказать не могу. «Никакой политической алхимией, — говорит нам Герберт Спенсер, — вы не получите золотое поведение из свинцовых инстинктов». Сила исправлять сердце, обновлять истоки действий исходит от Христа. Только Он помогает понять бесконечную ценность каждой души и возможность спасения для самого худшего грешника. Свобода от греха, прощение грехов приходят от креста Христова; надежда на бессмертие — от Его гробницы. Мы верим, что законы могут стать лучше, а воздух и вода — чище; мы считаем веру Христову социальной религией. Мы называем христианской работу реформаторов, государственных

деятелей, филантропов, педагогов, санитарных инспекторов, словом, всех, кто прямо или косвенно помогает, содействует, способствует прогрессу человечества; но Спасителя мира, в полном смысле этого слова, мы видим только в Нем.

Теперь бывает, что серьезные, одаренные люди работают среди бедняков, которые, по меньшей мере, не хотят произнести имя Христово. Я говорю о них с уважением; многие из нас недостойны развязать ремни от их обуви. Но поскольку вера соседней миссии — просто пародия на христианство, они не признают, что живой Христос остановит грех человека, а умирающий Христос — простит его. Вот она, узость широты! Есть невежественные врачи, но разве мы станем бранить медицину или откроем свою больницу? Бедные, несовершенные миссионеры или узкие священнослужители предлагают людям, что могут; они мало знают о Христе, но стану ли я из-за них отвергать Его учение? Проповедь для бедных, пустая, бессодержательная, называйте это как хотите, не слишком поможет обращению. Личное обращение означает личную веру, личное доверие к Богу, личный долг Христу, вверенность Его делу. Осуществляйте это как вам угодно, но именно тут — суть, к этому надо стремиться, и без этого всего хуже. Освящение придет ко многим только тогда, когда оно придет к каждому; а работать с программой Христа и не замечать Его Самого — все равно что использовать солнечный свет, его не видя.

Не только здесь проявляется уникальность сообщества. Есть и другая глубина в человеке, которую ни одна система даже не пытается понять и претворить в слова. Да, мы в мире греха, но и в мире печали.

Нет стада, как его ни береги,
Есть агнец неживой,
Нет дома, как его ни стереги,
Есть короб нежилой.

Когда паства редет, а дом пустеет, кто исцелит их? Именно тут проходят проверку благовестия мира. Как будут они действовать перед лицом смерти? Действовать! Да они и сдвинуться не могут. Философии, политики, реформ — больше нет. Картинные галереи закрыты. Комитеты распущены. На двери — траурная лента; мир отступает. Заметьте, он *отступает*. У него нет миссии.

Так ужасен этот час в своем одиночестве, что римляне платили лицедеям, чтобы те попытались его заполнить. Но это час

Христа. После праведности величайшее слово в христианстве — утешение. Можно сказать, что у христианства — монополия на него. Ренан был очень близок к цели, когда говорил, что Библия — «великая книга утешений для человечества». Программа Христа полна утешений, они просто рассыпаны в ней повсюду: «Утешать сокрушенных сердцем», «Плачущие утешатся» и многое другое. Даже «благовестие нищим» по-еврейски — весть «обиженным», или «бедным». Само греческое слово «евангелие» происходит из этого самого отрывка. Что бы еще не означало Евангелие Христово, это в первую очередь — Благая весть для страдающих людей.

Одна нота в этой программе не в ладу со всеми остальными. Когда Христос в тот день читал из пророка Исаии, он не дочитал отрывок до конца. Страшное слово зияло, словно пропасть, на Его пути, и посреди фразы «Он закрыл книгу и вернул ее служителю и сел». «День мщения Бога нашего» — вот слова, перед которыми Он остановился. Когда пророк провозглашал их, перед его умственным взором было какое-то великое историческое свершение. Если бы люди, для которых Христос читал, могли понять их нравственный смысл, Он, может быть, дочитал бы до конца. Ведь если понимать их правильно, мысль об этом грозном дне не столько вселяет страх, сколько вдохновляет на высокую благодарность. Мстителю есть что делать. Это часть Божьей любви к нам.

Ведь я затронул только поверхность, говоря, что печаль в мире — от того, что люди умирают. Печаль приходит в мир и от того, как люди живут. Прежде, чем мы исцелим сокрушенных сердцем, надо изгнать сотни причин для страдания худших, чем смерть. Прежде чем пленный сможет обрести свободу, надо разрушить очень большую тюрьму. На земле есть адские места, куда просто не может проникнуть дыхание неба; есть особые области, где процветает лишь неправедность. Их надо уничтожить.

Это и делает день Отмщения. Когда придет этот день? Он пришел. Кто совершает дело? Закон. Какой закон? Уголовный, санитарный, социальный, естественное право. Там, где топчут бедняков или они сами топчут друг друга, там, где воздух отравлен и вода грязна, там, где царит нищета, цветет порок, звучат проклятия — там место мстителю. Все, что мешает пьянице измениться, ребенку — быть чистым, вдове — заработать на жизнь, любому колесу прогресса — вращаться, он сокрушает. Не препятствуйте ему. Он — посланец Христа. Не теряйте к нему дове-

рия, надейтесь на него. Рассвет наступает медленно, но верно. Зло властвует в мире, но есть и возмездие; ложь царит, но сжигает самое себя. Сама природа вещей мстит от Бога; сама история цивилизации — история престола, на котором Христос-Судия.

Все, что уготовляет путь лучшему социальному устройству, достойно последователей Христа. Те, кто работает на более высоком уровне, слишком пренебрежительно смотрят на медленный тяжкий труд невоцерковленных душ, которые готовят материал или нравственную среду, без которых эти высшие дела были бы тщеты. Предотвратить — так же важно, как лечить; христианство движется иногда самыми окольными путями. Некоторым дано получать результаты сразу, они постоянно надеются на успех, но они не всегда — самые великие в Царстве Божьем. Те, у кого нет явного стимула, те, кто не чаёт вознаграждения, и успевает прожить жизнь, нимало не достигнув цели, те, кто стоит в стороне от блистательных замыслов и пожинают непонимание толпы, глядя дальше нее, те, кто противостоит мнимому добру, ибо за ним скрывается зло, — *вот государственные деятели* Царства Божьего.

Механизм христового сообщества

Вот, в самых общих очертаниях, программа сообщества Христа. Знали вы, что это происходит в мире? Знали, что христианство настолько живо, что у него такие цели? Оглянитесь назад, на тот день, когда эта программа была дана, и вы увидите, что она не просто написана на бумаге. Понаблюдайте, как, сцена за сценой, разыгрывается в истории нравственная трагедия. Исследуйте социальную эволюцию человечества, распространение праведности, усовершенствование жизни, освобождение рабов, возвышение женщины, очищение религии и спросите, чем бы все это было, если бы Царство Божье не пришло на землю. Ведь именно через движения народов и жизней оно и приходит. Христос мог сделать все Сам, Своими руками, но не сделал. Главное чудо Его замысла — то, что Он доверил его *людям*. Высшая слава человечества в том, что механизм его искупления помещен внутри него. А самое печальное в жизни Христа, я думаю, то, что основав сообщество с *такими* целями, Он ушел, оставил его.

На самом деле, Он его не оставил. Старая теория, что Бог создал мир, как изобретатель создает машину, а теперь стоит и смотрит, как она работает, ушла в прошлое. Бог не наблюдает мир

издалека, но постоянно пребывает в нем, наполняя его Своим Духом и управляя им по Своей воле. Христос живет в людях, двигая сердца, а через такие сердца управляет миром. Люди, только люди могут выполнять эту работу. В этой человечности, в этой духовности Царства — одна из причин, почему некоторые почти его не замечают. Мы измеряем масштабы движения тем, сколько места внешняя его сторона занимает в глазах общества. У Царства нет внешней стороны. Христос полностью отверг все способы, которыми обычно распространяется великое дело. Он отказался от меча, не имел денег, не использовал литературу; церковь гнала Его, государство — распяло. Посеяв Свои идеи в сердцах немногих бедняков, Он отправил их в путь, чтобы совершенно изменить мир. Они делали это, создавая друзей и врагов, ходили повсюду, творили добро, сеяли семя, умирали и снова жили в жизни тех, которым помогли. А те, в свою очередь (хотя и не все), делали то же самое — встречались, молились, говорили о Христе, любили, ходили среди людей, делом и словом передавая свою тайну. Механизмы Царства Божья — чисто социальные. Они работают не по приказу, а передавая, заражая; не по указу, а по дружбе. «Царство Божье подобно закваске, которую женщина положила в три меры муки, доколе не вскисло все».

Как все великие открытия, этот способ оказался самым подходящим из всех возможных. Люди *должны* жить среди людей. Люди должны влиять на других. Организации, учреждения, церкви слишком жестки и негибки для того, что должно *наводить* мир. Текуч только человек. Воины могли одерживать для Христова дела преходящую победу; богатство могло купить внешний триумф; политическая сила могла принести ему временный успех. Но во всем этом нет универсальности, постоянства, бессмертия. Чтобы пройти сквозь века и проникнуть в самые дальние концы земли, чтобы сохраниться, когда рушатся царства и сменяются цивилизации, пережить падение церковей и крах учений, Царство Божье должно возрастать в сердцах обычных людей, другой почвы у него нет. Одни, описывая Царство, подчеркивали его нравственное величие, другие — его универсальность, третьи — то, как легко его приспособить к человеческим потребностям. Один великий писатель говорит о его поразительном сообразии, другой обращает внимание на его успех. Признаюсь, меня больше всего поражает чудо его простоты.

Итак, люди — единственное средство, которое использует Дух Божий для достижения Своих целей. Кто же именно? Вы.

Стоит ли этим заниматься? Стоит ли труда присоединиться к обществу Христову? Скажите, что вы, именно вы делаете целый день? Чем способствуете тому, чтобы Царство Христа пришло на землю? «Я не интересуюсь религией», — скажете вы, — «не забочусь о своей душе». Но я спрашиваю вас не о вашей вере, тем более — не о вашей душе. Хорошо, у вас нет веры, вам нет дела до своей души, но это не освобождает вас от заботы о мире, в котором вы живете. «Да я не верю в эту церковь», — ответите вы; может быть вы признаете какое-то другое учение. Но Христос спрашивает в первую очередь не о ваших мыслях, а о ваших делах. Ни один человек не имеет права отложить на время *свою* жизнь ради своих мыслей. Почему? Потому что это — реальный, а не «мыслимый» мир. Относитесь к нему, как к реальному миру, действуйтесь. Думайте, кто вам мешает, но думайте о том, что насущно, о том, как суров этот мир и как много даже вы, не имеющий веры, не имеющий церкви, могли бы для него сделать. Правым надо быть не перед человеком, а перед человечеством. Насколько я знаю, нет ничего более подходящего человечеству, чем христианство.

Правда, есть версии христианства, от которых пристойный разум может только отказаться — такие жесткие, такие узкие, такие нереальные, такие сверхбогословские, что обычные люди не могут найти в них никакого выхода для себя, никакого отдыха и простора для своих мыслей. С ними у нас ничего общего. И у Христа с ними не было ничего общего — Он противостоял им каждым словом и действием. Тем, кто отворачивается от христианства из-за его узости, отвлеченности, ханжества или нудности, не приходит в голову, что именно это Христос неустанно порицал. Дать свое учение народу было очень опасно, но Он пошел на риск, не пытаясь оправдать отступление тем, что Его сверканье потускнеет под пальцами толпы, а смысл великих истин сузится, когда они пойдут из уст в уста. Толпа — цель христианства, но не его хранилища. Имейте дело с Самим Основателем великого сообщества. Любой человек, который честно возьмется узнать из первых рук, что же такое христианство, не сможет от него уйти. Без всякого спора или давления, одной только практичностью целей и пылом сочувствующих ему оно предъявляет свои царственные требования каждой серьезной жизни.

Тот, кто присоединится к сообществу, оказывается в просторной стране. Царство Божье собирает самых лучших людей, рабо-

тающих для самых лучших целей самыми лучшими способами. Членов его бесконечно много, им просто счета нет. Методы его разнообразны, как человеческая природа. Поле его деятельности — мир. Это содружество, но оно чтит Царя; это братство, но оно признает отцовство Бога. Хотя это не философия, мир обращается к нему в поисках света; хотя это не политика, именно здесь зреют великие законы. Оно человечней, чем государство, потому что имеет дело с более глубокими потребностями, католической церкви, потому что включает в себя тех, кого церковь отвергла. Это пропаганда, хотя оно использует не натиск, а убеждение. Это религия, но оно верит, что служение Богу — это, в основном, служение людям. Хотя это не научное общество, его лозунг — эволюция; хотя это не этика, в нем есть Нагорная Проповедь. Таинственное сообщество не обладает богатством, но раздает состояния. У него нет протоколов, потому что их ведет история, нет списка членов, потому что никто не может его составить. Нет у него и входной платы; мы вносим *все*, что у нас есть. Оно никогда не собирается и никогда не закрывает собрание. Его закон в одном слове — верность; его Учение — в одной идее, любви. Поистине, «тот, кто потерял жизнь для Меня, тот обретет ее».

Программа другой, непохожей жизни пока еще не издана. Для этого мира, для этих людей, для этой единственной и короткой жизни я не знаю ничего, что могло бы сравниться с гражданством царства Божьего. Среди тайн потустороннего мира нет более великой, чем эта — для человека припасена какая-то дивная, богоподобная жизнь. Если вы знаете что-нибудь лучшее, живите для этого, если нет, во имя Бога и людей, осуществляйте замысел Христа.

3

Как узнать волю Божию?

Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно (Ин 7:17).

Те, кто стремится следовать Христу, все сильнее ощущают, как они одиноки на этом пути. Человек ощущает, что Христос оказывает ему особое, личное внимание, и это чувство становится порой таким сильным, что он почти сознает себя отделенным от других, выхваченным из толпы, словно невидимая рука взяла его и отвела в сторону, чтобы достичь большей близости и более глубокого, личного общения. Конечно, христианская общность не отходит на задний план и он не мнит себя Божиим избранником. Это — очищающее, и в самом точном смысле, смиряющее осознание того, что Бог может стать таким реальным для всякой отдельной личности, словно она стала всем на свете. Обратившись к Христу, он ощущает себя единственной потерянной овцой, а теперь единственной, которую Христос нашел. Может быть, не утратив ни в коей мере духовного единения с теми, кто, как и он, произносит повсюду «Отче *наши*», он ощущает, что, чем больше, предал себя Христу, тем больше Христос целиком ему предан. Спаситель умер за всех людей, но, особым образом, и за него лично. Бог занят всем миром, но, в особом смысле — лично им. Да, есть такое чувство близости, ведь Бог лично связан со Своим народом.

Самое личное для христианина, более личное, чем любовь и попечение Бога, а точнее, самое явное проявление этой любви и этого попечения, самый точный их символ — это знание воли Божьей, личное знание. Моя личная доля Божьей любви — только часть этой любви, ничем не отличающаяся от той, какую получают все остальные. Но воля Бога обращена лично ко мне. Она

не относится ни к кому другому. Я не разделяю с другими Божию волю. Его воля касается только меня, и только я знаю о ней; и так — со всеми, с каждым из нас.

Вообще-то, как мы уже видели, Бог имеет и всеобщую волю, относящуюся и ко мне, и к другим. В десяти заповедях, в велениях совести, в заповедях блаженства, Господь сообщает миру Свою волю. Она известна всем и столь же универсальна, как Его любовь. Согласно с ней должен формироваться характер каждого человека, приходя в соответствие с Божиим замыслом.

Но есть воля о частном, личном. Да, я должен уподобиться Богу, но есть воля о том, где, в каком месте, в этом или другом городе, я должен Ему уподобиться. Есть воля на то, где мне быть, кем быть, что делать завтра. Есть воля на то, какой путь мне выбрать, какую работу делать ради Христа, как вести свое дело, какие средства тратить. Это частная воля касается каждого шага и всего жизненного пути, по которому Бог меня направляет. Бог хочет, чтобы я двигался именно так.

Если мой склад, нрав, характер соответствует Божьей воле, моя жизнь может стать значительной и хорошей. Она может быть полезной, достойной славы, может запечатлеть в сердцах освящающую силу, даже свидетельствовать об *освящающей силе* Бога, но это всего-навсего жизнь. Какой бы значительной и чистой она ни была, она — просто жизнь, не больше, а должна она быть миссией. «Христианской жизни» не бывает, есть только христианская миссия.

У Бога есть замысел для каждой человеческой жизни. Когда Он определял судьбу каждой звезды, каждой песчинки, травинки, мошки, жизнь которой не дольше часа, Создатель не забыл и нас с вами. Наша жизнь должна была постепенно развивать этот замысел, подобно тому, как кукурузный початок вырастает из зернышка, а цветок раскрывается из бутона. Бог замыслил, кем нам быть, кем стать, как распорядиться по его воле нашими днями и годами, нашим влиянием на других, всей нашей жизнью. Но у нас есть и страшная возможность уклониться от этого замысла, строить жизнь по другому плану и другой воле. Бутон может стать только цветком, звезда может вращаться только по той орбите, которую установил Бог, одному человеку дано выбирать свой путь. Должен он делать тот выбор в Боге, но богоданное право выбора ему, вероятно, дороже, и он, чаще всего, забирает свою жизнь у Господа, чтобы строить ее самому.

Это приводит к тому, что современный христианский мир делится на две большие группы.

1. Тех, кто следует воле Божьей в своем внутреннем устройении;

2. Тех, кто следует этой воле и на жизненном пути.

Первые пришли в мир, чтобы жить. У них есть *жизнь*.

Вторые — чтобы служить. У них есть *миссия*.

Те, кто принадлежит к первой группе, те, кто просто живет в этом мире и совершенствует свой характер, не могут понять, что они не исполняют Божью волю. На самом деле, они находятся практически вне ее. Они понимают общую ее часть, они сформировались согласно ей, их жизнь по-своему возвышенна и истинна. Но им недоступна частная воля Бога, то, что Он шепчет каждому на ухо; и сами они не повторяют постоянный вопрос, посылаемый с земли небу: «Господи, что Ты хочешь, чтобы я сделал?» Они навсегда лишены тайной радости такого вопроса, удивительного ощущения, что ты причастен к замыслу Господа, ошеломляющего осознания того, что Он заметил тебя, услышали позволит тебе сделать что-то особое, личное, частное, порученное только тебе. Эта мысль дает высочайший смысл жизни ради Бога и претворяет все, что есть в ней обыденного, в постоянное таинство. А для них жизнь, в лучшем случае, пуста и эгоистична, ведь истинных движущих мотивов они не знают; а самое необычное, что есть в истории человека — то, как идет он от этапа к этапу, от обстоятельства к обстоятельству, от трагедии к трагедии — остается ясным, ничем не связанным и, как вечная тайна, висит над жизнью.

Возможно, так мало людей думает о том, чтобы совершать свой жизненный путь с Богом, потому что только очень немногие приняли Его в свою жизнь. Никто не думает о том, что Бог принимал участие в его делах, пока его жизнь не становится жизнью в Боге. Никто не сможет даже узнать, что же значит присутствие Бога в его жизни, пока не узнает, что такое иметь Бога в тайной глубине сердца. Чтобы узнать волю Бога нужна безупречная жизнь, и только тот, кто похож на Христа по характеру, может знать, что значит походить на Христа в своих делах.

Да, люди, как правило, отрицают, что Бог руководит отдельной жизнью. Тогда жизнь приобретает значение, совершенно не соответствующее Божьему замыслу при сотворении человека. Часто считают, что все жизни одинаково важны и, говоря об осо-

бренных знаках Божьего произволения, мы преуменьшаем Его величие. Так религиозную жизнь сводят к религиозной прихоти, а мысль о воле Божьей — к какой-то галлюцинации.

У таких возражений есть и другая сторона, не столь заметная, но наделенная особой, тонкой опасностью: вроде в Святом Писании разрешено знать волю Божию, но, во-первых, это касается только особых моментов, а их бывает один-два за всю жизнь; и, во-вторых, проблема настолько неясна, что, взвесив все, нам лучше придерживаться здравого смысла и не задумываться о таких таинственных вещах.

Христианин не может согласиться на то, чтобы такие рассуждения увели его от проблемы. Каждый день, и не однажды, в самых разных ситуациях возникает вопрос: «Какова воля Божья обо мне?» Чего Он хочет сегодня, сейчас, какого поступка, какого решения, развлечения, дела, задуманного ради Христа? Все эти соображения, чувствуем мы, надо соотнести с волей Господа. У Бога есть замысел о нас на каждый случай, и можно как-то узнать, каков этот замысел. Мы не только надеемся на это — мы знаем это из нашего вероучения.

Не доказывая, что такие ожидания обоснованны, просто укажу на неопровержимый факт: есть немало средств узнать волю Божию. Одно из них, поистине замечательное, превосходит по точности все остальные, и можно сказать, что только оно никогда еще не подводило. Остальные не так значительны и не так точны, на них не всегда можно положиться. Часто они вообще не могут приблизить нас к воле Божьей и настолько заблуждаются, что принимают за нее что-то другое. И все же это — некие средства, у них есть своя ценность, а когда, главное, ими пользуются, они сразу становятся такими же точными и безошибочными, как оно.

Главное из этих второстепенных средств — разум, который, хотя и ограничен, все же достаточно значителен, чтобы открыть тайный замысел Бога. Например, ваша жизнь и ваша нравственность развиваются по какому-то Его плану. По Его воле случаются те или иные события. Иногда свет, которым Он освещает ваш путь, гаснет, и вам нужно идти какое-то время при тусклом свете разума. Значит, Бог пожелал, чтобы вы им воспользовались и, проводя его постепенно к вере, шли при его свете до сих пор, пока более ясный луч вновь не засияет для вас.

Еще одно средство — опыт. По многим путям нам приходится пройти не однажды. В первый раз свет Бога был с нами и ука-

зывает нам путь. В следующий раз Он отправляет нас по той же дороге одних, зная, что по сторонам должны гореть фонари.

Не забудем и про стечение обстоятельств. Бог устраивает их таким образом, что в конце концов нам остается только один выход, который, если нужно действовать, и являет собой волю Божию.

Есть еще советы, они бывают полезными, и мысль о чужом благе, и пример для других, и много других обстоятельств и принципов, которые составляют человека нравственного, может быть не всегда достаточно сильного для того, чтобы распознать волю Божию, но все же способного понять, что ей противоречит.

Однако даже лучшие из этих средств сами по себе недостаточны и действительны. В крайнем случае прибегают к главному из них, а оно уже использует остальные по мере надобности и дополняет или даже замещает их. На это у него есть и возможности, и право. Так гигантский телескоп в самую темную ночь обшаривает небо и следит за ходом самых далеких звезд, а люди заметят только слабый луч света, то тут, то там пронзающий облака.

Это исключительное средство, проникающее туда, куда не может попасть разум, где не помогут опыт и память, а тем более — обстоятельства, имеет имя, доступное и ребенку, который спокойно может им пользоваться, тогда, когда попытки взрослых оказываются бесплодными. Имя это — послушание. Иногда его называют органом духовного знания. Если глаз — орган физического зрения, ум — зрения интеллектуального, то орган духовного зрения — удивительная сила, послушание.

Это одно из тех великих открытий, которые Библия дала миру. Он ее не знал. Философия никак не могла постичь столь простую и столь высокую истину. Она была известна во времена Ветхого Завета и присутствует в его книгах, но Христос явил ее миру в полной мере и добавил к Своему учению еще одно глубочайшее откровение из когда-либо открытых нам Небом: тайна воли Бога Отца — в слове «повиноваться».

Как Христос это сделал, известно каждому. Во время праздника кушей Он вошел в иерусалимский храм и учил там. Вокруг Него собралась толпа, зачарованная мудростью Его слов. Он никогда не претендовал на то, чтобы считаться книжником, не учился в раввинских школах, не имел доступа к священным книгам. Но незнакомец из Назарета приводил в замешательство лучшие умы Иерусалима и легко раскрывал такие истины, кото-

рые никогда не звучали в стенах храма. «И дивились иудеи, говоря: как он знает Писания, не учившись?» «Не учившись». Они не знали, что Христос учился. Они не знали школу в Назарете, где учителя — на небесах, класс — мастерская плотника, урок — воля Отца Небесного. Они не знали, что истинная ученость может прийти от Господа, как и мудрость.

Сами они все узнали из книг, написанных людьми, или из уст человеческих. Другого органа, кроме разума, они не знали, они не ведали, и божественные истины могли слышать только в школе. Христос указывает им на духовный мир, который для них закрыт и говорит о духовном зрении, которое постигает глубочайшие тайны этого мира и открывает божественные тайны. «Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня», — говорит Он; и «Суд Мой праведен, — как учил Он до этого, — ибо не ищю Моей воли, но воли Пославшего Меня Отца». А затем, чтобы люди не думали, что этот великий опыт — не для них, Он предлагает то же самое всякому человеку, стремящемуся узнать волю Господа. «Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно».

Слово «учение» здесь не надо толковать так, как мы его толкуем. Это не какая-то богословская доктрина. Это учение самого Господа, Его Божественный разум. Если кто-то хочет творить Его волю, он узнает и Его разум; уразумеет учение Господне.

Если понимать эти слова буквально, в них на первый взгляд кроется противоречие. Знать волю Господа — все равно, что творить ее. Но как мы можем творить ее, пока не узнаем ее? Самое трудное — ее узнать, а тут такие странные слова: *делай*, и ты ее узнаешь. Мы хотим ее узнать, чтобы исполнить, а нам говорят: *исполняй* ее, чтобы узнать. Кто исполняет, тот узнает.

Но подлинный смысл этих слов — другой, потому что главное слово — другое. На самом деле узнает не тот, кто творит, а тот, кто *хочет* творить. Главное слово здесь — «хочет», весь смысл в нем. «Кто желает творить, тот узнает». Если кто-то хочет, желает творить Божию волю, он ее узнает.

Заметьте, как велика разница. Сначала казалось, что на первом месте исполнение, а потом уж — знание; теперь желание предшествует знанию, а потом, после того, как воля проявилась достаточно ясно, может последовать и исполнение. Ответ Христа на вопрос «Как узнать волю Божию?» можно передать и так: «Если кто-то искренне пытается исполнять волю Божию, тот ее узнает».

Связь всего этого с послушанием в том, что именно желание исполнить волю — высшая степень, дух и сущность послушания. Мирское послушание, по сути, тут не годится, оно вынужденное, в нем нет смирения.

Мы читаем в Евангелии от Матфея: «У одного человека было два сына; и он, подошед к первому, сказал: “сын! Пойди, сегодня работай в винограднике моем”. Но он сказал в ответ: “не хочу”, а после, раскаявшись, пошел. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: “иду, государь”; и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?» Здесь послушание — в его истинном значении, оно свободно. Если у человека послушная воля, истинное смирение, он узнает, от Бога ли то или иное.

Если мы приложим этот принцип к реальной ситуации, мы обнаружим, что он действует примерно так: скажем, завтра нам предстоит какая-то трудность, она так важна, что мы не можем просто от нее отмахнуться. Может быть, какая-то проблема, связанная с нашей работой, стала вызывать смутные сомнения, которые тревожат наши мысли и совесть и даже мешают молитве. Или, допустим, меняются обстоятельства, появляются новые возможности, и надо выбрать одну из них. А может быть, что-то в нашей жизни кажется не совсем правильным, но разум не может это понять и решить. Словом, что-то тревожит нас, и у нас есть разные возможности, которые нужно распознать, выбрать одно и отвергнуть другое. Если мы рассматриваем этот случай не только как частный, но и как обобщающий, неизбежно встанет вопрос: «Как нам отделить Божий взгляд от нашего? Как разобраться, где наши соображения, а где Божьи, и удостовериться, что мы следуем Его воле, не принимаем за нее свою?»

Прежде всего естественно будет рассмотреть ситуацию и все элементы этой ситуации в целом, соотнести все возможные последствия, взвесить все доводы в пользу каждого, пока не выберем то, что больше всего одобряет наш разум. Но это *естественная* тактика любого человека, решающего проблему. Верующий подходит к делу иначе. Он скажет, что все это не годится. Да, конечно, разум — от Бога, и вполне возможно и даже вероятно, озарение может прийти посредством разума, все же человек веры достигает решения (скорее всего — другого) совсем не так.

Решение это будет несравненно лучше, ведь способность проникновения в самую суть при нерелигиозном методе ослаблена, а тот орган, который отвечает за знание воли Божьей, мо-

жет отказать из-за длительного бездействия. Орган этот — сердце, преданное Господу; если же оно ему не предано, оно не работает, а ум, который с ним связан — орган несовершенный, ему и не дано безошибочно распознать Божию волю.

Верующий человек примется с другого конца. Его взор будет направлен не на внешние обстоятельства, но внутрь, в сердце. Он не поставит задачу своему уму, а посвятит все силы души тому, чтобы в себе разобраться и как можно серьезней, ни в коей мере не предполагая облегчить себе жизнь или обойти затруднение. Оно попытается познать самое великое и сокровенное в духовном мире, понудив свое сердце совершить суровое жертвоприношение на земле — преклонить несмиренную человеческую волю до такой степени, что он сольется с волей Божьей. Для этого необходимо неусыпно наблюдать за своим сердцем и строго сохранить его для Господа. Все скрытые желания надо извлечь одно за другим, чтобы Христос претворил их; малейшее движение души, когда ее коснется Дух Божий, должно быть готово обрести силу и действовать во что бы то ни стало. Словом, больше всего следует остерегаться того, что душа потеряет свою отзывчивость Богу, и, когда Он заговорит, окажется глухой, когда Он проявит Свою волю, которую мы должны осуществить, не захочет повиноваться.

Когда мы достигли всего этого молитвой, изучением себя, отданностью Богу и силой Святого Духа, мы можем ежедневно молиться о том, чтобы узнать волю Божию. Когда сердце подготовлено, а уклончивая воля приучена жертвенно и терпеливо предавать все на волю Бога, тогда Его воля может проявить себя в любую важную минуту нашей жизни и стать нашей собственной не только в мыслях, но и на деле.

Такие поиски при помощи такого орудия вряд ли можно назвать поисками. Воля Его явственна при каждом повороте дороги; если же иногда находят сомнения, то, как мы говорили, ум с величайшей осторожностью, полнотой и тщанием соберет все в поле своего зрения, словно он не надеялся на озарение свыше, а потом замрет и будет ждать, пока способность к различению, это око, сияющее в преданном сердце и видящее только Бога, остановится на отдаленной точке, которая для всех остальных неразличима, а для него являет волю Божию.

Как могут встретиться конечное и бесконечное, как невидимая Божья воля вмещается в земном сердце, так и останется неизвестным. О таинственном месте встречи в послушном и жаж-

душем сердце, когда воля человеческая полностью совпадет с волей Бога, ведает только Святой Дух.

Дух дышит, где хочет. «Мы слышим глас оттуда, но откуда он идет и куда направляется, не можем знать». Когда страсти исторгнуты и мысли не тревожат ум, когда способности застыли, ожидая Бога, тогда духовное око, возможно, заметит почти неощутимое движение в душе, некую мысль, которая трепещет, словно листок, возвещая присутствие Бога. Эта тишина, это дуновение и шевельнувшаяся мысль действуют не поодиночке, а, слившись в одну тайну, возвещают мне волю Божью. Конечно, свет Господа не вытесняет, но как бы высвечивает наши мысли. Когда Бог посылает ангела возмутить воду в купели, не усомнимся в ангельской руке и будем верить, что небесная сила тронула воды нашей души.

Так приготовим же наши сердца к познанию воли Божьей, будем стремиться узнать ее, чтобы осуществить в своей жизни. Тогда мы не спросим, как она может проявиться, и не убоимся, если свет Небесный отойдет от нас.

Только надо помнить, как мы уже говорили: для того, чтобы хотеть исполнить эту волю, надо следить за своей жизнью. Это нужно, чтобы исполнять волю Бога, но неизмеримо больше — чтобы этого хотеть. Такое желание — более редкий дар, чем исполнение воли Божьей.

Тот, кто желает, порой остается в бездействии и терпеливо ждет. Исполнять волю Бога гораздо легче, легче работать для Христа, чем пойти и на бездействие. Нет ничего более редкого в нашем мире, чем подлинно жаждущая душа, и нет ничего более ценного, чем воля на то, чтобы желать Божьей воли. Самое важное приобретение в жизни христианина — искренне повинующееся сердце. Если бы могли сохранить его неповрежденным, были бы поистине живы тысячи людей, исполняющих волю Бога на земле, как на небе. Бог присутствовал бы в жизни тех, чьим душам дана свобода подчиняться любому ветерку — что бесполезно и для Бога, и для мира — и многие достойные христиане не тратили бы свои добродетели на себя, а трудились для Христа.

Когда придет судный час и земля и небо затмятся, так что покажется даже, что любовь Бога отступила, можно будет уповать на волю жаждущего сердца, внушенную Богом и склоняющуюся перед Ним, которая среди самых серьезных и смущающих превратностей жизни говорит:

Отче, я знаю, что вся моя жизнь
Препоручена Тебе,
И не страшусь никаких перемен,
Которые посланы мне.
Я об одном Тебя прошу:
Чтобы хотела моя душа
Исполнить волю Твою.

4

Как связаны между собой воля Божья и наше освящение

Ибо воля Божия есть освящение ваше (1 Фес 4:3).

По примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят (1 Петр 1:15, 16).

*Потом добавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже». <...>
По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа (Евр 10:9, 10).*

Разговор о воле Божьей привел нас — может быть, несколько неожиданно — к великой теме освящения. Вы помните, наверное, какое открытие мы сделали: мы узнали, что конечная цель освящения (или посвящения Богу) — выполнить волю Божью; а основывались мы на словах: «Представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим»¹. Почему? «Чтобы вам познать, что есть воля Божья, благая, угодная и совершенная». Мы должны предать себя Богу не потому, что освящение делает нашу жизнь приятной или роскошной, но чтобы исполнить волю Божью. Или, говоря одной фразой: «Освящение есть воля Божья».

Но ведь наш текст, по всей видимости, говорил совсем не то — «Воля Божья есть освящение», то есть цель освящения — воля Божья. А теперь получается, что цель воли Божьей — освящение.

Значит надо кое-что прояснить, а для этого — рассмотреть все с другой стороны и разобраться получше в том, что такое святость.

¹ Рим 12:1.

В Библии у слова «освящение» два основных значения. Первое можно условно назвать ветхозаветным, второе мы связываем большей частью с Новым Заветом. Освящение в Ветхом Завете не всегда подразумевало какие-то внутренние изменения сердца; оно часто относилось даже не к сердцам, а к предметам. Освящали поле, дом, алтарь, шатры, драгоценные сосуды, священнические облачения, города-убежища, в общем — все, что отделялось для сакрального употребления. Новый Завет дает этому слову более глубокое значение. Оно означает теперь не внешнее освящение, а внутреннюю святость. Освятиться — значит очистить внутренность сердца от всякой нечистоты и облечь его в разум Христов. Это не просто отделение от дольного мира, но посещение из горнего, нисхождение Духа Божьего, дающего начала святости, то есть возможность внутренне уподобиться Богу.

Раньше предмет освящали с какой-нибудь практической целью. Золотой подсвечник освящали, чтобы он мог послужить Богу. Дом освящали, чтобы он принадлежал только Богу и совершалось там угодное Ему. Так же освящался и человек — чтобы Бог мог его использовать. Освященный всегда под рукой у Бога, чтобы делать то, что Ему угодно, то есть исполнять волю Божью.

Освятиться — нечто большее, чем просто стать орудием; иначе автоматы годились гораздо больше. Уж они-то не противились бы воле Божьей, были бы всегда на месте. Однако воля Божья воздействует на Его орудия. Действие ее не заканчивается с выполнением какого-то дела. Она меняет, улучшает тех, кто исполняет ее. Конечно, освященная чаша или освященный дом, внутренне не изменятся, а вот на человеке она отразится. Бог ничего не делает для одного Себя. Тот, Который так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, как с Ним не дарует нам и всего?² Его Сын, Его любовь, Его воля — для нас. Откуда мы это знаем? От Бога: *воля Божья есть освящение ваше*. Что бы еще не заключалось в этих словах, речь здесь идет о нашем освящении. Что бы ни получил Он, вы получаете освящение. «По Его воле, — говорится в послании к Евреям, — мы освящены». «Я хочу не Моей пользы, а вашей; не Моего вечного торжества, а вашего; не Моей святости — но “вашего освящения”». Ты думаешь, Богу нужно твое тело, когда Он просит предать его Ему?³ Ты думаешь, Он об этом просит ради Себя, что Он от этого обо-

² Ин 3:16; Рим 8:32. ³ Рим 16:1.

гатится? Да Он мог бы одним дуновением создать что-то в тысячу раз лучшее! Он просит *ради тебя*. Он прости тебя о даре, чтобы дать тебе Свой дар; прости отдать Ему то, что преграждало Ему дорогу. Он хочет, чтобы твоя воля не мешала Его воле. Ты отдаешь Богу все. Бог возвращает тебе это, возвращает с избытком. Ты представляешь свое тело в живую жертву, чтобы познавать волю Божью⁴, и познаешь ее в том, что получишь назад тело прославленное Божьей славой. Ты теряешь весь мир, чтобы научиться познавать волю Бога, а воля эта в том, чтобы ты приобрел небо. Да, именно в этом. Можно сказать иначе: чтобы ты обрел святость, потому что святость — это небо. Словом, «воля Божья есть освящение ваше».

Теперь мы можем сказать две вещи:

1) Наше освящение или, точнее, наше посвящение Богу совершается ради исполнения воли Божьей, «чтобы познавать, что есть воля Божья благая, угодная и совершенная».

2) Это действует и на нас самих, ведь часть воли Божьей — в том, чтобы мы обрели святость. «Ибо воля Божья есть освящение ваше».

О первом мы уже говорили; теперь подумаем, как лучше исполнить эту очевидную часть воли Божьей. Воля Божья — чтобы мы стали святы. Как же стать святыми?

За свою жизнь мы, наверное, не однажды об этом думали. Мы думали, читали, молились об этом и, наверное, так и не поняли, как же поистине стать святым. Может быть, вопрос для нас звучит иначе, уклончивей: «Когда же это начать?» И безнадежнее: «Куда уж нам стать святыми!»

Чтобы выйти из затруднения, надо задать еще один, более глубокий вопрос: «Почему я хочу быть святым?» Все главные трудности нашего религиозного пути связаны с тем, из чего мы исходим. Если наша духовная жизнь замутнена, это значит, что замутились ее истоки. Плодоносна душа или бесплодна, полностью зависит от того, что нами движет. Если что-то мешает нам стать святыми, загвоздка скорее в тех причинах, по которым мы этого хотим. Нас, когда они правильны, мы и спрашивать не будем, что такое святость. Значит, мы ближе подойдем к истинным основам святости, если поразмыслим над самым главным: «Почему я хочу стать святым?»

1) Наверное, некоторым из нас стремление это от кого-то передалось, мы им заразились. Мы бездумно и лениво брели по

⁴ Рим 12:1, 2.

жизни — и вдруг встретили особенного, возвышенного, пламенного человека. Нас поразили принципы, на которых основана его жизнь, зачаровали его цели, удивило равнодушие к мелким заботам и горестям. Его серьезность и самоотречение пленили нас, и мы подумали, что нам хотелось бы перечеркнуть свою жизнь и воссоздать ее по новому образцу. Так появился у нас первый стимул к святости.

Что ж, мотивы эти правильны, только несовершенны. Они делали свое дело — до поры до времени. Бог порой избирает очень странные способы, чтобы пробудить в человеке веру. Пожалуй, самое удивительное в истории обращений то, как много ответов на вопрос: «Что заставило тебя впервые задуматься о своей душе?» Да, странными путями обращает нас Бог. Путь к дому может указать самый неожиданный указатель; первый порыв к небу часто возникает от такой никчемной причины, что потом не решаемся рассказать о ней. А когда мы давно обратились, Бог может снова поторопить нас и стимул, Его орудие, будет настолько ниже наследника небес, насколько наша духовная жизнь ниже того, что надо.

Однако запомним очень важное правило: стимулы, которые Бог допускает поначалу, не должны оставаться с нами всегда. Толчком к новой жизни может стать неудача в делах, болезнь, честолюбие, церковное тщеславие и тысяча других вещей. Плоды их недолговечны. Настанет время, когда непременно придется сменить эти стимулы более высокими, иначе мы не возрастем в благодати, не приблизимся к святости. Стимулы должны расти, чтобы росла благодать. Многие так и живут старой благодатью, потому что живут старым стимулом. Бог дал нам начать снизу, но потом, с Его помощью, благодатью, нам стало доступно лучшее; мы же растратили благодать на что-то другое, и стимулы наши не выше, чем прежде. Да, мы и получили какую-то «фору», но не использовали ее и всю жизнь простояли на месте, потому что у нас нет причин пути.

2) Совсем не обязательно заразиться верой, есть и другой великий источник, и многие черпают из него каждый день. Это — *книги*. Стимул исправить свою жизнь мы могли получить из книг. В трудах по этике, у великих поэтов, а то и в каких-нибудь романах мы читали, что высшая цель жизни — быть честным, чистым и добрым. Мы видели, что литература прославляет добро, и мало-помалу начали его уважать, потом — восхищаться им, потом — к нему стремиться. Так заразились мы высоким стрем-

лением, оно хоть как-то изменило нашу жизнь и дало нам нужный стимул.

Что ж, будем благодарны Богу за такое начало. Стремиться к честности, чистоте и доброте — это очень много, и Библия не станет ревновать ни к одной менее великой книге, через которую Бог пробудит желание исправить свою жизнь. Но все эти книги недостаточны. Самые высокие стимулы, какие только может дать нам самая лучшая из них, настолько же отстоят от славы Божьей, насколько те, кто живет только благими порывами, зажженными нынешней словесностью, далеки от разума Христова. Бог может дать человеку эти стимулы, чтобы помочь ему прийти к вере. Если мы не хотим искать их в Книге Божьей, Он может вложить что-то, отдаленно напоминающее их, в человеческие книги. Христос приходил к людям туда, где эти люди были. На земле нет настолько темного уголка, чтобы свет небесный не мог туда проникнуть, нет места, где Бог не мог бы напомнить о Своей любви. Для святой мысли место найдется везде. Она может прийти к нам на дороге, как к апостолу Павлу⁵, или среди ветвей смоковницы, как Закхею⁶, может прийти в лодке, как к Петру⁷, или за чтением Библии, как к евнуху⁸. Где бы она ни пришла, все доброе — от Бога. Поблагодарим Подателя всех благ, что Он населил землю и небо мыслями о Его славе, наполнил мир голосами, призывающими к Нему. Но снова напомним себе: первые стимулы не будут долго сопровождать нас. Собственно говоря, они и не могут нас сопровождать; если мы не обретем более высоких стимулов, это очень плохо скажется на нашей вере и, скорее всего, нравственности. Каждому рано или поздно приходится сделать печальное открытие: люди, восхищающие нас почти божественными порывами, оказываются не такими уж прекрасными. Если в стремлении к святой жизни нами движет лишь возвышенные порывы нашей собственной природы, они, скорее всего, его принизят, а то и подавят.

Словом, правильное побуждение к святости нельзя получить из книг.

3) Иногда мы склоняемся к добродетельной жизни из *благоразумия* или *из страха*.

Мы прочитали в Библии: «Ни один человек не увидит Господа, если он не свят». Эти слова потрясли нас, мы захотели увидеть Бога и обнаружили, что в Библии постоянно повторяется приказание соблюдать Божьи заповеди. Мы, в страхе и трепете,

⁵ Деян 9. ⁶ Лк 19. ⁷ Мф 4:18. ⁸ Деян 8.

взялись за дело. Строгость этих заповедей подстегивала нас. Мы старались бодрствовать и молиться. Мы вечно боялись что-то нарушить. Несомненно, это принесло пользу, и немалую. Как и предыдущие, этот стимул не плох, он просто несовершенен. Если мы поистине хотим достигнуть святости, его тоже надо заменить более высоким.

4) Для некоторых из нас стимулом стала *благодарность*. Мы с особенной силой ощутили Божью любовь, явленную в Иисусе Христе. Мы поняли величие жертвы, которую Он принес ради нас, прощения, которое Он даровал нам, и нам захотелось ответить на Его любовь. Движимые этой прекрасной целью, мы обратили сердца к Богу. Свою жизнь мы решили сделать достойной Его Благовестования. Мы готовы делать ради Него то, чего не сделали бы ради себя, но даже этот высокий порыв не осуществит наших желаний, не так уж сильно приблизит нас к Богу.

5) Наконец, еще одна мысль иногда помогает какое-то время двигаться вперед. Во время причастия, в минуты духовного пробуждения, нас охватывает чувство, которые служители Христовы испытывают всегда: «Нам даны великие преимущества, мы избраны из мира Божьим попечением. Бог очень близок к нам: самая земля наша — земля святая. Какими же нам нужно стать! Как же мы должны от всех отличаться! Как должны удаляться от всякого зла!⁹ Как осторожно должны ходить мы, сосуды Божьи».

* * *

Да, некоторые из этих стимулов очень хороши. Они — от Бога. Без сомнения, многие с их помощью продвинулись к святости; во всяком случае, они пробудили стремление к ней. Но все они недостаточны и совершенно неспособны довершить то, что иногда так обнадеживающе начинают.

Недостаточны они по трем причинам:

1) Они не основываются на Библии, точнее — не передают всей библейской истины.

2) Они способны дать лишь очень малую святость.

3) Они никогда не дадут святости подлинной.

Если мы не обрели более высоких стимулов, наша духовная жизнь основывается на принципах, которые по самой природе вещей не смогут дать того, на что мы надеялись.

⁹ Фес 5:22.

Мы недоумеваем, почему мы так мало возросли в благодати, а может — и совсем не возросли. Если мы заглянем в свое сердце, мы откроем по меньшей мере одну причину, но очень существенную: *стимул* наш недостаточен.

Слабость его в том, что он, во-первых, не обладал властью, во-вторых, не предлагал образца. Первое значит, что, собственно, у нас нет причины становиться лучше. Нам что-то сказал друг или герой любимой книги, и авторитет их то увеличивается, то убывает. Что же касается второго, наш друг или любимый герой, в лучшем случае, очень слабый образец. Созданный из глины может донести до нас лишь несовершенную святость.

Каким должен быть правильный стимул? До сих пор мы сталкивались с обычными стимулами, теперь перейдем к необычным. Святость — самое необычное из всего, что есть в мире, и она требует самых немислимых стимулов, самых поразительных побуждений. Посмотрим же, как Бог удовлетворил эту потребность нашей природы, и насколько полно, так совершенно, что когда душа это откроет, ей никогда не придется чувствовать себя обездоленной. Стимул, данный нам Богом — «Будьте святы, потому что Я свят»¹⁰.

Удивительно услышать тут, рядом голос Бога, тихо говорящий: «Будьте святы»; но еще поразительней, еще выше, пролепетав: «Почему надо быть святыми?», услышать ответ: «Потому что Я свят». Вот какой стимул дает нам Бог. *Будьте святы, потому что Я свят* — это повеление; это стимул.

Будьте святы. Подумайте о том, как немисливо высока эта обязанность. Когда мы начинали нашу христианскую жизнь, мы услышали голос: «Будьте святы». Может быть, как мы сейчас говорили, это сказал кто-то из наших друзей, может быть, мы нашли это в стихах или прозе, может быть, это был предостерегающий голос закона, но он не говорил со властью, это не был голос Бога. Может быть, мы и не думали о голосе, нас привлекла сама «святость»; нам на мгновение приоткрылось что-то новое и прекрасное, вселяя надежду, обещая преобразить самые обычные часы нашей жизни. Мир веры сверкал и сиял нам, книги и люди помогали войти в него — словом, мы познали обаяние святости. Если бы нас спросили, что мы слышали, мы, скорее всего, сказали бы: «Голос Бога». На самом деле это был наш собственный голос, в котором отразились отдаленные отзвуки прочитанных книг, размышлений, чих-то слов. В этом голосе не было власти,

¹⁰ Лев 11:44, 45; 1 Петр 1:15, 16.

и он представил нашей бедной воле решать, возрастать ли нам в святости. Иногда наша воля была сильна, и мы становились лучше, чем прежде, но бывали дни, часы, минуты, когда мы прислушивались к другим голосам. «Будьте богатыми», «Будьте счастливыми», — говорили они, а мы теряли все, чего достигли.

Если же к святости обязывает Бог, нет вопроса, стать святым или не стать. Мы *должны, обязаны* стать святыми. Посмотрите снова, какой стимул прилагается к этой обязанности: «*Потому что я свят*». Вот нам причина, вот объяснение. Для всего мира Бог желает одного — чтобы тот стал святым, просто потому, что Он свят, а лучшее, что Он может сделать с людьми, это уподобить Себе. Весь мир принадлежит Ему, Он хотел бы привести его в гармонию с Собой. Бог вправе требовать, чтобы мы были святыми. Мы ведь не хотим, чтобы в нашем доме что-то было некрасивым, не радовало глаз. Какое же право у нас уродовать собою землю Божью, какое право жить в одном мире с Ним? Мы — оскорбление для Бога, фальшивая нота в музыке Его мироздания.

Бог накладывает на нас эту высокую обязанность ради нас самих. Для этого мы сотворены, для этого рождены в христианской стране. Для этого странные вещи случались в нашей жизни, странные слова нарушали ее течение, странные тревоги, странные бедствия, странные смиряющие наказания. Нет другого объяснения ее тайны — Богу мы нужны святыми. Любой ценой Бог хочет, чтобы мы были святы. Мы можем быть чем угодно еще, но святыми мы быть *должны*, ибо воля Божья есть освящение наше. Мы можем не быть богатыми, знаменитыми, счастливыми, но непременно должны быть святыми. Иногда, в особенно серьезные минуты нашей жизни, нас озаряет мысль о том, что здесь проявляется Божье милосердие. Бог хочет этого *ради нас*, потому что не быть святыми — это ад, смерть, гибель.

Нашему новому стимулу не хватает теперь одного. Мы обнаружили его источники высоко вверху, в Слове Божьем, и глубоко внизу, в нашей слабости. Мы поняли, что святость — совершенно необходима и жить без нее — значит противиться нашему Создателю. Но мы еще не рассмотрели ее *свойств*. К чему мы так пламенно стремимся, что это такое? Как мы должны представлять ее себе, когда думаем о ней? Существует ли простое и ясное определение святости, которое можно легко определить и потом легко ему следовать? Определить его очень легко, а легко ли следовать, пусть скажут те, кто пробовал. Будьте святы, *как Я свят*.

Как свят Он, Который призвал вас, *так* и будьте святы. Вот к какой святости нас призывают. Вот образец, вот объяснение, которое Бог вложил в стимул, «как Он... так и вы». Задумайтесь на минуту, какая разница между этими местоимениями. *Он*, Который призвал вас — Иисус Христос. *Он*, Который не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его¹¹. *Он*, Который будучи злословим, не злословил взаимно; страдая, не угрожал¹². *Он*, не имевший никакого пятна или порока¹³; *Он*, в Котором даже враги не нашли никакой вины¹⁴.

Вы, падшие дети падшего рода человеческого, *вы*, чьи сердца лукавы и испорчены¹⁵, должны стать как *Он*. Эти местоимения должны оказаться рядом. Распинатели должны прийти к Распятому. Вот стимул, столь же высокий, как святость Божья. Поневоле ощутишь, что нам еще только предстоит дело нашей жизни. Мы ведь еще не начали быть такими, как Бог, потому что мы захотели уподобиться не Ему, а кому-то другому. Маленькие улучшения, которые мы получили из книг, случайные порывы, пришедшие к нам из чьей-то жизни, не выполняли в нас волю Божью, не могли освятить такие сердца, как наши, словом — не могли сделать, чтобы мы стали как *Он*.

Несомненно, человеческое добро возможно для человека и до того, как он соприкоснется с Христом. Благородные побуждения и цели могут сделать нашу жизнь благородной, но не сделают ее святой. Святая жизнь — это жизнь, подобная жизни Христа. Чего бы мы ни достигли, одного наши меньшие стимулы дать не смогут — такого духа, как Дух Христов. Жизнь, подобную Его жизни, может дать только Он Сам, и дух Его мы можем получить только от Него.

Так, мы подошли к самому глубокому значению другого текста, который занимает особое место в Слове Божьем и венчает нашу тему — «Вот Я иду исполнить волю Твою, Боже». Автор Послания к евреям цитирует пророка Давида. Да, воля Божья есть освящение ваше; но автор Послания прибавляет: «*По сей-то воле освящены мы*». Как? «Единократным принесением тела Иисуса Христа». Наше освящение — не в книгах, не в благородном порыве и не в личной борьбе за добродетель. Оно в том, что Христос принес в жертву за нас Свое тело. Освящение совершилось один раз, тогда. Его нельзя произвести, можно только получить. Его нельзя сложить из кусочков, оно полностью совершено, и нам остается только возложить все на Христа. Хотя на это мо-

¹¹ 1 Петр 2:22. ¹² 1 Петр 1:19. ¹³ 1 Петр 2:23 и др. ¹⁴ Лк 23:4 и др. ¹⁵ Иер 17:9.

жет потребоваться целая жизнь, когда бы оно ни пришло, оно придет от Христа. Если мы когда-нибудь станем святыми, это произойдет в той мере, в какой мы имеем Христа. Наше освящение — не то, что дает нам нравственность, даже не то, что дает Библия, даже не то, что дает Христос, а живой Христос, Он Сам.

Мы потому и руководствуемся меньшими стимулами, что не слишком соединены с Христом. Мы берем наше учение из Библии, у Христа, но из-за того, что Он не присутствует, не *живет* в нашем сердце, мы обходим весь мир, ищем стимулов. Мы ищем их в книгах, в научных трудах, в проповедях — все тщетно, их там нет. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец»¹⁶. «Христос — все во всем»¹⁷. Начало всего — воля Божья. Конец всего — освящение через веру в Иисуса Христа. «По сей-то воле освящены мы». Вся христианская жизнь и весь христианский опыт проходит между этими полюсами. Ни один стимул, кроме Христа, не может привести человека к Христу. Если твой стимул к святости не так же высок, как Христос, он не возвысит тебя до Христа. Вода не может подняться выше своего уровня. «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти»¹⁸. «Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем»¹⁹.

¹⁶ Откр 1:8. ¹⁷ 1 Кор 15:28; Кол 2:6. ¹⁸ Кол 2:8—10. ¹⁹ Кол 2:6.

5

Мир с вами

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф 11:28—30).

Недавно я слышал слово о мире, о покое известного проповедника. В ней было много прекрасных мыслей; но спросив себя, какой путь к миру указал мне проповедник, я ответа не нашел. Он искренне желал решить вопрос практически, но не привел ни одного убедительного для меня примера из житейского опыта, не дал совета, которым я мог бы воспользоваться, чтобы обрести покой в обычных условиях нашей жизни. Этот недостаток нельзя было поставить ему в вину, ведь все мы — в полутьме, и, когда нужно практическое решение — теряемся в тумане неопределенных ответов.

Кого не приводила в уныние эта недостаточность связи между великими словами религии и обыденной жизнью? Христианству принадлежат прекраснейшие слова нашей речи; литература его изобилует выражениями, обозначающими самые возвышенные, самые блаженные чувства и настроения. *Покой, радость, вера, любовь, свет* — как приятно звучит это в молитвах и духовных песнопениях. Казалось бы, именно здесь — гласное сокровище христианского опыта. Но, когда всмотришься ближе в повседневную жизнь большинства из нас, какое сильное разочарование! Ведь мы и сами не знаем, насколько наша религиозная жизнь состоит из слов и фраз, в какой мере то, что мы называем христианством, — лишь отзвук церковного языка, благочестивые слова, очень мало значащие и в нас самих, и в нашей жизни.

Некоторым из нас истинно христианские добродетели кажутся более недостижимыми, чем в первое время христианской жизни. Наша жизнь подобна цветку, не пожелавшему распуститься полностью; мы не раскаиваемся, что относились к религии серьезно, но чувствуем какое-то разочарование. Конечно, и у нас по временам слышатся в душе слабые отзвуки небесной музыки, но эти дивные вестники являются как бы случайно. Они исчезают прежде, чем мы успеваем удостовериться в них. Явление их кажется нам почти чудом. Когда они покидают нас, мы не знаем, в чем дело. Если бы мы захотели вернуть их, мы не знали бы, что для этого нужно.

Все это показывает, что в нашей религии недостает твердой основы, что наша христианская жизнь слаба, как мерцающий свет. Мы слабы и несостоятельны в тех видах христианского опыта, благодаря которым христианство утешало бы нас самих и привлекало мир; к тому же, мы не знаем как устранить этот недостаток. Получается так, словно мы знаем все о здоровье, кроме одного — как его обрести.

Конечно, дело не в том, что у нас нет серьезного стремления. Оно есть. Все очень стараются стать лучше. Духовно работа идет в сердцах бесчисленных людей, даже тех, которых в этом и не заподозришь. То, что происходит в душе мудрых и мыслящих, молодых и легкомысленных, тех, кто редко утоляет жажду и никогда ее не выказывает, — одно из самых удивительных и трогательных явлений жизни.

В предлагаемой беседе я, по мере сил, попытаюсь решить этот вопрос. Надеюсь, что она поможет некоторым, «ищущим и не обретающим покоя», обрести более твердую почву, указав им на великий, незыблемый, хотя и простой, принцип, лежащий в основе не только христианского, но и всякого опыта, и всякой жизни.

Не знаю, по моей ли вине или по вине кого-то из читателей, «эту скромную попытку» приняли за трактат о мире и покое. Поэтому позволяю себе повторить: это не трактат, а если и трактат, то далеко не полный. Это простая беседа, обращенная к христианам, и цель ее — объяснить *принцип*. Если бы предметом моей речи был покой, я не ограничился бы сказанным здесь и охотно рассказал бы и о других его видах. Я стараюсь доказать, что христианский опыт — не дело чуда, он вполне подчиняется закону причины и следствия. Мне казалось очевидным, что здесь об-

суждаются такие известные виды *христианского опыта*, как покой, радость и т. п., в том смысле, в каком выражение «христианский опыт» обыкновенно употребляют, и совершенно независимо от очень важного, поистине величайшего вопроса о грехе.

Христианскому опыту недостает *путеводной нити*, твердой системы, методы. Может ли быть, что нет средства против этой беспорядочности и неопределенности, или что средство это составляет тайну? Мысль о том, что немногим людям по счастливой случайности, или по особому предрасположению, или способности удалось эту тайну добыть, надо прямо назвать ложной. Христианство должно приносить зрелый плод для всех людей, без различия их природных дарований, и путь на его высочайшие вершины должен проходить через такую дверь, которая доступна поистине каждому.

Попытаюсь провести к этой двери хорошо знакомой тропой. Это тропой почему-то не пользуются, даже не знают, что она здесь годится; и поэтому мне придется повторить самое общее из общих мест.

Нет действия без причины

Ничто на свете не происходит случайно. Бог есть Бог порядка. Все основывается на определенных предварительных условиях, и ничто не совершается зря. Мир, как и мир религии, управляется законами. Развитие характера происходит по нравственному закону. Счастье человека тоже подчиняется закону. По определенному закону вырабатывается и христианский опыт. Люди забывают это или не знают этого, и думают, что покой, радость, мир, вера нисходят откуда-то из воздуха, словно дождь или снег. На самом деле этого нет, но если бы даже и было, то душевное состояние все-таки обуславливалось бы предшествующей деятельностью и подчинялось естественным законам. Дождь и снег падают на землю из воздуха, но после длинного ряда предшествующих обстоятельств. Они — окончательное последствие предварительных причин. И покой, радости, миру тоже предшествует некая история. Буря, ветер ли или затишье не случайны, они зависят от предшествующих условий. Покой и мир подобны безветрию в душе и необходимо следуют из вполне определенных причин.

Объяснимся подробнее. Мы живем в мире порядка, а не в мире случая. Когда хозяйка подает на стол хороший пирог, это значит, что она тщательно применила хороший рецепт. Если она смешает указанные ингредиенты и поставит на предписанное время в печь, пирог непременно появится; но пирог производит не хозяйка, а природа. Хозяйка приводит в действие причины, а уж причины производят известный результат. Она не творец, а посредник. Она не думает, что случайные причины могут породить определенные последствия, зная, что из взятых наобум продуктов не получит задуманного ею кушанья. Так и христианская жизнь. Берутся те или другие пути и способы, которые и производят соответствующее действие. Без предварительной причины никогда не будет соответствующего результата. Ожидать действия без обуславливающих его причин — все равно, что ждать пирога, не употребив муки или масла. Между тем все мы рассчитываем на получение духовных благ именно таким невозможным образом.

Я очень хочу, чтобы вы твердо усвоили принцип причины и следствия в духовном мире; и вместо того, чтобы прилагать его к каждому виду христианской практики, применю к одному виду, зато несколько подробнее. Возьму покой, мир, при этом полагая, что, применив указанный принцип в этом отдельном случае, вы сможете применять его и во всех прочих.

Возьмем такое положение: исследователи Африки болеют лихорадкой, которая вызывает беспокойство и бред. Заметьте слово «вызывает». У беспокойства есть причина. Значит, всякий желающий избавиться от него, постарается ее устранить. Без этого ему не помогут никакие средства. В мире все устроено так, что известные действия должны следовать за известными причинами, и известные причины надо устранить, а то не устранишь этих действий. В некоторых частях Африки есть физическое явление, которое мы называем лихорадкой. Эта лихорадка неизбежно сопровождается душевными явлениями, которые называются беспокойством и бредом. Чтобы уничтожить эти душевные явления, надо уничтожить явление физическое, то есть или уничтожить Африку, или туда не ездить. Так и со всяким беспокойством. Каждый вид и род беспокойства в мире имеет свою причину, и его можно устранить, устранив обуславливающую причину.

Все это верно и по отношению к покою. Если причина есть у беспокойства, то есть она и у него. Мы не могли бы рассчиты-

вать на это, если бы жили в мире случайностей; но мы живем в мире системы и порядка, и иначе быть не может. Физический, нравственный, духовный покой имеет причину, как и беспокойство. Но причины бывают разные. Для каждого действия есть своя причина, именно та, а не другая; и если требуется особое действие, нужно привести в движение соответствующую ему причину. Бесполезно предлагать какую-нибудь общую систему или совершать благочестивые упражнения в надежде на то, что покой как-нибудь да явится к нам. Бессмысленно и нелепо ожидать духовных или каких бы то ни было следствий, не употребив соответствующих причин. Великий Учитель осудил эту несообразность простым вопросом: «Собирают ли виноград с кустарника или смоквы с терновника?»

Разве учение Христа, преподанное Им Своим последователям, не было полным? Разве Он не сказал нам, например, как приобрести то, что мы называем покоем? Как не сказать! Сказал, очень ясно и вразумительно. Он ясно и вразумительно указал *причину* покоя, эти слова мы знаем с детства.

Как вы помните, сперва можно подумать, будто покой можно получить так, без всякой причины: «*Придите ко Мне, — говорит Он, — и Я успокою вас*».

Казалось бы, покой — можно подарить, дать, так что людям оставалось бы только прийти ко Христу, и Он дал бы его всякому просящему. Но следующее слова уничтожают такое предположение. Христос выдвигает обуславливающее дар требование. То, что значило, по-видимому, первое речение, почти невозможно — как *дать* покой в буквальном смысле? Дать его так же трудно, как дать смех. Мы можем вызвать смех, рассмешить, но передать смех не можем. Говоря, что причиняем боль, мы вполне понимаем, что не можем сообщить, передать ее. Когда мы стараемся доставить удовольствие, мы лишь приспособливаем, или устраиваем обстоятельства таким образом, что они его доставляют. Конечно, приближение к великой личности сообщает душе уверенность и покой. Люди могут быть для других людей тем же, чем высокие скалы в безводной пустыне. Тем более Христос; Христос как Совершенный Человек; Христос как Спаситель мира. Но я говорю не об этом. Словами «Я успокою вас» Он хотел лишь сказать, что приходящим к Нему Он укажет путь к покою, а не передаст, подарит Свой собственный покой. Он хотел дать им средство к успокоению, вот и все. Что именно так и нужно понимать эти слова, вытекает из того, что, во-первых, в Его на-

мерения не входило давать людям покой; во-вторых, люди не таковы, чтобы можно было это сделать; а главное, для людей в тысячу раз лучше, если они создадут для себя покой сами.

Такое толкование вполне оправдывается следующей фразой: «Научитесь от Меня, и найдете покой душам вашим». Значит покой нельзя дать, но можно найти, обрести. Это — результат не единичного акта, а целого процесса. Находят его не по счастью, словно клад, а медленно, как, скажем, знание. Как и знание, он дается не сразу. Для него необходимо подготовить почву. Подобно нежному плоду, он растет только в определенном климате, развивается определенным порядком и созревает медленно, постепенно.

Природу этого медленного процесса Христос ясно определил, сказав, что покой обусловлен *научением*. «*Научитесь от Меня, — говорит Он, — и найдите покой душам вашим*». Смотрите, как удивительно! Какая странная связь между двумя этими словами — «учение» и «покой»? Очень немногие из нас сопоставляли их или думали, что покою можно научиться, как можно научиться языку или игре на каком-нибудь музыкальном инструменте. Не доказывает ли это, что учение Христа до сих пор ново для нас? Такое древнее и знакомое для нас изречение так мало применяется! Большинству из нас совсем не приходит в голову соединить понятие покой с понятием *труд* или *работа*.

Над чем же работать? Что надо изучить, чтобы обрести успокоение? Христос прямо и ясно отвечает на этот вопрос. Он указывает две добродетели: кротость и смирение. «*Научитесь от Меня, — говорит Он, — ибо Я кроток и смирен сердцем*». Добродетели эти здесь не случайны. Ими-то и обуславливается покой. Научитесь им и вы его обретете. Они — непосредственные причины покоя; они произведут его несомненно и быстро. Лишь немного подумав, вы убедитесь, что иначе и быть не может, ведь причины никогда не бывают произвольны, и связь между предшествующим и последующим — как повсюду, так и здесь — лежит глубоко в природе вещей.

Какая же тут связь? — спросите вы. Ответу вопросом: какие главные причины *беспокойства*? Это вы знаете и скажете: гордость, самолюбие, тщеславие. Оглядываясь на свое прошлое, вы видите, что все несчастья происходили главным образом от личных оскорблений и ничтожных в сущности разочарований. Крупные испытания встречаются редко, и мы находим силы бороться с ними; мучают нас и беспокоят беспрестанные столкно-

вения с другими людьми, мелкие неприятности по делу, по службе; несогласие в семейном кругу; уколы нашему тщеславию, непокорность нашей воле, крах наших мечтаний. Уязвленное самолюбие, несбывшиеся надежды, неудовлетворенное своекорыстие — вот исконные, обыкновеннейшие, всеобщие источники беспокойства.

Отсюда ясно, почему Христос указал на прямо противоположные этим порокам добродетели — кротость и смирение. Для них этих поводов к беспокойству попросту не существует. Они исцеляют его тем, что делают невозможным. Этот метод не воздействует на внешние признаки, а прямо устраняет причины. Беспреданные муки сосредоточенной на себе души можно уничтожить, воспитывая в себе кротость и смирение. Научившийся этим добродетелям навсегда обезопасит себя от беспокойства. Он будет жить как бы под защитой свыше. Христианство, можно сказать, делает нам духовную прививку, вводя здоровую кровь в обескровленную или отравленную душу. Лихорадка не может поразить совершенно здоровое тело; недуг беспокойства не потревожит душу, научившуюся путям Христа. Люди жалеют, что у них нет крыльев, которые бы унесли их от тревог и волнений. Но, улетев, мы не достигнем цели, ведь «царство Божье *внутри нас*». Ища покоя, мы стремимся в вышину, а он обретается на земле. Вода прекращает свое течение, только дойдя до самого низкого места. То же и с людьми. Поэтому будьте смиренны. Человек, совершенно свободный от сомнения, никогда не обидится, если его не хвалят и не признают. Итак, будьте кротки. Кто не предается ожиданиям, тот остается равнодушным, если ничего не выпадает на его долю. Такой порядок вещей объясняется сам собой. Кроткий и смиренный человек действительно выше всех людей, выше всех вещей. Он господствует над миром, потому что не заботится о нем. Скупец не владеет золотом, золото владеет им. «*Кроткие, — говорит Христос, — наследуют землю*». Не покупают, не завоевывают, а наследуют.

Есть люди, повсюду и во всем видящие оскорбление, и они всегда несчастны, потому что оскорбления, особенно воображаемые, встречаются на каждом шагу. Таких людей жаль не меньше, чем самых последних бедняков, только бедность их не имущественная, а нравственная. Они в прямом смысле слова, плохо воспитаны, чужды науке жизни. Впрочем, вообще очень мало людей знает, как нужно жить, ведь этому толком не учат, нас вос-

питавают без системы, и мы переносим в зрелый возраст чисто животные навыки и мотивы, которыми жили в детстве. Нам и в голову не приходит, что все это надо изменить, иногда — в совершенно противоположном направлении, что жизнь — самое тонкое из искусств, которое следует изучать с великим и неослабным терпением, и нашего земного странствия недостаточ-но, чтобы достичь совершенства.

Одна из целей христианства в мире — преподавать нам искусство жизни. Весь порядок этого обучения заключается в трех словах — «научитесь от Меня». Не в пример большинству наук, это наука чисто личная; ее нельзя заимствовать из книг и лекций; она не зависит от исповедания или вероучения. Ее вырабатывает сама жизнь. Христос не только словами возвещал христианские добродетели, Он жил в них, они были частью Его Самого. И мы должны не только внешне походить на Него, а изучать Его искусство, живя рядом с Ним, как в старину ученики жили рядом с художниками, изучая их мастерство.

Ясно ли мы это поняли? Обращаясь к труждающимся и обремененным, Христос призывает начать жизнь снова, но новому правилу, Его собственному. «Смотрите, что делаю Я, — как бы говорит Он. — Следуйте за Мною. Отнеситесь к жизни так, как Я отношусь к ней. Будьте кротки и смиренны, и найдете покой».

Заметьте, я никоим образом не хочу сказать, что христианская жизнь для кого бы то ни было может быть спокойным, мягким ложем. Воспитание таким не бывает. Если бы некоторые знали, что заключается в простых словах Христа, вероятно, они не вступили бы с таким легким сердцем в число Его последователей. В этой школе приходится не только многому учиться, но и от многого отвыкать. Сплошь и рядом в нее поступают только тогда, когда способности к учению наполовину утрачены и развитие души уже приняло роковое направление. В пятьдесят лет трудно учиться арифметике, а еще труднее усваивать христианство. Научиться кротости и смирению тому, кому их не внушали с раннего детства, очень трудно, это стоит очень дорого. Знаем ли мы, например, что смирению можно научиться только на пути унижений? А между тем иной школы, вероятно, и нет. Весьма много значит, если человек сознательно вступает в такую школу. Он найдет в ней покой, но ему придется и много работать.

Хотя моя речь, собственно, о светлой стороне христианского опыта, я поступил бы неправильно, умолчав о кресте и снизив

тем самым цену. Крест получает более определенное значение, когда мы связываем его непосредственно с ростом внутренней жизни. Мы часто говорим о «пользе горестей», но наши представления о ней также неопределенны, как и наши теории о христианском опыте. Мы считаем, что *каким-то* неведомым путем скорби приносят нам пользу. Но тут неопределенностей нет. Результат — определенный, исчисляемый, неизбежный. Он подчиняется строжайшему закону причины и следствия. Потеря состояния, например, приводит к уничтожению; а уничтожение, как мы сейчас видели, приводит к смирению; смирение же производит покой. Стало быть, с несчастья начинается кружной путь к покою. Природа обыкновенно достигает своих целей кружными путями; и вряд ли можно прямо, сразу сделаться смиренным или обрести покой. Дело бы значительно упростилось, если бы мы смирялись по желанию; но этого нет, и мы поневоле должны проходить между жерновами. Ближайшая дверь и кратчайший путь к жизни — умерщвление нашей низшей природы.

Но это еще только половина истины. Внешняя жизнь Христа была очень трудной, таких почти и не бывает. Бури и невзгоды, невзгоды и бури все время рушились на Него, пока Его изможденное тело не скрылось в могиле. Зато внутренняя жизнь Его была ясна и невозмутима, как зеркальная поверхность вод. Там всегда царили тишина и спокойствие. В любую минуту вы нашли бы там успокоение. Даже тогда, когда кровожадная толпа преследовала Его на улицах Иерусалима, Он обращался к Своим ученикам с последним заветом: *«Мир Мой даю вам»*. Ни на одно мгновение не нарушалась ясность Христовой жизни на земле. Он не мог потерять состояния, Он ничем не владел. Пища, одежда, деньги — главный источник скорбей доброй половины человечества — не играли никакой роли в Его жизни, Он и не думал о них. Его нельзя было унижить, Он Сам уничтожил Себя, *«зрак раба приим»*. Он был нем перед оскорблявшими Его; на брань не отвечал бранью. Одним словом, что бы мир не предпринимал, ничто не могло взволновать спокойную поверхность Его духа.

Такая жизнь сама по себе удивительна. Только увидев, какое спокойствие было в Нем, можем мы понять, что значит слово «покой». Он — не в ощущениях и не в отсутствии ощущений. Это не возвышенное настроение, которое мы испытываем в церкви, не то, что поселяет в нас красноречивая проповедь. Мы не находим этого ни в природе, ни в поэзии, хотя и они в ка-

кой-то мере умиротворяют нас. Это дух, отрешившийся от себя самого, полное душевное равновесие, абсолютная недоступность внутреннего человека для всякого нападения извне; готовность ко всяким случайностям; непоколебимая стойкость; непреходящее спокойствие неуязвимой веры; невозмутимая уверенность сердца, всецело отдавшегося Богу. Покой — душевное состояние того, кто вместе с поэтом может сказать: «Есть Бог на небесах, спокоен я за мир».

Два художника написали картины, пытаясь изобразить свое представление о покое. Первый избрал сюжетом тихое, уединенное озеро и горы вдалеке. Другой — шумный водопад, склоняющуюся над ним тонкую березу, и на одной из ее ветвей, почти мокрой от брызг бушующей стихии, снегиря на гнезде. Первая картина изображала *неподвижность*, вторая — *покой*. Ведь в покое встречаются два элемента: спокойствие и энергия; тишина и буря; созидание и разрушение; бесстрашие и страх. Таким был покой Христа.

Отсюда вполне понятно, что, помимо всего остального, Он, по крайней мере, знал, как следует жить, то есть как наилучшим образом проходить свой земной путь. Вот почему Он так хочет сообщить Свое понимание жизни другим. Он пришел, по Его словам, дать людям жизнь, истинную жизнь, жизнь с избытком. Так жил Он Сам, и такую жизнь Он предлагает всему человечеству. Вот почему Он призывает к Себе всех, кто не может справиться с жизнью, всех труждающихся и обремененных. Им хочет Он сообщить Свою тайну жизни, чтобы и они познали «жизнь истинную».

Для чего нужно иго

Нам остается разъяснить еще одно сомнение. Словам «научитесь от Меня» Христос предпосылает слова, которые могут и устрашить. Он говорит: «*Возьмите иго Мое* на себя и научитесь от Меня». Если все сказанное до сих пор справедливо, зачем Он говорит об *иге*? Обещая нам покой, почему вслед за тем Он предлагает нам *бремя*? Неужели жизнь христианина в самом деле то, чем ее считают враги христианства — лишняя тягость в и без того уже нелегкой жизни, сугубая требовательность, невыполнимые предписания, тяжелые узы и путы, мешающие всякой радости и свободе? Разве жизнь не тяжела и не горька и без этого бремени?

Просто удивительно, как могло распространиться такое извращенное понимание таких ясных слов. Думали вы когда-нибудь, для чего употребляют ярмо? Хуже от него животному? Как раз напротив — его надевают, чтобы животному было легче. Если бы впрягли вола иначе, не с помощью ярма, он просто не смог тащить плуг; а запряженный в ярмо вол легко исполняет работу. Ярмо не орудие пытки, но орудие помощи; не злонамеренная выдумка, а доброе изобретение, которое должно облегчить тяжелый труд. Оно существует не для того, чтобы причинять боль, а для того, чтобы избавлять от нее. А между тем об иге Христа говорят как о рабстве и несущим его снисходительно сочувствуют. Много написано проповедей о «Христовом иге»; одни с удовольствием изображают, какое оно тесное; другие видят именно в этом его божественность; третьи защищают его, заверяя слушателей, что оно не так страшно, как думают; четвертые объясняют, что, хотя оно и очень тягостно, тягость эта не может перевесить положительных сторон христианства. Скольких, особенно молодых людей, такие толкования навсегда отвратили от Царства Божия! Вместо того, чтобы привлечь человека к Христу, Его представляют каким-то суровым надсмотрщиком, стесняющим жизнь мелочными ограничениями, требующим ненужного самоотречения, возводящим нищету в добродетель, под тем предлогом, что таково уж Его иго, а счастье и радости преступны, потому что не согласуются с ним. С такой точки зрения христиане, в лучшем случае, жертвы гнетущей судьбы; жизнь их — постоянная епитимья, и надежды их на будущий мир покупаются медленной мукой в настоящем.

Ошибка произошла оттого, что слово «иго» принимали в том же смысле, как и выражение «пройти под игом» (ярмом). Христос же говорит не о римском *jugum*, а о простой «упряжи» или «ярме», употребительном у восточных поселян. Такое деревянное ярмо Ему, вероятно, нередко приходилось делать Самому в плотничной мастерской Иосифа. Он знал разницу между гладким, удобным ярмом и грубым, неудобным; ярмо стирало кожу, и бремя становилось тяжелым; мягкое не причиняло боли и облегчало груз. Дурно пригнанная упряжь составляла тягость; удобно пригнанную волы носили легко.

Посмотрим теперь, каково «бремя», о котором говорит Христос. Это не какое-нибудь особое бремя, возлагаемое на плечи христианина; не наказание, на которое осуждаются одни исповедники христианской веры. Его носят все. Это просто жизнь,

сама жизнь человеческая, общее бремя жизни, которое мы должны нести от колыбели до могилы. Христос видел, как тяжело доставалась жизнь людям. Для одних она была прямо тягостью, для других — чередой неудач, для многих — рядом скорбей и бедствий, для всех — страданиями и борьбой. Как нести это бремя, гадали тогда (и теперь) все, кто только есть. Это — общая задача. Христос разрешает ее так: «Несите бремя жизни, как несу Я. Отнеситесь к жизни, как Я отношусь к ней. Смотрите на нее с Моей точки зрения. Объясняйте ее, руководствуясь Моими правилами. Возьмите иго Мое на себя, научитесь от Меня, и увидите, что оно легко. Его нетрудно носить, оно хорошо сидит на плечах, а потому — не тяжко».

Я не хочу сказать, будто религия хочет избавить кого-либо от бремени. Тогда она избавила бы человека от жизни, ведь жизнь сама по себе и есть бремя. Христианство просто предлагает, как сделать бремя сносным. Иго Христа — не более и не менее как Его тайна облегчить жизнь человека, Его рецепт лучшего и счастливейшего образа жизни. Люди снаряжают себя для преодоления тягостей и непогод самыми неудобными и неестественными способами. Но их упряжь устарела. Это, в лучшем случае, грубый, дурно приспособленный хомут, который трет и давит еще больнее оттого, что надевается на самое чувствительное место, а там уже от шеи боль переходит на все тело.

Таково, между прочим, происхождение болезни, известной как «раздражительность», несмотря на свое невинное название, составляющей один из главнейших источников беспокойства. Хроническая раздражительность — душевная болезнь. Самолюбие воспалено до острой степени, оно не выносит ни малейшего прикосновения. Лечение тут одно — надеть ярмо на какое-нибудь другое место, предоставить людям и вещам соприкоснуться через какую-либо новую и до сих пор, может быть, не востребованную часть нашей природы, то есть стать кроткими и смиренными. Тогда старая, легко раздражимая природа, за ненадобностью, омертвевает. Христианство умеет приспособлять бремя жизни к людям и людей к бременю; а значит, обладает чудесным даром исцеления. Нисколько не насилуя человеческую природу, оно приводит ее в согласие со всем окружающим, возбуждая новую любовь и интерес к жизни в изнемогших от нее и пресытившихся ею. Меняя взгляд на жизнь и самые размеры вещей, оно одно способно облегчить заботы. Вес зависит от притяжения Земли. Представим себе, что это притяжение исчезло. Тонна на какой-

нибудь другой планете, где сила притяжения меньше, может быть весила лишь полтонны. Христианство уничтожает притяжение, и это — один из способов, которыми оно уменьшает наше бремя. Оно делает нас гражданами другого мира. Что вчера весило тонну, сегодня не будет весить ничего. Не изменяя обстоятельств, лишь расширяя наш кругозор, оно придает миру совершенно новый вид.

То, что преподавал нам Христос — самая верная философия жизни из всех, какие были на земле. Каков бы человек ни был, через какую бы юдоль слез не прошел, или должен пройти, он обретет новую жизнь, если станет на путь истинного, неизвращенного христианства.

Как растут плоды

Если бы предметом моей речи был покой, я бы не ограничился сказанным и охотно рассказал о других видах покоя. Но я стараюсь доказать, что христианский опыт не дело чуда, он вполне подчиняется закону причины и следствия, а покой взял только для примера, чтобы показать на нем действие этого закона. Располагая я достаточным временем, я прошел бы по всем видам христианского опыта и показал бы, как к каждому из них прилагается тот же закон. Но, видимо, для нашей цели лучше предоставить вам самим эту работу. Не знаю, есть ли еще столь же плодотворный прием изучения Библии, который больше приближал бы вас к путям Божиим или мог бы сильнее укрепить вашу христианскую жизнь. Прежде чем кончить, я должен осветить еще одну сторону обсуждаемого мной вопроса.

Откуда берется радость? Я знал одного мальчика, который был уверен, что большой запас радости хранится на небе и, когда человек попросит о ней, кусочки ее бросают оттуда, и прямо в душу просящего. Не уверен, что таких грубо материальных представлений нет у людей, от которых можно было бы требовать большей рассудительности. На самом деле радость подчиняется тому же закону причины и следствия, что и горе. Ее не раздадут тем, кто попросит. Это — один из самых зрелых плодов христианской жизни, и, как все плоды, ее надо выращивать. В Индии показывают очень интересный фокус, так называемый «фокус манго». В землю кладут семя и чем-то накрывают, а после разных заклинаний, через пять минут, на месте зерна вырастает покрытый цветами манговый куст. Я никогда не встречал чело-

века, который бы знал, как это делается, но я не знаю и человека, который бы не считал это колдовством. Мало осталось людей, не верящих в закономерности природы. Мы можем не знать, как растут плоды, но мы знаем, что они не вырастают за пять минут. У некоторых нет даже веток, на которых они бы висели, если бы даже и выросли сразу. Иные за всю свою жизнь не посадили ни одного здорового зерна радости; а другие, может быть, и бросившие одно-два зернышка, так мало и редко выходили на солнце, что те просто не могут породить плода.

Итак, где же берется радость? Христос облек Свое учение об этом в одну из прекраснейших притч. Здесь, как и в прежней главе, сошлюсь на Его слова, так как мне совсем не хочется, чтобы у вас появилась мысль, что я говорю от себя. Особенно много оснований поступить так теперь, потому что предмет нашей беседы с необыкновенной полнотой изложен в Евангелии.

Я имею в виду притчу о виноградной лозе (Ин 15:1—12). Думали ли вы когда-нибудь, почему Христос рассказал эту притчу? Он рассказал ее не только для того, чтобы преподнести миру общие истины; и не только разъяснял таинственное общение между Ним и Его последователями. Рассказав притчу, Христос, как и во многих других случаях, объяснил ученикам цель поучения. Он хотел сообщить им, как приобретается радость. *«Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна».*

Прочтите внимательно это место Евангелия, и вы откроете единственный источник истинного счастья. Не буду разбирать этих причин в подробностях. Предлагаю вам самим углубиться в смысл упомянутого места. Помните прежде всего, что на Востоке виноградная лоза считалась символом радости. Вино, говорит псалмопевец, веселит сердце человека. Как ни невинна эта радость — выжатый из винограда сок был обыкновенным напитком каждого селянина — она все-таки была внешней и преходящей. Это — не истинное счастье, а виноградные лозы Палестины — не истинные лозы. *Истинная* виноградная лоза — Христос. В ней-то и заключается будущий источник радости. Какими бы путями она не являлась в нас, источником всякой истинной радости остается Христос. Это не значит, что действительная радость переходит к нам прямо от Христа. Мы заимствуем от Него лишь способ достигать этого состояния. Конечно, в определенной мере мы можем разделять горе или радость другого. Но это совсем иное дело. Христос — источник радости в том же смысле, в каком Он — источник покоя. Последователи Его разделяют

Его жизнь, а потом участвуют и в ее последствиях, одно из которых — радость. Говоря, что радость Его пребудет в нас, Он имел в виду, между прочим, что причины, производящие ее, будут действовать. Иными словами, ученики, следуя Его жизни, вкусят от ее плодов и радость, в Его смысле, в них пребудет.

Вслед за тем объясняется путь, каким эта радость приходит. *«Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода»*. Сначала плод, потом радость; плод — причина или посредник. Сперва непременно нужно принести плод, тогда неизбежно появится радость. Заключается она и в принесении плода, и в том общении, от которого оно зависит. Другими словами, радость и вызывается постоянным пребыванием при Христе, дающем полноту покоя, защиты и любви; и тем влиянием, которое производит такая жизнь на разум, чувства и волю; и жизнью ради других, которая приносит с собой самоотречение и сопереживание счастью. Все это, разными путями и в разное время, становится для нас источником истинного блаженства. Простейший из этих источников — делать добро людям — остается важнейшим, никогда не изменяющим средством. Чтобы обрести счастье, не требуется никакого чуда, возьмите нужные составные части, и оно появится. Кто пребывает в Нем (во Христе), приносит много плодов; а «приносить много плодов» и значит «быть счастливым». Верное средство к счастью, таким образом, — делать добро; а верное средство к тому, чтобы делать добро, — пребывать во Христе. Вот убедительнейшее доказательство того, что счастье подчинено закону о причине и следствии; люди никак не могут достичь его другими путями. Только истинная причина производит истинное следствие.

Значит, христианская жизнь может быть делом наших собственных рук? — спросите вы. Да, если считать делом ваших рук виноград, но не более. Все плоды растут, на почве физической или на почве духовной, на дикой или на истинной лозе. Но никто *не заставляет* их расти. Можно *вызвать что-либо к росту*, создав обстоятельства и выполнив все условия, но самый рост — дело Божье. Причины и следствия установлены от века, введены в основы мира; они не подвластны нашей воле. Человек может одно — стать звеном в цепи причин и следствий. Тогда он заставит расти, а значит — возрастает и сам. Возраститель же — Дух Божий.

Советую вам испытать этот способ. Не думайте, что если вы его знаете, то сумеете применить. Нельзя утолить голод поварен-

ной книгой. Однако, могу обещать вам успех, если вы изберете описанный здесь простой и естественный путь. Вы мечтали о плодах, тратя на это время; употребите же его на то, чтобы выполнить условия их роста, и плоды появятся. Мы привыкли обращать все свое внимание на *следствия*, на сами состояния, свойственные христианской жизни. Мы их описывали, прославляли, обсуждали, молились о них — словом, делали все, только не старались отыскать *причины*, обуславливающие желанные следствия. Займемся же этими причинами. Все другие способы неверны, все иные пути к обретению христианского опыта очень сомнительны. Этот же способ, естественный, не может обмануть ожиданий. Поручкой в том законы природы, а они в руке Бога живого.

6

Как преобразить нашу жизнь

Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (2 Кор 3:18).

Стремление к нравственному совершенству и необычайная трудность этой цели так же древни, как и род людской.

Я попытаюсь разрешить эту задачу, так как уверен, что при надлежащих условиях для *внутреннего человека* существует такая же естественная возможность приобрести красоту, как и для цветка. Если бы на Божьем свете не было средств для этого, то это значило бы, что мы лишены самого высшего блага. Между тем ради этого мы и созданы. Повторю слова Браунинга: «Человек создан, чтобы расти, а не стоять на месте», или еще более глубокое изречение из гораздо более древней книги: «*Кого Он предугадал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего*».

Позволю себе предварительно указать и в известной мере осудить некоторые весьма популярные приемы исправления своей жизни. Их нельзя назвать ошибочными: на своем месте и они могут приносить существенную пользу, и часто отвергаются лишь потому, что не дают совершенных результатов.

Первый из таких несовершенных способов — полагаться только на себя, на свои силы. Одной силы воли, одной, хотя бы и серьезной, решимости еще не достаточно. Борьба, усилия, даже самые отчаянные, уместны в христианском подвиге, это мы увидим ниже, но здесь они неприменимы. Однажды среди Атлантического океана пароход, на котором я плыл, вдруг остановился, что-то сломалось в машине. Думаете ли вы, что, собравшись вместе и навалившись на мачту, мы могли бы сдвинуть на-

ше судно? Пытаться спастись одним усилием — точно то же самое. Так утопающий не может вытащить себя за волосы из воды. На непрактичность этого способа Христос указал нам словами: *«Кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?»* Единственно полезная сторона — в том, что начавший применять его, почти сразу убеждается, что он никуда не годится.

Можно избрать и другой прием. Тогда мы скажем: «Нет, это не мой способ. Я убедился, что одни усилия, делаемые к тому же наугад, ни к чему не приводят, и действую по известному правилу. Мой план — не тратить попусту силы, а сосредоточить внимание на каком-нибудь одном грехе. Занявшись им и упорно его распиная, я надеюсь в конце концов искоренить их все». К несчастью, этому мешают четыре препятствия. Во-первых, жизнь наша слишком коротка, а имя грехам — легион. Во-вторых, истребляя один грех, мы оставляем в покое другие. В-третьих, борьба с одним грехом не оказывает никакого действия на корень и причину болезни. Опыт говорит, что, если закрыть один из путей, которыми входит в нас грех, то он почти наверняка пробьется через какую-либо другую часть нашей природы. Частичное обращение почти всегда сопровождается такой нравственной течью; воды, загражденные в одном месте, скапливаются и прорывают плотину в другом, и тогда наше положение становится еще хуже. В-четвертых, наконец, религия — не в отрицательных действиях, не в подавлении того или иного греха. Нравственного совершенства не достигнешь, отсекая сухие ветви своего духовного организма.

Третий скажет: «Я не пытаюсь уничтожать в себе грехи, а стараюсь усваивать добродетели». Недостаток этого метода в том, что он может стать механическим. Всегда можно отличить репродукцию от оригинальной картины, искусственный цветок от настоящего. Копировать добродетели, в известной степени — то же, что искоренять один за другим пороки; на время мы обретаем какую-то неравномерность, непоследовательность. Такого человека кто-то назвал «не по росту упитанным». Встречаются такие христиане — перекормленные с одной стороны, страшно тощие с другой. Напускное смирение, например, просто уродливо в человеке, ведущем во всех других отношениях вполне мирскую жизнь. Неистовый защитник трезвости часто становится не лучше, а хуже. Вот примеры добродетелей, теряющих цену в соединении с порочными свойствами. Характер — нечто цельное, все

доброе должно развиваться в нем одновременно, чтобы произвести «совершенного человека». Тем не менее, этот метод — на правильной дороге; его недостатки — лишь в частностях исполнения.

Вряд ли нужно называть четвертый способ, ведь он представляет собой лишь видоизменение первых трех. Его часто применяют молодые люди; их искренняя серьезность говорит в его пользу. Они ведут записную книжку с графами для дней недели и списком добродетелей, против которых оставлены чистые места для заметок. Такая книжка, начинающаяся с изложения суровых правил, хранится в тайном месте, и время от времени, обыкновенно поздно вечером, душа становится перед ней, как перед частным судилищем. Так делал, например, Франклин; и я думаю, много найдется людей, которые могли бы рассказать, как они вешали на стене спальни или берегли в потаенных ящиках правила, написанные в торжественную минуту жизни. Этот метод не плох, но дает очень скромные результаты. Хотите знать, почему? Да потому, что рано или поздно правила забываются.

Все названные способы: способ самоуверенных, способ самомучителей, способ подражания и способ дневника — вполне естественны вполне невинны и, в своем настоящем виде, совершенно несостоятельны. Я, повторяю, не за то, чтобы отвергать их. Они вредят скорее тем, что отвлекают внимание от истинного и действительного метода и дают лишь посредственный результат, вместо полного и совершенного. Рассмотрим теперь, в чем состоит этот истинный метод.

Закон освящения

Вам покажется странным, что я прилагаю слово «закон» к чисто духовной области, как будто речь идет о таком же определенном, точном процессе, какой требуется, например, чтобы получить столько-то вольт электричества. А между тем так оно и есть. Если механический эксперимент дает определенный, безошибочный результат, отчего же столь важный для человечества опыт должен быть предоставлен игре случайностей? Злаки растут по известному закону, а характер, стало быть, по произволу? Разве мы не можем с точностью рассчитывать на то, что силы религии сделают свое дело, то нет необходимости и в религии. Если мы не можем выразить простыми словами закон этих сил, то христианство — не религия мира, а неразрешимая для него загадка.

Где же нам искать такой закон? Все там же, где мы заимствуем другие указания — в ученых книгах. Обратившись к ученым книгам христианства, мы найдем закон, столь же ясный и точный, как и в механических науках. Если мы, кроме того, безбоязненно будем следовать этому простому правилу, то усовершенствование наше будет столь же несомненным, как и всякий результат, вытекающий из законов природы. Нигде это правило не выражено с точностью и ясностью, как в одном послании апостола Павла, а именно — во втором к Коринфянам, написанном к христианской общине, которая, живя в городе, славившемся распущенностью нравов, искала высшей и лучшей жизни. Вот этот стих: *«Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа».*

Обратите первым делом внимание на форму глагола: «мы преобразуемся». Она полностью противоречит всем вышеупомянутым способам духовного исправления. Сам человек не может изменить себя. И во всем Новом Завете, где бы ни говорилось об этих изменениях, выражающие их глаголы — в страдательном залоге. Мы сейчас увидим, что на это есть разумные причины, но в то же время просим не смущаться этими словами и не думать, что эта пассивность упраздняет всякое усилие со стороны человека или не признает ясного, всем понятного закона. То, что здесь приписывается душе, не больше того, что повсюду приписывается телу. В физиологии глаголы, означающие процессы роста, тоже не активны. Рост — не произвольное действие; он происходит, совершается вследствие воздействия известных сил на материю. Так и здесь. *«Должно вам родиться снова»*, говорит Христос, то есть быть рожденным снова. Сами мы родить себя не можем, как не можем и преобразить себя, но подвергаемся преобразующему действию. Изменения в ртути термометра производится силой, находящейся вне термометра; нравственная перемена в человеке совершается под влиянием, находящемся вне его души. Само собой разумеется, что он должен воспринять эту перемену, содействовать ей; но так же несомненно и то, что ни его склонности, ни его воля сами по себе не могут ее произвести.

Как ни очевидна эта истина, некоторым она покажется поразительной. Перемена, к которой мы стремимся, производится в нас без наших усилий. Ее вызывает в нас сила, которая выше нашей. Как под общим воздействием внешних влияний выра-

тает ветвь, распускается почка и зреет плод, так под невидимым давлением извне совершается и рост человека. Существенный недостаток всех наших прежних способов освящения в том, что мы пытались производить изнутри то, что может вызвать в нас только действие извне. Согласно основному закону движения, всякое тело остается в состоянии покоя или движения по прямой линии, пока воздействующие силы не заставят его это состояние изменить. Таков же и основной закон христианства. Характер каждого человека остается таким же или продолжает развиваться все в том же направлении, пока *воздействующие силы* не заставят его это изменить. Наша ошибка заключалась в том, что мы не старались поставить себя на пути *воздействующих сил*. Есть глина, но есть и горшечник; мы же думали, что глина может лепить себя.

Откуда же явятся эти воздействия, и где горшечник? Вышеприведенная формула отвечает: *«как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся»*. Не совсем ясно. Что это за «слава» Господня, может ли смертный человек отражать ее, и как она преобразует его в лучшую сторону? Выражение «слава» неупотребительно в обиходной речи, и нам приходится подыскивать другое равнозначное слово в современном языке. С этим понятием связано представление о некоем сиянии, о чем-то блестящем, ярком, вроде ореола или венца, изображаемого на иконах. Но то лишь рисунок, видимый символ невидимого. Что же такое это невидимое? Самое светлое, самое прекрасное, самое божественное из всех невидимых вещей — наш нрав, склад, *характер*. На земле и на небе нет ничего более великого, более славного. Это слово имеет много значений, в этике же — только одно. Слава значит вот это, не меньше и не больше. Земля *«полна славы Господней»*, потому что она полна Его свойств. *«Лепота Господняя»* — тоже характер, как и *«сияние славы Его»*. *«Слава Единородного»* есть свойство — свойство *«полноты благодати и истины»*. Когда Бог сказал Своему народу имя Свое, Он просто назвал ему Свои свойства; эти свойства — Он Сам: *«И Господь объявил имя Господне... Господь, Господь Бог, человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и истинный»*. Слава Божья, таким образом, не что-то неосязаемое, призрачное, запредельное. Если бы это было иначе, как мог бы апостол Павел предлагать, чтобы мы отражали славу Божию? Без своей словесной оболочки, это — красота, нравственная и духовная красота, бесконечно истинная, бесконечно высокая, но и бесконечно близкая, которую легко получить.

После этих объяснений перечитайте стих еще раз в таком переложении: «Все мы, отражая, как зеркало, свойства Христа, преобразуемся в тот же образ, от свойства в свойство — от низшего свойства в высшее, лучшее, от лучшего в еще лучшее, потом в еще более совершенное, пока, медленно и постепенно, не достигнем Священного Образа». Вот оно, решение задачи: отражайте свойства Христа и вы уподобитесь Христу.

Всякий человек — зеркало; таков главный закон, лежащий в основе этой формулы. Это сравнение — самая верная характеристика человека. Когда вчера вечером мы сидели вместе за столом, мир, в котором каждый из нас жил и вращался в течение того дня, отражался в комнате, как в фокусе. Глядя друг на друга, мы видели не друг друга, а мир друг друга. Мы представляли собой ряд зеркал. В них воспроизводились все виденные нами сцены; уходили и приходили встреченные нами люди; они говорили, кланялись, проходили мимо нас, повторяли все действия, как бы в действительности. Разговаривая, мы лишь смотрели в свое собственное зеркало и описывали то, что мелькало в нем; речи других мы воспринимали не слухом, а зрением — смотрели в зеркало собеседника. Весь обмен мыслей в человечестве не что иное, как созерцание отражений. Я встречаю в вагоне незнакомого человека. По тону его первых слов я заключаю, что это англичанин из Йоркшира. Не сознавая сам, он носит в себе отражение своей страны, своих родителей и продолжительную историю их рода. Он — зеркало даже в физиологическом отношении. По второй фразе я заключаю, что он — политик, и легкая модуляция, с которой он произносит слово «Таймс», обнаруживает его принадлежность к известной партии. В следующих его замечаниях я вижу отражение почти всего, что он пережил: какие он читал книги, каких встречал людей, каким подвергался влияниям, и какие влияния сделали его таким, каков он теперь. Все это записано тем пером, которое ничего не пропускает, и письма которого не могут быть сглажены. То, что я читаю в нем, он читает во мне; путешествие наше еще не кончилось, а каждый из нас уже мог наполовину описать жизнь другого. Волей-неволей мы живем в стеклянных домах. Ум, память, душа — не что иное, как обширная комната, обшитая зеркалами. От этого чудесного устройства и дара зависит способность смертных существ «отражать свойства Божьи».

Но это еще не все. Если разнообразные отражения нашей «скрытой» жизни видимы миру, то какая точная запись, какая

полная летопись живет в самой душе! Ведь испытываемые нами влияния ни на минуту не остаются на полированной поверхности нашего душевного зеркала; каждое из них удерживается там, где упало, и откладывается в душе навсегда.

Этот закон ассимиляции составляет вторую и поразительнейшую истину, лежащую в основе закона освящения — ту истину, что люди не просто зеркала, но зеркала такие, которые, отражая все мелькающее перед ними, переносят это в самую сокровенную свою сущность и держат в постоянной сохранности. Как совершается такое чудо, почему душа делается хранилищем западающих в нее отображений — остается тайной. Нет таких явлений в природе, нет таких химических процессов, нет таких отделов магии, которые вывели бы нас к ее пониманию. Подумайте, прошедшее не только отражается в душе, как в фокусе, оно остается там! Если бы оно не пребывало в душе, то не могло бы и отражаться оттуда. Все, что человек когда-либо видел, знал, чувствовал, думал, — стало его частью, стало им самим, преобразило его по своему образу. Он может это отрицать, может быть этим недоволен, но все остается в нем, и не как придаток, а как составная часть, прошедшая сквозь его плоть и кровь. Он не изменит и не сотрет этих отпечатков. Пережитое остается не просто в памяти, а *в нем самом*. Душа его — то, чем впечатления жизни ее наполнили, что из нее сделали, какой в ней оставили след. Эти вещи, эти книги, эти события, эти влияния создали из него то, что он есть. В их воле — и жизнь, и смерть, и красота, и уродство. Если какой-нибудь образ пережитого более или менее ясно предстанет перед душой, никакая земная сила не сможет помешать тому, чтобы душа его поглотила и постоянно отражала обратно в виде проявлений характера.

На этих поразительных, но очевидных психологических факторах апостол Павел основывает свое учение об освящении. Он знает, что характер создается медленно и постепенно, что он ежечасно изменяется — к лучшему или к худшему, в зависимости от образов, отражающихся в душевном зеркале. Еще один шаг, и применение этих главных идей к главной проблеме религии предстанет перед нами во всей своей широте.

Сила влияния

Если человека меняют события, то еще больше влияют на него люди. Всякий, встретивший кого-то на улице, оставляет в нем

какой-нибудь след. Мы говорим, что при встрече обмениваемся словами, тогда как мы, собственно, обмениваемся душами. При более близких и частых сношениях этот обмен настолько полон, что особенные черты одной души начинают обнаруживаться в другой. Кто не наблюдал таинственного сближения душ? Кому не встречались пожилые супружеские пары, прошедшие рука об руку, душа в душу свой жизненный путь, относившиеся друг к другу с таким доверием, уважением и лаской, что даже самые лица их постепенно приняли одно и то же выражение? Это уже не две отдельные, а одна общая душа. Безразлично, к кому из них вы обратились; ответ был бы тот же самый. Полувековое взаимное *отражение* сделало свое дело — супруги преобразились в один и тот же образ. Закон влияния таков, что мы становимся похожими на тех, на кого привыкли обращать взор. Так и наши супруги: они уподобились друг другу, потому что изо дня в день сосредотачивали друг на друге свое внимание. Во всех видах литературы, истории и биографии господствует тот же закон. Все люди — мозаика из других людей. В Ионафане сказывался дух Давида, в Давиде — дух Ионафана. Жан Вальжан у Виктора Гюго — епископ Бьенвеню, вставший из гроба. Переселение душ получает таким образом известную фактическую основу. Джордж Элиот хотел показать, что один характер создает другой. Таково же значение и семьи, колыбели человечества. Общество — не что иное, как собирательная точка, где эти всемогущие силы делают свое дело. Одним словом, все великое здание человечества построено на влиянии.

Апостолу Павлу выпало запечатлеть высшее приложение этого закона. Ему пришлось сделать поразительный вывод, но он не колебался. Он сам был измененный человек — он хорошо знал, кто произвел в нем эту перемену; то был Христос. По дороге в Дамаск произошла эта встреча, и с того часа жизнь Павла была поглощена жизнью Христа. Последствия не заставили себя ждать и стали обнаруживаться во всем — в словах, делах, вере, образе жизни. «Воздействующие силы» сделали свое дело. Павел уподобился Тому, Кого он полюбил. *«Мы же все, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ».*

Что может быть проще, понятнее, естественнее, сверхъестественнее? Это — аналогия ежедневно повторяющегося факта. Коль скоро мы так зависим от воздействия окружающего, то люди, окружающие себя самым высшим, становятся высшими. Есть люди, рядом с которыми проявляются наши лучшие свой-

ства. Когда мы с ними, у нас не может быть низких, дурных мыслей, мы не произносим недостойных слов. Одно присутствие таких людей возвышает нас, очищает, освящает. Все лучшие проявления нашей природы вызываются общением с ними, и мы испытываем неведомую прежде отраду. Предположите, что *такое* влияние продолжится месяц, год, всю жизнь — какими мы можем стать? Даже здесь, на обычной арене жизни, люди, говорящие нашим языком, ходящие по одним с нами улицам, действующие рядом с нами, влияют так на наши души; здесь, проникая сквозь земную оболочку, уже обнаруживается небесная сила; здесь сквозь брентную среду проникают влияния, способные возрождать человека. Если жизнь с людьми, которые в миллион раз ниже, хуже Всевышнего, может восхищать и очищать душу, то как беспредельно на нее влияние Христа! Жизнь с Сократом должна умудрить человека, с Аристотелем — сделать его справедливым, с Франциском Ассизким — кротким, с Савонаролой — стойким. А жизнь с Христом? Жизнь с Христом должна сделать его подобным Христу, то есть *христианином*.

Эта истина подтверждается фактами. Она ясно сказалась на апостоле Павле и еще резче обнаружилась во время земной жизни Христа. Несколько простых, необразованных людей Он принял в Свой тесный кружок; и сейчас же в них обнаружилась перемена. Мы изо дня в день можем проследить постепенный духовный рост первых учеников. Сначала они едва-едва отражают свойства Учителя; иногда, сперва очень редко, они делают и говорят то, чего не сделали и не сказали бы, если бы не жили рядом с Ним. Мало-помалу чудесное влияние Его жизни проникает в них все глубже. Одна за другой их нравственные силы поддаются этому влиянию, преобразуются, освящаются. Нрав их становится мягче, речи умереннее, в поступках обнаруживается меньше себялюбия. Как ласточки, дождавшиеся лета, как замерзшие почки под лучами весеннего солнца, их жаждающая природа раскрывается для более полной жизни. Незаметно для них самих они стали другими. Наконец, пришел день, когда они почувствовали себя похожими на Учителя и, подобно Ему, стали наставниками и благодетелями человечества. Они не могли бы сказать, как произошла в них такая перемена, но не могли жить и действовать иначе. Не снаружи, а внутри них самих действовала теперь побуждающая сила, поступать именно так, а не иначе. Только люди, часто видевшие их, знали, в чем причина совершившегося в них переворота. «Они были с Иисусом», — шепта-

ли эти люди. Стало быть, на учениках уже лежала печать Его свойств, «они были с Иисусом». Поверить невозможно, что эти простые рыбаки могла напоминать собой Христа! Какая поразительная победа, какая тайна возрождения! Смертный человек способен уподобиться Богу.

Как трогает нас то, что говорят о влиянии Христа Его современники, особенно евангелист Иоанн. Живя рядом с Ним, он не переставал Ему дивиться и был так охвачен, поработан, преобразен этим влиянием, что не допускал возможности, чтобы подпав под это влияние, можно было остаться прежним человеком. *«Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает»*, — говорит Иоанн. Грешить при таком условии, казалось ему, столь же невозможно, как куску льда оставаться целым под лучами солнца, или тьме устоять перед светом полудня. Если кто-нибудь грешил, для Иоанна это было прямым доказательством, что тот никогда не был рядом с Иисусом Христом. *«Всякий согрешающий не видел Его и не познал Его»*, — говорит апостол. В Его присутствии грех цепенел; корни его увядали; его власть и победа исчезали навсегда.

Но то современники Христа. Им легко воспринимать Его влияние, потому что они с Ним неразлучны. А как можем мы отражать то, чего не видели? Что может тут сделать память или чтение самого скудного из всех жизнеописаний — ведь именно таково жизнеописание Христа? Может ли влиять на нас Тот, Кто жил и покинул эту землю тысячу восемьсот лет тому назад? Как могут нынешние люди сделать нынешнего Христа, Христа отсутствующего, постоянным спутником своей жизни? На это мы ответим, что дружба — духовна. Она не зависит от материи, пространства или времени. То, что я люблю в своем друге, не то, что я вижу в нем. То, чем влияет на меня друг, не его облик, а его душа. Конечно, было бы неизреченным счастьем жить в то время, когда Сын Божий пребывал меж людей. Но если бы Христос снова пришел на землю, то, вероятно, немногим из нас выпало бы счастье видеть Его. Миллионы подданных никогда не видят своего государя; и миллионам подданных Христа не пришлось бы приблизиться к Нему и говорить с Ним. Наше общение с Христом должно быть общением духовным, как и всякая дружная дружба, всякая истинная любовь, человеческая и божественная. Самое большое влияние на учеников Христос оказывал после Воскресения. Значит, тому, чтобы мы отражали в себе Его свойства, не может препятствовать то, что мы Его не видим.

Была на свете девушка, такая хорошая, что все ей удивлялись. Она носила на шее золотой медальон, который никому не позволяла открыть. Однажды, в минуту откровенности, она позволила подруге дотронуться до пружины медальона, и подруга увидела надпись: «Люблю Того, Кого никогда не видала». Такова была тайна ее прекрасной жизни. Девушка преобразилась «в тот же образ».

Это — не подражание, а нечто более глубокое. Необходимо иметь в виду это различие, потому что и в процессе, и в его результате оно может быть столь же значительным, как между фотографией и грубым контуром, начерченным школьником на классной доске. Подражание — действие механическое, отражение — органическое. Одно случайно, другое дается продолжительным упражнением. В одном случае человек приходит к Богу и старается подражать Ему; в другом Бог приходит к человеку и запечатлевает в нем Свой образ. Да, несомненно, может быть подражание Христу, доходящее до отражения Его образа. Но определение апостола Павла включает то и другое и не может оставлять никаких недоразумений.

«Пусть Христос будет вашим постоянным спутником» — вот что значат слова апостола. Будьте прежде всего под Его влиянием. Десять минут, проведенных ежедневно в Его обществе, даже две минуты, только лицом к лицу, сердцем к сердцу, совершенно изменят весь ваш день. В характере каждого человека есть внутренняя пружина; пусть же ею будет Христос. Каждое действие совершается под влиянием определенного настроения; пусть же настроение это сообщит вам Христос. Вчера вы получили неприятное письмо. Вы сели и написали ответ, который чуть не сжег бумагу. Вы изыскивали самые сильные выражения, какие вам только были известны, и отослали свой ответ, не задумываясь над тем, как жестоко, бессердечно вы поступаете. А все потому, что ваша жизнь была настроена в дурном тоне. Вы начали день, неправильно установив свое душевное зеркало. Завтра с первой же минуты поверните его в сторону Христа, и даже для врагов ваше выражение лица будет иное. Что бы вы тогда ни сделали, вы убедитесь в одном — теперь вы не могли бы написать такого письма. Может быть, выше первое побуждение будет то же самое и выше суждение останется прежним, но, когда вы возьметесь за перо, чернила будут высыхать на нем, и вы встанете из-за стола неотмщенным, но лучшим человеком, а главное — христианином. Весь день вы будете делать все до последних мелочей под

впечатлением запавшего в вашу душу утреннего видения. Вчера вы думали главным образом о себе. Сегодня вам встретится бедняк, и вы накормите его. Беспомощные, искушаемые, опечаленные будут окружать вас, и каждому из них вы скажете дружеское слово. Где были эти люди вчера? Там же, где и сегодня; но вы не видели их. Бедные видны при отраженном свете. А душа ваша смотрит сегодня не под обычным углом. «Вещи невидимые» стали видимы. Несколько коротких часов вы живете вечной жизнью. Вечная жизнь, жизнь веры — просто жизнь высшего зрения. Вера — это положение души, зеркало, поставленное под нужным углом.

Пройдет завтрашний день, и когда вечером вы вспомните его, вам самим покажется странным, как вы могли прожить его так, как прожили. В вас не будет сознания, что вы к чему-то стремились, чему-то подражали или что-нибудь распинали. Вы будете сознавать, что с вами пребывал Христос, просто был, ни к чему не принуждал; что переворот в вашей душе совершился без всякого насилия, тихо и незаметно. Вы не станете поздравлять себя, как человек, исполнивший великое дело, или достигший успеха, или сделавший крупный вклад в хранилище «христианского» опыта, чтобы обеспечить такой же результат в будущем. Вы чувствуете лишь, что в вас проявилась «слава Господня». Если результат был истинный, то и мир почувствует, что это — именно она. Смотря в зеркало, человек видит не зеркало, думает не о нем, а о том, что оно отражает. Само зеркало не привлекает внимания, если на нем нет трещин.

Что это возможно, что это — не мираж, что такой жизнью живут многие и в наши дни, подтверждается житейскими фактами. Из тысячи свидетельств позволю себе привести одно. Это слова одного из просвещеннейших умов нашего столетия, послужившего своему отечеству как немногие, притом не старого, а находившегося в самом расцвете сил и деятельности. Вот его исповедь, которую я передаю с небольшими сокращениями.

«Сегодня мне придется сказать немного, но мне хотелось бы поговорить о священном имени Христа, в котором моя жизнь, мое вдохновение, моя надежда и мой покой. Я просто вынужден остановиться и посмотреть на прошлое. Мне очень хочется — так хочется, как будто я делаю это в первый раз — засвидетельствовать: тем, что я есть, я обязан не просто милости Божьей, но милости Божьей, проявленной во Христе Иисусе. Я признаю высоту и величие Бога Отца, вечно пекущегося о нас, создавше-

го небеса, основавшего землю, хранящего все племена земные Своим всеобъемлющим милосердием; но сегодня мне хотелось бы исповедать Бога, проявившего Себя в Иисусе Христе, открывшегося в Его жизни, в направлении Его чувств, в Его словах и деяниях, и сказать, что любовью Бога во Христе Иисусе я — то, что я есмь.

...Если меня спросят, что я под этим понимаю, то скажу откровенно, нисколько не умаляя значение того влияния, которое имели на меня родители и общество, я все-таки должен признать, что мой ум и характер созданы во мне Христом. Свои сокровенные идеалы я заимствовал у Христа. Почти все, что было достойного, чистого, благородного в моих помыслах, имеет Его своим источником. Много людей воспиталось на чтении плутарховых жизнеописаний, ставя себе образцом то того, то другого из великих людей древности. Про себя же скажу, что никто из великих поэтов, мыслителей, реформаторов, полководцев не занимал в моем воображении или мыслях столько места, сколько смиренный образ Иисуса Назорея. Больше двадцати пяти лет я инстинктивно обращался к Нему, ища у Него меры и правила на всякое мое действие. Во всех случаях моей жизни я — впоследствии уже сознательно — искал Его сообщества, и с ранних пор внутренним оком мог видеть обращенный ко мне любвеобильный взор. Мне казалось, будто от лица Его исходила какая-то сила, вразумлявшая меня, как вести борьбу со страстями, как побеждать гордость или подавлять самолюбие. Христос, открывшийся моему внутреннему взору, дал мне больше идеалов и образцов, имел на меня больше влияния, чем рассказ о каких бы то ни было человеческих характерах.

...Мало того. Я знаю, что Господь Иисус Христос внушил мне каждое понятие, превращавшее для меня небо в реальность, и каждую мысль, пролагающую путь к нему. Все мои представления о благодати, всякий шаг, способствующий развитию во мне божественной жизни, все представления о блаженствах, ожидающих нас по ту сторону мира — все исходило от Него, моего Спасителя. Насколько я живу теперь во плоти, я живу верой в Сына Божьего.

...Но этим еще не все сказано. Хотя в блаженном будущем кроются начала всего, что побуждает меня благословлять свою здешнюю жизнь, однако я должен сказать: как само лето больше всего, что оно производит — цветов, листьев, трав — так и Христос больше всего, что Он произвел в моем уме или моем сердце.

Все цветы и листья земных привязанностей, все радости, сопровождавшие мою земную жизнь, остаются за мной и в будущей блаженной жизни, но они для меня то же, что цветы и листья в сравнении с солнцем. Христос — альфа и омега, начало и конец моей истинной жизни.

...Читая Библию, я многое извлекаю из Ветхого Завета и из посланий апостола Павла, но в конце концов я должен сказать, что самый ценный плод чтения — Христос. Его я ищу в Библии, ради Него я ее читаю. Я жаждал Христовой любви. Вы все более или менее знаете, что значит жаждать любви. Ваше сердце томится, пока не получит ответа от тех, кто для вас всего дороже. Были минуты, когда эта жажда доходила до невыразимой силы. Мое чувство греха никогда не бывает сильно, когда я думаю о законе, и, напротив, оно сильно, когда я думаю о любви, если только существует разница между законом и любовью. Именно тогда, когда я приближаюсь к Господу Иисусу и домогаюсь Его любви, я живо сознаю свою полную недостойность, свою греховность, свое несовершенство. Все свойства моего нрава и поведения никогда не выступают для меня в таком ярком свете, как в те минуты, когда я молча склоняюсь пред лицом Христа, смотрящего на меня не с гневом, а с любовью. Никогда не горю я таким желанием удостоиться любви, быть любимым, как мысленно смотря на Его образ.

...Оглядываясь на свое прошлое, особенно живо я представляю себе те моменты жизни, которые так или иначе связаны в моих воспоминаниях с приближением ко Христу. Все остальное бледно, бесцветно и нависает, как туча, над горизонтом моей памяти. Все внешнее выражение веры как бы вянет и опадает, подобно осенней листве; живо и неизменно то, что создано во мне Христом».

Кто, слыша эту исповедь, проникнутую такой уверенностью в благодатной силе и помощи Христа, не воодушевится ее добрым и назидательным примером? Пока мы не будем жить, мы не узнаем истинной жизни.

Первый шаг

Вы, стало быть, низводите религию до степени обыкновенной дружбы? — слышится мне ваш вопрос. Кто же говорит об *обыкновенной дружбе*? Такой и нет на свете. Дружба — самое возвышенное понятие. Она подходит ближе всего к тому, что мы по-

нимаем под словом «религия». Бог есть любовь; уподобляя религию дружбе, мы придаем ей самый высокий смысл, доступный пониманию человека. Но если вы хотите сказать, что о самом великом и святом в религии нельзя говорить расхожим, будничным языком, тогда, боюсь, ваш довод вполне основателен. Обычно, говоря об освящении, подразумевают некую тайну, особую, не ту, которая есть всюду, где действует Дух Божий. Предполагают, что освящение — какой-то таинственный процесс, известный только посвященным. Тысячи людей идут каждое воскресенье в церковь в надежде открыть эту тайну. На духовных собраниях, на церковных беседах они нередко считали, что близки к ее разрешению, и каждый раз напрасно. Часто, сидя над духовными книгами, им казалось, что вот-вот, не в этой, так в следующей главе откроется «вот это»; что следующая страница, следующий абзац сделают для них все ясным, и, подхваченная чудесным потоком, душа их понесется к давно желанной цели. Но все оставалось по-старому. Следующий абзац и следующая страница прочитывались, а тайна оставалась тайной, хотя и с окончанием последней главы они продолжали надеяться. Почему же они ничего не нашли? Потому, что нечего было находить; того, что они искали, просто не было. Когда же, наконец, узнаем мы, что стремиться к святости значит просто стремиться к Христу? Когда, вместо того, чтобы домогаться чего-то мнимого, станем мы искать приближения к вечному Другу? Освящение — в нраве, свойствах, характере, а не в настроениях; божественное должно обнаруживаться в повседневной жизни, а не в мистических восторгах души.

Другие не признают указанного здесь пути к освящению по совершенно противоположной причине. Они не осуждают сравнения религии с дружбой, но считают его слишком мистическим. «Пребывать во Христе», «быть в постоянном общении с Христом» — да это же чистая мистика! А им нужно что-то осязаемое и непосредственное. Это не поэтические души, стремящиеся за пределы разума; это натуры прозаические, которым нужна точная, математическая определенность. А эту задачу, вероятно, нельзя разложить на более простые элементы. Красота дружбы в ее бесконечности. Из жизни нельзя удалить таинственность. Ею полна и семейная жизнь, и любовь, и вера. Зачем же смущаться ее, когда речь идет об отношении человека ко Христу, если она естественна в отношении людей друг к другу?

Может быть, тут помогут простые аналогии из обыденной жизни? Как знаю я Шекспира или Данте? По их словам и мыслям. Многие знают Данте лучше, чем своего отца, потому что Данте больше на них влияет. Он ближе к ним, он реальнее как духовная сила. Есть ли основание думать, что Тот, Кто выше, чем Шекспир или Данте, и тоже жил на земле, оставил великие слова, совершает великие дела, не мог наставлять и вдохновлять людей? Я не говорю, что этим ограничивается Его влияние; оно гораздо больше. Христос не возражал против того, чтобы общение с Ним уподоблялось дружбе, но Сам предложил ее. *«Пребывайте во Мне»* — почти последнее Его слово к миру. И Он до известной степени разрешил грядущее недоумение — не призрачна ли эта связь? — прибавив и практический довод: если пребываете во Мне, и слова Мои в вас пребудут.

Начните с Его слов. Слова вряд ли могут долго оставаться безличными. Сам Христос был Словом, и Слово стало плотью. Пусть и для вас слова Его станут плотью; исполняйте их, живите по ним, и вы неизбежно будете жить во Христе. *«Соблюдающий заповеди мои, любит Меня»*. Повинуйтесь Ему, и вы полюбите Его. Пребывайте в Нем, и вы будете Ему повиноваться. Стремитесь к теснейшему общению с Ним. Живите по Его примеру, в Его Духе, как бы в Его присутствии; трудно себе представить, чтобы мы могли сделать больше. Пусть это будет вашей первой задачей, вашим первым шагом. Если вы не сразу и не всегда будете чувствовать влияние Его жизни на вашу, то следите за проявлениями Его силы во все окружающем. *«Вся земля полна славы Его»*. Христос — свет миру, и много этого свет отражает видимая природа, даже облака. Солнечный свет накапливается в каждом листе, из листа переходит в уголь и таким образом согревает нас в зимнюю пору, когда дни темны, и мы не видим солнца. Христос светит нам в людях, в книгах, в истории, в природе, музыке, искусстве. Ищите Его во всем этом. Кто-то сказал: «Надо бы каждый день смотреть на прекрасную картину, или слушать прекрасную музыку, или читать прекрасную поэму». Истинная опасность мистицизма в том, что мы не даем ему достаточного простора.

Не думайте, что в вас ничего не происходит только потому, что вы не видите, как вы растете, не слышите стука машины. Все великое развивается без шума. Можно видеть, как растет гриб, но нельзя заметить, как растет ребенок. Дарвин говорит нам, что развитие совершается «многочисленными, последовательными

и легкими изменениями». Апостол Павел знал эту истину и, выразив ее гораздо лучше, положил в основу своего изречения. В утешение всем медленно возрастающим душам он сказал, что они растут *«от славы в славу»*. *«Внутренний человек, — говорит он в другом месте, — обновляется со дня на день»*. Всякое совершенное дело создается медленно; всякое развитие — мелкими, легкими, незаметными превращениями. Чем сложнее организм, тем медленнее его рост. Биолог, обозревая длинную лестницу жизни, видит, что низшие формы животных развиваются в один час; более высокие достигают зрелости за день; еще более высокие — за неделю, за месяц; немногим же, стоящим на вершине лестницы, нужны для этого годы. Если ребенок и обезьяна родились в один и тот же день, то обезьяна полностью овладеет своими способностями прежде, чем ребенок выйдет из колыбели. А наша земная жизнь — не более, чем колыбель для вечности. Человек развивается медленнее животного, духовный человек — медленнее человека естественного. Основы для вечной жизни нужно закладывать особенно прочно. Христианин предназначен для вечности; можно ли роптать, что он не достигает полного развития за один день?

Тем не менее, чтобы терпеливо ждать, когда завершится наш рост, нам требуется помощь веры. Вполне простительно, что мы нетерпеливы, когда видим свои недостатки, сознаем свое крайнее несовершенство перед лицом Христа, и горячо желаем скорее уподобиться Ему. Но унывать все-таки не надо; лучше твердо и с надеждой идти вперед. Дух Господень Свое сделает. Нетерпеливо желая немедленного и видимого успеха, можно впасть в искушение — нам захочется испытать какой-нибудь другой, менее духовный путь к освящению, или мы будем слишком часто проверять результаты, вместо того, чтобы всецело сосредоточить внимание на действующей причине. Фотограф знает: если беспрестанно проверять, проявляется ли изображение, то ничего не выйдет. Так и здесь. Да, полезно наблюдать над своей душой, но вредно слишком часто вскрывать ее; и вообще, коль скоро душа предоставлена воздействию божественного света, ничто другое не улучшит, не ускорит ее освящения. Создание нового сердца, обновление духа — дело всемогущества Божьего. Предоставьте это создателю. *«Начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Христова»*.

Конечно, человек, сознающий все значение и серьезность риска, будет и сам стремиться к успеху. В этом мире одно лишь

достойно наших забот — уподобление Христу; в сравнение с этой целью всякая другая пуста, и всякий успех напрасен. Только тот, кто ставит эту цель предметом своих высших желаний, главной задачей своей жизни, может надеяться, что хоть приблизительно ее достигнет. До сих пор могло показаться, что мы должны быть пассивными; теперь я должен доказать, что все зависит от нашей деятельности. Бездеятельное поклонение может быть хорошо для ангелов, а не для людей. Истинная надежда не в благоговейном созерцании, а в живой и серьезной работе; не в сферах воображения, а в реальной, серой действительности совершается истинная жизнь; не в области идеалов, а среди близких, осязаемых вещей освящается человек. Твердая решимость, настойчивость, упорный, тяжелый труд, борьба до последнего издыхания — все, что мы устранили как пустое и ненужное, приобретает теперь все свое значение и налагает на нас вдесятеро большую ответственность. Для чего это нужно? Для того, чтобы возбудить косную душу к деятельности, направлять ее туда, где бы могли действовать на нее духовные силы. Для того, чтобы мы сосредоточили силу воли, и соблюдали в чистоте поверхность душевного зеркала. Только при этих условиях открывается лицо, которое должно взирать на нечестивых. Может быть, вам случалось видеть астронома, который хочет сфотографировать спектр какого-нибудь небесного светила. Войдя с ним под темный свод обсерватории, вы замечаете, что он первым делом зажигает свечу. Для чего? Не для того ли, чтобы видеть звезду? Нет; для того, чтобы при ее свете установить инструмент, с помощью которого можно ее увидеть. Снимок делает сама звезда, хотя и после многих подготовительных действий ученого. Он долго работает при тусклом свете свечи, вдвигая и выдвигая трубы, протирая стекла, устанавливая рефлекторы, словом — долго трудится, пока не установит инструмент. Тогда он задувает свечу и предоставляет звезде одной совершать свое дело над пластинкой. Так и христианин должен ежедневно проводить своей душевный механизм в то положение, которое дает возможность отобразить Бога. Сделав это, он может задуть свечу. Все предварительные свидетельства, все, что содействует вере, все внешние виды поклонения, все вспомогательные средства церкви, всякая молитва и созерцание, всякое напряжение воли менее важны, эти работы при свечке можно на минуту отодвинуть; но, только на минуту. Мудрый опять зажжет свою свечу; мудрее же всех тот, кто никогда ее и не гасит. Как знать? Завтра, а то и раньше, его

бедной, омраченной, загрязненной душе может снова понадобиться, чтобы он поправил фокус или смахнул пыль со стекол, или вытер зеркало, запотевшее от дыхания мира. Звезда тут не виновата. Это единственная неподвижная точка в нашей изменчивой вселенной. А вот *мир беспрестанно движется*, заставляя и душу что ни час менять свою установку. Телескоп передвигается за звездой посредством часового механизма: в духовной жизни — это воля. Когда душа пассивно отражает образ Господень, воля держит зеркало так, чтобы движение мира не отклонило его от падающих на него лучей. «Следовать Христу» и значит держать душу в положении, на котором не сказывается движение земли. Воля и должна сознательно противодействовать мельтешению мира, держать зеркало прямо против Отражаемого, укреплять способности души при всяких превратностях и коловращениях. Таким образом, наше освящение зависит и от Христа, и от нас самих. В теории, как и на практике, оно складывается из действия Божеского и человеческого. Но на практике мудрый скажет: «Это зависит от меня».

В парижской Галерее изящных искусств стоит знаменитая статуя. Она была последним произведением скульптора, который, подобно многим гениям, был очень беден и жил на чердаке, там и работал. Когда статуя была почти совсем готова, вдруг ночью похолодало. Скульптор не мог заснуть в нетопленной комнате, думая о том, что глина еще не высохла, что вода в ее порах замерзнет и за один час разрушит мечту его жизни. Тогда он встал с постели и старательно укутал статую своим одеялом. На следующее утро соседи нашли скульптора мертвым, а статую — невредимой.

Созидающийся в нас образ Христа — единственная цель нашей жизни. Ради нее все другие цели должны отойти на второй план. «Пока не совершится Христос», никакое человеческое дело нельзя считать законченным, никакую религию увенчанной, никакую жизнь — успешной. Началась ли в нас эта великая работа? Когда и как преобразимся мы, станем иными? Время не может изменить нас, не может изменить и смерть. Это возможно только Христу. Облекайтесь во Христа.

7

Раскаяние

*Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра...
И вышел вон, горько заплакал (Лк 22:61, 62).*

Нет человека, который когда-нибудь в своей жизни не согрешил. Со многими падение происходило часто; редко с кем — редко. Чем больше мы всматриваемся в свою жизнь и наблюдаем изо дня в день ее опасное течение, тем больше видится нам, сколько этих падений, и тем чаще простираем мы к Богу покаянную молитву: «Обернись же еще раз, о Господи!»

Мы содрогались, читая рассказ о вине Петра. Много раз мы видели, как заговор сгущался вокруг него и почти неосознанно сопереживали ему, что обнаруживает, насколько его история похожа на то, что иногда случается с нами самими. И мы знали, следуя за мрачными этапами его падения, что по тем же самым истертым ступеням прошли с тех пор ноги каждого человека. Как Петр мог заснуть в саду, когда он должен был бдеть и молиться, могут понять все, кто внимателен к своей внутренней жизни. Недостаток веры, который заставил его следовать за Христом издали¹, вместо того, чтобы оставаться рядом с Учителем, не могут не видеть в себе и лучшие из нас. Ведь все мы слишком хорошо знаем, что такое идти не в ногу со Христом. Не нам спрашивать его, что он делал с этими мирскими людьми, греющимися у костра. И никто, знающий что сердце человеческое лукаво более всего на свете², не станет удивляться, что этот человек, который так долго жил в тесном кругу ближайших учеников Христа, чьим глазам было привычно видеть чудеса, кто принадлежал к немногим избранным свидетелям славы Преображения, — что

¹ Лк 22:54. ² Иер 17:9.

этот человек, когда в его ушах еще звучали самые святые слова из всех, которые слышали люди, когда его сердце еще было согрето воспоминаниями о Трапезе Причастия, — что этот человек повернется спиной к своему Господу и, пока капли священного вина еще не высохли на его губах, отречется от Него. Такие вещи, увы, не кажутся странными тем, кто осознает свою причастность к ужасающей трагедии греха.

Но в жизни Петра есть событие, более великое, чем его грех, и куда менее знаменитое — его раскаяние. Весь мир един с Петром в его грехе, но не весь с ним в его раскаянии. Согрешающий Петр — это один человек, а раскаивающийся Петр — совсем другой; и многие из тех, кто шел с ним вместе по этим истертым ступеням, ведущим к греху, оставили его одного идти по омытому слезами пути покаяния. Подлинный урок жизни Петра — это урок раскаяния. Его падение — урок греха, для которого не нужно учителя, но его раскаяние — великий урок спасения. Раскаяние Петра содержит в себе глубочайшее духовное значение для всех, кто когда-либо повторил открытие Петра — что они согрешили.

Краткий рассказ о том, что последовало после согрешения, можно назвать «типичным путем» раскаяния для христианина. Они содержат в себе материал для анализа самой редкой и трудной благодати в духовном опыте. Эти две простые фразы раскрывают некоторые из самых важных духовных законов. Мы находим здесь четыре выдающихся свойства раскаяния:

1. Оно — *от Бога*. Начало ему дает Бог. Не Петр обернулся, но «Господь обернулся и посмотрел на Петра».

2. Оно — *очень чутко*. Его создал один взгляд. «Господь посмотрел на Петра».

3. Оно — *очень сильно*. Петр «вышел вон, горько заплакал».

4. Оно — *очень одиноко*. Петр вышел — вон, в безмолвную ночь, чтобы остаться наедине со своим грехом и Богом.

Это свойства не только раскаяния, но и всякого прикосновения Бога к душе.

(1) Если взять первое, мы обнаружим, что начало этому удивительному опыту исходило от Бога. Это не Петр обернулся. Господь обернулся и взглянул на Петра. Крик петуха мог бы заставить его очнуться, но он тогда как раз и совершал свой грех. Остановиться и раскаяться — последнее, что может прийти

в голову в такой миг; так что Петр и не думал оборачиваться, но Господь обернулся. Когда Петр готов был смотреть куда угодно, только бы не на Господа, Господь смотрел на Петра. На это редко обращают внимание, но для всякого, кто грешит, исключительно важно, что Господь оборачивается первым.

Различие это говорит о том, что существует два вида сокрушения о грехе. Они различаются по своему происхождению, по своей религиозной ценности и по своему воздействию на нашу жизнь. Наиболее обычный вид — когда человек поступает неправильно и, в обычном смысле слова, сожалеет об этом. Нам всегда становится легче, когда приходит такое сожаление. Кажется, что оно дает какую-то гарантию — мы не расположены сделать это снова и наше лучшее «я» еще достаточно живо, чтобы протестовать против греха, совершенного низшим «я». Мы расцениваем стыд, который следует за поступком, как своего рода компенсацию или искупление ошибки. Этот род сокрушения хорошо известен тем, кто следит за собой и так или иначе борется с грехом. Такого сожаления жаждут все, кто испытывает себя, оно дает облегчение сокрушенному сердцу и сообщает рвение многим покаянным молитвам. Но ошеломляющая правда в том, что здесь нет ничего религиозного. Здесь нет настоящего раскаяния, может не быть даже малой толики подлинного покаяния. Многие именно это считают настоящим раскаянием, но это не истинное сокрушение о грехе, это — уязвленное самолюбие. Мы лишь сожалеем, что оказались слабыми и согрешили. Мы думали, что мы сильные, а когда пришло испытание, мы, к своему разочарованию, провалились. Разочарование мы легко принимаем за раскаяние, но тут нет никакого божественного дара или благодати, такое раскаяние — всего лишь уязвленная гордость, сожаление, что мы не справились, что мы оказались не так хороши, как думали люди и мы сами. Все так, словно Петр повернулся и посмотрел на Петра. Когда Петр оборачивается и смотрит на Петра, он видит, какое это все-таки бедное, слабое создание. И если бы Господь не посмотрел на Петра, он, может быть, плакал бы не менее горько — не о том, что он согрешил перед Богом, но о том, что он, великий апостол, допустил слабость; что он так же слаб, как все остальные.

Мы часто льстим себе, принимая уныние, следующее за нашим поражением в борьбе с грехом, за признак раскаяния и, в каком-то смысле, искупление самого греха; но это уныние (которое Господь нам, несомненно, зачтет) — часто не более чем до-

сада на то, что после всех благих решений и попыток измениться мы снова потерпели неудачу.

Сравним такое раскаяние с покаянной молитвой мытаря. У него не было ни досады, ни уязвленной гордыни. Читая о нем, мы ясно ощущаем, что Господь повернулся и взглянул на мытаря, когда тот взывал: «Боже!.. — словно Бог посмотрел сверху прямо ему в глаза, — ...Боже, милостив буди мне грешному». Распростершись перед Богом, мытарь не заботился о самоуважении, не счел ниже своего достоинства встать перед Богом как обвиняемый и научиться истинному богословию у раскаявшегося преступника.

И мы сразу увидим, что разница между раскаянием мытаря и той, первой, печалью — это разница между Божьим и человеческим. Бог, смотрящий на человека, — это одно, и совсем другое — человек, смотрящий на себя самого. Нет ничего дурного в том, что человек обратится и посмотрит на самого себя, но тут есть опасность. Опасность неверно истолковать то, что он видит и чувствует. То, что он чувствует — это досада, самобичевание скульптора, сделавшего неудачное движение резцом, огорчение художника, неловким прикосновением погубившего труд многих недель. Безотносительно к религии мы ведь чувствуем унижение, когда поступаем неверно. Жизнь, несомненно, — произведение искусства, воспитание характера и души — высочайшее искусство, и было бы весьма странно, если наш разум не возмущался бы из-за неудачи.

Но плохо здесь то, что не возмущается наша душа. Какое-то раскаяние наверняка есть, но в одном случае это раскаяние духовное, в другом — чисто артистическое. И опасность здесь более тонкая, потому что чем возвышенной натура, тем больше в раскаянии чистого артистизма.

И вот наше «я» превращает то, что должно бы быть самым важным жизненным переживанием, в самую искусную его подделку, величайшие возможности исправления — в самое низменное служение гордости. С другой стороны, подлинное переживание — это трогательный урок человеческой беспомощности; оно учит нас, что Бог непременно приходит на помощь человеку в каждый момент его жизни, и что та же рука, которая приносит ему прощение, непременно приведет его на место раскаяния.

Бог, смотрящий в лицо грешнику, вводит христианское начало в человеческую печаль. Павел, создавая христианскую терминологию, сказал о том, что было, да и остается, странным для

всех философий, — о печали ради Бога², которая обладает чудесной способностью давать нам такое раскаяние, о котором мы потом не жалеем. Это та новая и священная печаль, что приходит к грешникам всякий раз, когда Господь оборачивается и смотрит на их жизнь. Именно она добавляет фимиам покаяния к жертве сокрушенного и смиренного сердца. Описывая жизнь блудного сына, апостол Лука указывает нам на великое различие между тем, как он пришел в себя, и тем, как он пришел к отцу. Он «пришел в себя», а затем «пришел к своему отцу». Так и мы всегда в конце концов приходим «в себя». Мы всегда обнаруживаем, как блудный сын, какую жалкую сделку мы заключили, но лишь когда мы придем к нашему Отцу, сделка будет расторгнута и долги прощены.

(2) Теперь мы переходим к чуткости раскаяния. Или, скорее, надо говорить о чуткости кающейся души. Господь обернулся и взглянул на Петра. Нет ничего более чуткого в целом мире, чем человеческая душа, когда она возрождена в своей внутренней тонкой жизни прикосновением божественного. Люди редко могут правильно оценить необычайную красоту и нежность сердца грешника. Мы используем грубые слова, чтобы тронуть его, и грубые, жесткие стимулы, чтобы пробудить его к жизни. И если мы не получаем никакого отклика, мы делаем дубину еще тяжелее, а язык грубее, как будто душа не слишком тонка для того, чтобы реагировать на столь грубое оружие. Бывают какие-то загрубелости в теле, и на них можно воздействовать ударами; есть загрубелость в человеческой природе, и она может реагировать на угрозы; но душа нежна, как дыхание, и сохраняет, несмотря на нищету, жестокость и грех, прекрасную деликатность, которая говорит нам о том, как близка она к Богу, вдохнувшему в нее жизнь. Петр по природе своей был, пожалуй, самым грубым из учеников. Мы представляем его себе, как крепкого загорелого рыбака, сильного и бесстрашного нравом, горячего и несдержанного человека, который мог бушевать и клясться, что, как мы видели, он и делал, — дикаря, который стал бы великим грешником, если бы Бог не сделал его великим святым. Но в его грубой невосделанной груди было прелестное и нежное растение — может быть, самое нежное растение из всех, что Бог выращивал на земле. Он посадил его туда Своею рукою. Своим дыханием Он питал его изо дня в день; и бури в этой груди утихли и умирились от святого цветка, аромат которого стал пробивать-

² 2 Кор 7:10, 11.

ся сквозь грубую жизнь. Иметь душу всегда очищает человека, и нет большей красоты характера, чем та, что приходит не приметным образом из жизни, которую умягчил Христос.

Итак, Бог не стал слать громы и молнии, чтобы Петр услышал Его голос. Бог знал, что хотя Петр своими устами бушевал и клялся, в душе его была мертвая тишина. В то мгновение — мгновение до предела напряженного чувства — даже шепот не был бы достаточно нежным в своем прикосновении к этой необычайно чуткой душе; итак Господь обернулся и *взглянул*. Взгляд — и больше ничего. Но этот взгляд поразил его в сердце так, как не смогла бы и молния, и растворился в его душе.

В одном из псалмов есть странное выражение, которое можно передать и как «мягкость или кротость Божья»⁴. Мы удивляемся порой, когда Бог, такой огромный и такой грозный в своем величии, применяет к нам, столь малым, столь мало насилия. Но это не Его путь. Его путь — быть кротким. Он редко управляет нами — но Он направляет нас; редко принуждает — но ведет нас за собой. Он помнит, что мы — прах. Мы думаем, что дело бы пошло быстрее, если бы Бог пугал нас и заставлял поступать правильно. Но Господу нужна не быстрая работа, а хорошая работа. Ему нужен труд не рабов, а свободных. Бог нежен со всеми нами — изменяя нас и завоевывая снова и снова всего лишь взглядом. Грубость никогда не завоевывает души. Поэтому Бог не подъехал к Петру на колеснице своего всемогущества, чтобы приказать ему раскаяться. Бог не устрашал его карающими молниями. Бог даже не заговорил с ним. Душу Петра приобрел тот единственный взгляд, который на всю жизнь стал для него большим, чем голос или язык.

Здесь содержатся два важных урока — о кротости Бога и кротости души. Первый — такое же божественное чудо, как и другой. Может быть, и сейчас Бог творит что-то с нами не приметным образом, а мы и не знаем об этом. Так таинственно была устроена вся наша жизнь вплоть до сего дня, так деликатны пальцы, формировавшие нашу волю, что нам трудно поверить, что то была рука Божья. Но это Его мягкость, кротость. Бог сделал чутким сердце Петра, и ваше, и мое, именно для того, чтобы оно могло воспринять кротость Его сердца.

Да, мы совершенно превратно понимаем и Бога, и религию, если думаем, что Бог действует с нашими душами жестоко. Если мы спросим себя, что больше всего повлияло на нашу жизнь, мы

⁴ Пс 17:36. В синодальном переводе — «милость».

вспомним о немногих тихих голосах, проповедовавших нам, о веяниях ветра, проходивших через наши души так нежно, что мы едва ли можем сказать, когда в точности они приходили и уходили. Все великие силы мира невидимы и неслышимы. Самая тяжелая из них — гравитация — прошла через века таким бесшумным шагом, что миновали столетия мудрецов, прежде чем ухо стало достаточно чутким, чтобы различить ее поступь. И великие духовные силы, которые побуждают подумать о Боге и правде, которые среди натиска земной жизни заставляют вспомнить, что у нас есть душа, которые напоминают нам о вечности, пока время еще сладко и молодо, — это не столько предупреждения от мертвых, достигающие нашего мира, не угроза грядущего суда и возмездия за нашу жизнь, но еле слышные голоса, которые проникают в нас, как взгляд Христа проник в душу Петра, и обращают чуткое сердце к Богу. Портрет давно умершей матери, эхо детской молитвы, будящее чистые воспоминания, которое донеслось до нас через все годы греха, обрывки забытых евангельских строк — вот вестники, которых посылает Небо, чтобы призвать мир к Богу.

Пусть те, кто ждет, что Христос станет барабанить в их дверь, пока они не впустят Его, вспомнят тихую службу субботнего дня и мягкий шепот евангельского чтения и псалма, вспомнят угрызения совести и глубокое, глубокое сердечное желание быть чистым — все те способы, которыми Христос ищет их. Пусть те, что трудятся для Христа, помнят это. Пусть те, что стараются воздействовать на людей во имя Христа, подумают о Христовых методах воздействия. Пусть те, кто живет в безвестности, чья жизнь естественно связана робостью и сдержанностью, радуются, что в духе христианства есть место для благовестия лица. И пусть те, кто живет в битве, когда более грубое оружие не помогает, вспомнят урок Илии: «Большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра — землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения — огонь; но не в огне Господь. После огня — веяние тихого ветра»⁵.

(3) О третьем мы скажем кратко потому, что эта истина очевидна: из обращения Петра мы узнаем, что духовное переживание сильно. Петр горько заплакал. Эта короткая фраза раз и навсегда разрешает вопрос об эмоциях в религии. Когда Господь обернулся и посмотрел на Петра, и в один живой миг память

⁵ 3 Цар 19:11.

всколыхнула вину тех незабвенных часов, что еще мог сделать Петр, как не горько заплакать? Пусть память и сегодня так же подействует на жизнь любого из нас, пусть глаза вечности извлекут неприкрытую правду из нашего прошлого — и тогда спросим, неужели слово «горько» и впрямь слишком сильно, чтобы выразить мучительное сознание того, что Богу открыты наши грехи. Да, Петру было отчего горько заплакать; а если в нашей религиозной жизни не бывает вовремя горьких слез, то это не потому, что у нас меньше греха, чем у Петра, но потому, что у нас меньше благодати.

Тщетны будут наши попытки успокоить себя тем, что наши грешки малы по сравнению с его грехом. В мире есть такая вещь, как великий грех, но нет такой вещи, как маленький грех. Самый маленький грех — это падение, а падение — это отпадение от Бога, а отпасть от Бога значит упасть с самой великой высоты во вселенной. Огласка греха — ничто по сравнению с его размером. Наше падение на прошлой неделе, или вчера, или сегодня было, возможно, точно так же велико, как падение Петра, Давида, Ноя или Иакова, как многие личные грехи, которые сохранила история для общественного назидания или Библия расставила как сигнальные огни для всего человечества.

В каждом грехе, когда-либо совершенном, нужно горько раскаиваться. Если в твоей вере мало чувства, значит в ней мало самонаблюдения. *Религия без чувства — это религия без рефлексии.* Сядь в тишине и поразмышляй о своей жизни. Подумай, как Бог поступал с тобой с тех самых пор, как ты впервые пролепетал Его имя. Прибавь к этому, как ты обращался с Богом с тех самых пор, как научился грешить. После того, как ты переберешь тайны своего прошлого и забытые грехи пройдут, тесня друг друга, в твоих мыслях, сможешь ли ты удержаться, чтобы сильное чувство не поднялось из твоего сердца и не излилось в слезах? Да, вера без чувства — это вера без рефлексии. И наоборот, человек, который предается серьезному размышлению о путях своей жизни, всегда будет иметь достаточно чувства, чтобы породить религиозное рвение в своей душе.

Только пусть религиозные чувства текут по правильному руслу, пусть они реализуются в действии, а не во взвинченных ощущениях, пусть это будет что-то большее, чем нервное возбуждение или простой себялюбивый страх — и ни одно переживание не очистит душу так, как это. Несомненно, для Петра было очень великое дело, что он горько заплакал, и, несомненно, из горечи

этой ночи раскаяния проистекло много сладости, которая освятила всю его оставшуюся жизнь.

(4) В-четвертых, и наконец, раскаяние — одиноко. Петр вышел вон. Когда Господь обернулся, Он взглянул на *Петра*. Никто другой не заметил тихого взгляда, которым они обменялись. Но этот взгляд сделал свое дело. В одно мгновение он выделил этого человека и отрезал его от всего остального мира. «*Петр вышел вон*». И не было той ночью под небом Божиим человека, такого одинокого, как Петр.

Есть два вида одиночества — одиночество пространственное и одиночество духовное. Рыбак в своей лодке в диком море знает одиночество пространственное. Но это не настоящее одиночество. Мысли его населяют лодку разными формами любви. А у Петра было одиночество духовное. Расстояние, большее, чем широкое море, отделило его от сообщества людей и оставило рыдать одного.

Когда Бог говорит, Он не любит, чтобы чей-то голос, кроме Его собственного, нарушал тишину. Отсюда то место, которое в каждой подлинно религиозной жизни всегда занимало уединение. Оно может быть преувеличенным, но может быть весьма и весьма недостаточным. И вот какой урок важнее всего усвоить, особенно в такие дни, как наши: когда Бог хочет говорить с человеком, Он хочет, чтобы этот человек был один. Бог возвращает семена отшельничества во всех истинно христианских сердцах в достаточной степени, чтобы увидеть, что это достигнуто. «Талант формируется в одиночестве, — говорит немецкий поэт, — характер — среди бурь жизни». Если религиозный характер совершенствуется и укрепляется в битве мира, то не менее верно, что религиозный дар развивается в тихом размышлении и одиноком общении с Богом. Никто не заслуживает такой глубокой жалости, чем те верующие, у которых вся их вера осуществляется публично; и тот, кто не знает, что такое выйти иногда из толпы и остаться одному с Богом, — чужд наиболее божественному опыту, который приходит, чтобы освятить сердце христианина.

Но красоту одиночеству Петра дало то, что он принял Божье время быть одному. Раскаяние Петра было не только сильным и одиноким, — оно было немедленным. Петру не нужно было тогда уходить. Он мог остаться стоять там, где он был, и перебороть все, храбрясь. Бог смотрел на нас, когда мы грешили, но мы не сделали того, что сделал Петр. Он не терял времени между

грехом и раскаянием, а мы портим благодать нашего раскаяния, ожидая, пока грех не станет старым. Мы делаем это намеренно. Нам кажется, что время смягчит безобразие нашего греха и убережет его горечь, и откладываем наше раскаяние до тех пор, пока не решим, что острие греха затупилось. Как будто время, как будто вечность когда-нибудь могли сделать грех менее черным! Грех всегда максимален, и ни одному человеку не удавалось отделаться минимумом раскаяния. Время для раскаяния — это именно то время, когда мы согрешили. Может быть, это время — сейчас. Раскаяние Петра пришло не на смертном одре и не в иной жизни, а немедленно вслед за грехом. Много людей откладывает покаяние до тех пор, пока они ничего уже не могут сделать, да и раскаяние уже ничего не может сделать для них, и не увидят, как Господь оборачивается к ним, пока Он не обернется и не посмотрит на них на Страшном суде. Тогда они действительно выйдут в ночь и заплачут — но эта ночь не будет знать рассвета.

Вот чему учит нас покаяние Петра. Еще одно только слово.

Когда Бог говорит, Он говорит так громко, что все голоса в мире кажутся умолкнувшими. И все же, когда Бог говорит, Он говорит так мягко, что никто не слышит этого шепота, кроме тебя самого. Может быть сегодня, когда богослужение закончилось, Бог обернулся и посмотрел на кого-то из нас, и чья-то душа вышла вон плакать. Никто не заметил, куда упал взгляд Господа, и никто в церкви не знает, что это — *ты*. Ты сидишь на своем обычном месте, но твой дух далеко отсюда, он обращен к какому-то давнему греху, и Бог Сам дает тебе урок — самый горький, но и самый сладкий урок в твоей жизни, урок сердечного покаяния. Не возвращайся в толпу, пока Господь снова не обернется и не взглянет на тебя, как Он взглянул на разбойника на кресте, и ты узришь славу Божью в лице Иисуса.

8

Для меня жизнь — Христос

Флп 1:21; Деян 9:1—18.

Самым примечательным явлением нашего времени представляется мне интерес, который общество проявляет к биографиям так называемых великих людей. Самые популярные книги последнего времени, которые многие читают, а должны бы прочитать все, относятся к жанру биографии; чтобы утолить этот интерес, по крайней мере два-три раза в сезон на рынке должны появляться описанные в мельчайших подробностях жизни людей, которые иначе могли бы остаться никому неизвестными.

Такой жадный интерес к мемуарам, жизнеописаниям и письмам нельзя целиком отнести к естественной человеческой склонности почитать героев. Скорее всего, речь идет о более возвышенном явлении. Этот интерес может означать, что, во-первых, достойная жизнь ценится сама по себе и, во-вторых, что ей стремятся подражать. Если мы и впрямь начинаем ценить величие, под которым здесь подразумевается достойная, истинная жизнь, то это очень обнадеживает. Если же мы перейдем от простого восхищения великими людьми к попыткам жить так, как они, то мы последуем одному из самых благородных порывов нашей души. Поистине, нет более возвышенного влияния извне, чем влияние великих личностей, героев великих книг; и попытки литературы дать нашему поврежденному миру образцы, достойные подражания, нужно приветствовать с благодарностью и уважением.

Однако иногда наши размышления о неотразимой красоте величия иногда затмевает мысль о том, как трудно сохранить величие в подлинной чистоте. Быть может, колодец глубок, струи сверкают на солнце, но кто поручится, что они чисты? Всякий

идеал, который мы выбираем для подражания, рано или поздно обнаружит примесь себялюбия или гордыни, и в конце концов то, чему мы пытались подражать, становится, к нашему удивлению, символом того, чего надо избегать.

И все же есть жизнеописания, чье величие поражает и своей чистотой, а среди них — одно очень знакомое. Его редко относят к этому жанру, хотя оно заключает в себе жизнь и послания, возможно, величайшего из людей, апостола Павла. Как человек, даже вне богословского учения, он заслуживает исследования, как всякий образец успешной и великой жизни. Если судить по его влиянию на историю человечества, никакая другая жизнь не заслуживает большего восхищения своими деяниями или более достойна подражания по своим нравственным достоинствам. Если нас интересует подлинная, достойная и плодотворная жизнь, то в этой столь далекой от нас биографии мы обнаружим нечто более убедительное, чем в биографиях более близких нам по времени людей.

Если же нам нужно найти подходящий девиз для этой жизни, нет ничего лучше той цитаты, которая стала заголовком главы. Краткий отрывок из послания сразу открывает нам весь секрет его жизни. Чтобы правильно определить характер, нужно выяснить идеалы. Павел избавляет нас от гаданий. «Для меня жизнь — Христос», — говорит он. Это — его девиз, главная движущая сила, которой объясняется и природа его успеха, и самый его источник. Он живет ради Христа. «Для меня жизнь — Христос».

С самого начала здесь указан важный жизненный принцип, заключенный в этой биографии. Если мы обратимся к жизнеописаниям великих людей, мы скорее всего не обнаружим таких ключей или они будут слишком сложными; из мучительных поисков мы не вынесем ничего, кроме смутного желания поступать достойнее, но не узнаем, как же это сделать. Мы получим толчок, но не практическое знание, а это скорее губительно. Мы на какой-то миг зажжемся, но ничего не случится, и мы останемся такими же, как и до чтения, только слишком усталыми и ни на что не способными. Потому-то любители биографий после мучительных попыток понять природу величия, обнаруживают, что сами ни на шаг не продвинулись к нему, и даже больше, чем раньше, расположены оставаться в прежнем состоянии.

Павел же ясно объявляет нам главный принцип своей жизни. Это очень высокий принцип, но в нем нет ничего таинственно-

го. Если мы хотим жить, как Павел, мы просто должны жить ради Христа. Обе стороны этого принципа емко выражаются в этих словах: «Для меня жизнь — Христос». Христос — наша жизнь, и наша жизнь должна быть посвящена Христу. Так как это — ключ к жизни Павла, возникает закономерный вопрос: что же именно Павел имел в виду, как он к этому пришел? Но вопрос «В чем смысл жизни?» так тесно связан с тем, каким образом Павел обрел этот смысл, что ответ на один вопрос сразу объяснит и проиллюстрирует другой.

Поэтому обратимся к самой его жизни. Великие принципы лучше и нагляднее всего познаются из реальности, а так уж случилось, что в жизни Павла было обстоятельство, которое необычайно способствует такому подходу.

Дело в том, что у Павла было две жизни. Это случалось и с другими, но у него грань между первой и второй жизнью очерчена четче, чем у прочих. Жизни эти, насколько нам известно, приблизительно равны по длительности, но столь различны в своих основных чертах, что он и называл их по-разному. Обратимся к первой из них — вы вскоре поймете, почему.

Первая жизнь Павла, как мы знаем, была благоприятной, и стоит еще раз об этом напомнить. Семья его принадлежала к самой избранной религиозной школе того времени, и в сыне видели надежду родителей, будущий столп веры. Еще почти мальчиком его отправили в Иерусалим и отдали в самое знаменитое училище. Он блестяще учился, провел много лет у ног самых известных учителей, которыми могла похвастаться столица Иудеи, вышел в мир в полном расцвете своих талантов и сразу же был вовлечен в достаточно бурную политическую жизнь. Невозможно себе представить, чтобы личность, полная и юношеского энтузиазма, и фарисейской гордыни, удовлетворилась бы скромным положением учителя. Павел обратил внимание на рост и весомость христианской общины. Здесь, в борьбе с ней, он смог бы проявить во всей полноте свои способности, найти себе достойное поприще, а там — и прославиться. В то время он, несомненно, считал свою первую жизнь весьма успешной.

По-видимому, он отдался преследованию со всем пылом инквизитора. Заметная роль в убийстве первого мученика сделала его одним из вождей и позволила ему почувствовать искус популярности, что, не вмешайся вовремя рука Господа, могло привести к трагическим последствиям для нарождающейся с таким трудом христианской церкви. Успехи преследователя ее призна-

ны всеми авторитетами страны; судьба его решена. Ни у одного из раввинов нет лучших перспектив, чем у Савла. «Вот человек, который появился в самую нужную минуту», — говорил весь Иерусалим, и с этого времени иудейский мир был у его ног. Почитаемый, осененный успехами, Савл не упускал возможности увеличить свое влияние и власть. Он восходил по ступеням славы, и можно легко представить себе, как сказал один из выдающихся исследователей его жизни, какой гордостью переполнялось его сердце, когда он читал на ночь слова из Книги Премудрости Соломона: «Я буду иметь славу в народе и честь перед старейшими, будучи юношею; окажусь пронизательным в суде, и в глазах сильных заслужу удивление. Когда я буду молчать, они будут ожидать, когда я начну говорить, и когда продлю беседу, положат руку на уста своя». Таким был человек, который позже сказал: «Для меня жизнь — Христос».

На малую иерусалимскую церковь он уже полностью излил свою месть. И город, и окрестности почти полностью очистили от этой заразы; но тут случилось непредвиденное бедствие: на вершине славы Савл обнаружил, что ему нечем больше заниматься. Рассеянные по свету, немногочисленные последователи новой веры тайно странствовали по Иудее и Самарии, по Сирии и Финикии, заходили в чужие города. Савл уже не находил у Иерусалима новых жертв, а значит — и не мог еще больше прославить свое имя.

Гонясь за славой, человек не может остановиться. Карьера молодого законника не могла завершиться так бесславно. Снедаемый честолюбием и гордыней, он пришел к мысли перевернуть речение распятого Учителя ненавистной секты и отправиться по миру с тем, чтобы изгнать из сердца Благовую весть. Савл обращается к первосвященнику, чтобы получить соответствующие полномочия. Дыша угрозами и убийством, человек, который вскоре будет жить ради Христа, отправляется в свой антихристианский поход, чтобы раз навсегда разрушить Церковь.

Это последнее событие первой жизни. Постараемся его запомнить. Мы сейчас на мосту, который разделяет обе жизни. Переход обозначен так: до сих пор его жизнь проходила на людях и представляла собой один сплошной вихрь преследований и рукоплесканий. Но как только ворота Иерусалима закрылись за его спиной, Савл задумался. Голоса, возносящие хвалы, затихли один за другим. Он углубился в необозримую пустыню. Тишина вокруг оказалась умиротворяла, и душа наконец успокоилась.

Давно у него не было возможности подумать, а Савл был слишком незаурядным человеком, чтобы долго жить, не размышляя. Вот и пришло, наконец, время задуматься. Пока он шел с небольшим отрядом вдоль Иордана и преодолевал тихие холмы Самарии, мысли его обращались к недавним событиям. Как мы говорили выше, он был слишком незауряден, чтобы жить, не размышляя; по той же причине прошлая жизнь не могла принести ему удовлетворения, когда он о ней задумался. Каждый новый день уносил все дальше в прошлое сцены его триумфа, что позволяло взглянуть на них с некоторого расстояния, а это всегда создает правильную перспективу человеческой жизни; и разум его, должно быть, терзали мрачные мысли. Когда он ложился ночью под молчаливым небом пустыни, он, возможно, правильно оценивал ту жизнь, которой отдал свои таланты и свою молодость. Обладая живым воображением, изощренным интеллектом и проницательностью, он не мог не видеть, что, в конце концов, жизнь его была ошибкой. Умы меньшего масштаба в том мире, который он покинул, говорили ему, что он велик. Теперь, в тишине и одиночестве, он понимал, что это не величие. Небеса, простиравшиеся над ним, наводили на мысль о бесконечности; звезды и тишина напоминали о Боге. Он чувствовал, что жизнь его ничтожно мала. Мысли Савла были значительнее его жизни. Должно быть, ему открылось, что он жил недостойно, тратил впустую драгоценные годы молодости, продал свою жизнь за почести и таланты, данные ему Богом, обменял на известность. Он находился в каком-то ослеплении, вот в чем дело, и теперь ему нечего было предъявить для оправдания своей жизни; по здравом размышлении в ней нечего одобрить. Все, что он делал, он делал для себя. Он, Савл из Тарса, снискавший славу мира сего, был единственным центром этой жизни. Может быть, он воскликнул в отчаянии: «В конце концов, для меня жизнь — Савл. Для меня жизнь — Савл...»

Первым великим открытием было именно то, которое предшествует всякому жизненному перевороту: он открыл себя самого. Когда он сказал: «Для меня жизнь — это я», началось его обращение. Человеку таких масштабов отступить было некуда. Он был слишком велик для того, чтобы его жизнь имела столь незначительный центр, или, скорее, он считал, что жизнь слишком значительна, чтобы быть сосредоточена даже на *такой* личности.

Следующий миг этого преобразования не так легко обнаружить, а он гораздо важнее. Первым достижением на этом пути

было открыть себя; дальше нужно открыть того, кто выше. Он хотел найти новый центр своей жизни, но где его искать? Незримая рука, изобразившая его подлинный облик на темном фоне размышлений, рисовала и других известных ему людей. Иерусалимские первосвященники, члены Синагогии, его собственный отец в Тарсе — они жили так же, как он, они были ничуть не лучше, — а то и хуже него. Неужели надо сосредоточить жизнь все на том же? Разве во всем мире нет ничего лучше, чем он?

Может быть, это наши домыслы, но они не так далеки от истины; а полагаем мы, что во время этого путешествия его мысли, занятые мучительными поисками, уже подверглись некоторому влиянию его следующей жизни, к которой страстно стремились. Хорошо известны те путешествия Павла, которые он совершил как миссионер, и мы обычно представляем, как он ездит по Малой Азии, Италии и Греции. Но на этот раз его путь пролегает по Святой земле. Он уже вступил в ту страну, где жил Христос, он идет по тем же дорогам, где ходил Спаситель. В селениях, которые он проходит, еще жива память о том, что Тот сказал и сделал — и это совсем не то, что Савл слышал раньше. Ему повторяют слова, полные доброты, и рассказывают о делах милосердия. Крестьяне, встреченные по дороге, и пастухи с ближайших холмов могут много рассказать о самоотверженной жизни, которая проходила в этих местах на год или на два раньше, а теперь сюда не вернется. Матери, стоящие в дверях своих хижин, помнят Незнакомца, который допускал их детям приходиться к Нему, и просят детей повторить для Савла те благословения, которые Он им давал. Может быть, когда путник проходил Самарию, он встретил женщину у колодца, которая рассказала ему в тысячный раз необычную историю об усталом Человеке, который сел здесь однажды и сказал, что Он — тот самый Христос. И Галилея, и Капернаум, и Вифсаида, и Геннисаретская земля полны воспоминаний о той единственной истинной жизни, которая, несомненно, уже начала оказывать на Савла свое священное влияние. Во всяком случае, кажется, что ум его каким-то образом готов к дороге в Дамаск, словно этот разговор с Иисусом — не первая их встреча, а естественное продолжение каких-то предшествующих событий. Нет сомнения, что Святой Дух неощутимым образом сообщался с его разумом на протяжении всего путешествия, подготавливая мысли к откровению и готовя его к страстной силе памятного вопроса, интонацию которого ни с чем не сравнить: «Что ты гонишь Меня?»

Мы не знаем, что произошло при этой встрече сердец. Мы не знаем, насколько глубоко было раскаяние и каким образом искупительная благодать сошла с неба в эту душу. Не знаем мы и того, когда он принял наш догмат обращения, хотя любим наблюдать это и описывать в определенных терминах. Зато мы знаем, что его жизнь резко изменилась. Поменялся самый ее центр. В миг этого обращения, который для нас так и останется скрытым, совершилось великое замещение — Павел сознательно удалил прежний центр из своей жизни и поместил на его место другой. Было: «для меня жизнь — Савл»; стало: «для меня жизнь — Христос».

Конечно, когда у Павла поменялся центр жизни, ему пришлось пересмотреть ее целиком и выстроить совершенно другой жизненный план. Такая перемена в жизни не может быть просто эпизодом. Это переворот, и самый радикальный. Ни у кого другого не было жизни, настолько подчиненной антихристианским мыслям и побуждениям, и никто другой столь резко их не отверг. Еще никогда не было такого полного отказа от блестящих жизненных перспектив и такого внезапного перехода от ослепительного величия к смиренному и непонятному уничтожению.

Пусть те, для кого обращение — что-то невнятное, происходящее скорее всего в области чувств, не замечают, если хотят, истинного изменения. Но пусть они все же спросят себя, менялся кто-нибудь так резко, как изменился Павел, когда он отказался от себя, буквально отказался и подчинил все и навсегда единственному величайшему чувству — «жить для Христа».

Этапы достижения этой высшей точки теперь очевидны для нас. Сперва он открыл себя, а потом — Христа. Вся жизнь его исчерпывается этими двумя открытиями. Ни один человек не достигнет подлинной жизни, пока их не сделает. Многие из тех, кто открывает себя, не открыл еще Христа; а те, кто не имеет в себе Сына, не имеют и жизни. Они существуют, с ними что-то случается, но это еще не жизнь. Условие жизни — жизнь ради Христа. «Тот, кто имеет (в себе) Сына», и только тот «имеет и жизнь вечную».

(1) Павел особо заботится о том, чтобы мы полностью поняли, насколько отличаются те две жизни, которые может иметь человек. По его мнению, первая из них, обычная человеческая жизнь, представляет собой заблуждение. Он говорит нам: «Что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою». Блестящая карьера была для него гибельна; миссия, столь важ-

ная и благородная когда-то, оказалась пустой тратой сил и времени. Но на этом он не останавливается: его жизнь была на самом деле смертью. Это был эгоизм в чистом виде; это был лишь телесный ум, и ничего больше, а обладание только им означает смерть. Мы лучше поймем богословие его посланий, если будем думать о том, что автор спасся от смерти. Помня об этом ужасном состоянии, мы поистине осознаем значение слов о том, что жизнь для него — Христос.

И еще одно обстоятельство станет для нас очевидным. Новый Завет постоянно призывает к новому рождению. Это понятнее, если рассматривать его на примере такой жизни, как у Павла. Послания написал не Савл, а совсем другой человек, который жил в совершенно другом мире. Савлу пришлось родиться заново прежде, чем он мог бы это совершить. Так напишет только тот, у кого уже другие интересы, другая точка зрения, другие средства, новые друзья. Все, что имел он раньше, исчезло. Словом, он стал новой тварью. Грязный пруд со стоячей водой нашел, наконец, выход в необозримое, чистое море; дух, истомившийся в тесной тюрьме, уставший от притязаний, конечной целью которых был он сам, вырвался на свободу и нашел достойное поприще в великом деле Христовом.

Люди, для которых особенно важно это перерождение, — совсем не те, о которых обычно думают. Действительно сложный случай — и больше для себя, чем для окружающих — это человек, не понимающий, что его жизнь могла бы стать намного лучше. Тысячи людей даже не представляют себе, что дало бы им обращение. И больше всего им мешает такая мысль: «Что же, в конце концов, нам менять? Мы живем примерно так же, как другие христиане. Были бы мы неверующими, или язычниками, или непокорными, или безнравственными, нам бы понадобилось обращение; но мы люди воспитанные, верующие и вообще порядочные. Нет, правда, что тут может изменить обращение?» Таким людям редко сочувствуют, а они больше всех в этом нуждаются. Религиозные деятели и религиозные книги обычно суровы к «традиционно религиозным», о них говорят жестокие и незаслуженные слова, пока они сами не начинают думать, что их добродетель в чем-то преступна. Но у некоторых из них есть тайные метания, есть тоска по Богу, которые в таком чистом виде редко увидишь за пределами стада Христова. А кое-кто еще и осознает, как трудно измениться в столь близких к христианским условиям жизни; и страдают столь остро, что доходят по-

рой до отчаянья, почти завидуя расточителю или блуднику, которым, кажется, легче найти дорогу в Царство.

Перемена в жизни Павла — это как раз то, что им нужно. Сам Павел был одним из тех, кто не понимал, зачем нужно обращаться. Он тоже был воспитан в религиозном духе и безупречен во всем, что касается закона. В Иерусалиме не было человека, кто бы точнее исполнял религиозные требования; никто чаще не бывал в храме и не соблюдал субботу скрупулезнее, чем он. Именно о таких людях можно сказать, что они никогда не изменятся, поскольку слишком добродетельны, чтобы меняться. Но вот такой человек нашел в своем глубоко религиозном сердце возможность для самого радикального переворота, который когда-либо совершался.

Пусть же те, кто действительно не знает, что для них может сделать вера, задумаются немного о том, что было с Павлом. Пусть они взглянут еще раз не на периферию, а на самый центр своей жизни. Пусть зададут только один вопрос: «Что у меня в центре?» Для веры нет среднего пути — либо в центре ты сам, либо Христос.

Качество эгоизма — интеллектуальный он, художественный, литературный или вообще «высокого уровня» — ни в коей мере не отменяет этого важнейшего противопоставления. Линия раздела лежит между любым «я» и Христом. Уж если на то пошло, ни у кого не могло быть в этом центре более высокой дисциплины и культуры, чем у Павла. Он был благороден и достоин, но на протяжении всей первой половины жизни направление его было ложным. Это означает, что проблема центра исключительно важна. «Что для меня жизнь?» — «Я сам!» Что же это за цель? Наша жизнь, наша единственная жизнь, которая дается навечно, достойна гораздо более возвышенного центра. Ее можно прожить и с великой целью, и с низменной — и это величие, эта низменность пребудут вечно! Подумайте только, что вам придется жить вечно с самим собой. Подумайте о том, что вы жили, живете и будете жить только ради себя. И задумайтесь о Боге, который столько страдал от грешников, лишил Себя доброго имени, отказался от внешней благопристойности и благообразия, который унизил Себя, опустошил Себя *ради нас*. А затем, если сможете, взгляните с благодушием на такую жизнь и:

Жил я для себя, думал о себе,
Только о себе, больше ни о ком,
Словно бы Христос и не приходил,
Словно бы Христос и не умирал.

(2) Все эти рассуждения естественно подводят нас к следующему шагу — открытию Христа. И здесь мы снова получаем большую поддержку, исследуя жизнь Павла. Она не только дает нам надежду, но и приводит нас к очень важному размышлению. Мы все так или иначе уже подошли к открытию Христа, мы знаем о нем больше, чем знал Павел, когда обратился в христианство. Да, ставя Христа в центр своей жизни, он знал о нем меньше, чем большинство из нас. Как удивительно! Мы слышим о Христе с самого детства; события Его жизни нам знакомы, как наши собственные; мы не испытывали к Нему той ненависти, какая была некогда у Павла. Несколько дней покоя в Святой земле, которые Павел провел накануне своего обращения, были для него подготовкой к этому перелому, но у нас этих дней было больше, вся наша прежняя жизнь! Мы называем обращение Павла внезапным, но мы не знаем, насколько внезапным оно было. А вот если бы наша жизнь переменялась сегодня, это бы внезапным не было. Все наше прошлое подводит нас к этим двум открытиям. Наша подготовка к обретению нового центра более чем достаточна. Перемена могла бы произойти прямо сейчас. Наша ответственность проистекает из столь непосредственной близости к вечной жизни.

Естественно возникает простой вопрос о выборе. Что для меня жизнь — я сам или Христос? Жизнь ради Христа — это не просто возвышенное учение, которое включает в себя и утверждение: «Христос — наша жизнь». Гораздо важнее то, что наша жизнь *посвящена* Христу.

Так посвящена ли? «Для меня жизнь — Христос». Сопоставьте это с другими жизненными приоритетами; возьмите все, что мы знаем из жизнеописаний выдающихся людей и сравните это с жизненным кредо Павла: «Для меня жизнь — Христос». Что получится?

«Для меня жизнь — мой бизнес»; «для меня жизнь — удовольствие»; «для меня жизнь — я сам». Мы все можем мигом определить, чего стоит наша вера. Для меня жизнь — что? Для чего я живу? Что отзывается в моем сердце, когда я задаю такой вопрос? Для испытания совести лучше всего сказать то, что первым приходит на ум. Что же пришло первым? Какое слово затрепетало у нас на устах — не бизнес ли, или деньги, или я сам? Когда-нибудь мы спросим себя, почему мы подчинили вечную сущность нашей жизни таким незначительным вещам и сосредоточили то, что должно жить вечно, на том, что тленно. Если взять

перспективой вечность, то любая жизнь, не посвященная Христу, покажется убогой, незначительной, потерянной, погубленной по своей воле. В вечности многие соберутся вокруг распятия. Но кто стоит там сейчас? Кто встанет в эту минуту? Много людей готово умереть за Христа, и многие окажутся с Ним в вечности; но где человек, который хочет *жить* ради Христа? Смерть и вечность наступят в свое время. Христу нужны *жизни*. Смерть, несомненно, будет наградой, если мы жили ради Христа. Поэтому скажем: «Для меня жизнь — Христос».

Есть только одна возможность открыть Христа — та, которую выбрал Павел. Мы уже в некоторой степени сделали это открытие. Мы можем быть столь же близки к Нему сейчас, как был Павел, когда он покидал Иерусалим. Он еще не знал, что у него появится другой господин. Христос просто встретил его на дороге, и в одно мгновение произошла эта великая перемена. А сколько раз Он вставал на нашем пути? Мы знаем, что нам делать, когда это произойдет в следующий раз. Мы знаем, как сделать нашу жизнь достойной и значительной — есть только один способ. Мы знаем, как смерть может стать наградой — есть только один путь. Многие говорят нам, что смерть должна быть наградой. Многие жаждут конца жизни, чтобы, как они говорят, отдохнуть в тиши могилы. Пусть же дешевая сентиментальность не обманет нас. Смерть может быть наградой только тогда, когда жизнь была Христом.

9

Искушение, новое естество и что такое — прийти ко Христу

Выступления перед студентами Эдинбургского университета. Тексты этих выступлений отредактированы и опубликованы первым биографом Драммонда Джорджем Адамом Смитом на основе первоначальных записей самого Драммонда и отчетов об этих выступлениях, появившихся в то время.

Искушение

«Господа, сегодня я должен просить о прощения у тех, кто интересуется вопросами чисто интеллектуального свойства, если буду обращаться к людям, находящимся в сложной нравственной ситуации. Из писем, которые я получил на этой неделе от сидящих в этом зале, я узнал, что многие в отчаянном положении, и я обращусь к их проблемам в первую очередь.

Я хочу сказать несколько слов о проблеме искушения с эволюционной точки зрения и начну с того, что попробую вселить проблеск надежды в сердце человека, который слушает меня сейчас в крайнем отчаянии, поскольку это мой первый братский долг перед ним. Он пишет, что на протяжении многих лет его лучшие намерения оканчивались крахом, а молитвы казались неслышанными, так что все его надежды на будущее похоронены в борьбе за жизнь.

Как рассказывают, герцог Веллингтон, в чужой стране пытался вывести своих солдат в безопасное место. Достичь этого места им мешала глубокая и быстрая река. Не было видно ни моста, ни брода, а страна была вражеская. Герцог послал солдат вверх и вниз по течению на поиски переправы, но они ничего не на-

шли. Тогда он поднялся на вершину ближайшего холма и начал осматривать местность в подзорную трубу. Вдали он разглядел город на берегу реки, а на противоположном берегу — беспорядочно раскинувшуюся деревню. Он сказал: “Между городом и деревней должна быть переправа”. Ночью он послал своих солдат на разведку, и, вернувшись, они сообщили: “Там есть брод”. Под покровом темноты он перевел свою армию, и на следующий день они уже были в безопасности. Господа, многие бывали в таком же опасном положении, что и вы, даже более опасном, и нашли брод. Итак, я могу сказать этому человеку и всем вам — не отчаивайтесь!

Когда вы в отчаянии, вы ничего не можете сделать. Самое главное в любой ситуации — это верить в *возможность*. Для верующих — как вы помните — возможно все.

Сейчас здесь, возможно, есть люди, присутствовавшие на первых встречах, состоявшихся несколько лет тому назад, и они, может быть, помнят, как я читал письмо, которое некоторые слушатели называли “Письмо из ада”. Это была ужасающая исповедь истерзанной, падшей, потерянной души. Письмо было анонимным и подписано “Thanatos”¹. Прошли годы, но я не забыл того человека. Я считал его безнадежно, безвозвратно потерянным. Мне он казался погибшим интеллектуально, физически, нравственно — и погибшим окончательно. Сейчас у меня в кармане письмо от “Thanatos”а, которое он прислал мне на этой неделе, и в нем он сообщает, что теперь он другой человек, новое создание во Иисусе Христе. По его словам, новая жизнь вытеснила прежнюю, и теперь он занимает ответственное и важное положение».

Далее в своем выступлении Драммонд обращается к «рассмотрению самого понятия «искушение» с эволюционной точки зрения». «Искушение состоит в том, что один человек, ветхий, обольщает другого, нового; это *противостояние* плоти и духа... Искушение — не грех; более того, оно играет важную роль. *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения*². Оно дает возможность добродетели; оно стимулирует обращение к более высокой и благородной жизни; на нем человек проверяет свои человеческие качества... Теперь перейдем к практическим вещам. Сегодня я спросил одного из ваших преподавателей: “Что вы советуете, чтобы преодолеть искушение?” Он ответил: “Я говорю, что самый лучший способ —

¹ Смерть (прим. авт.). ² Иак 1:2.

не обращать на него внимания”. Вы слышите, господи? “Не обращать внимания”. Он вовсе не имел в виду: “Не думайте о нем или не считайте его чем-то, достойным внимания”. Его следует игнорировать. *Почитайте себя мертвыми для греха...*³ Будьте к нему беспощадны, и в тот же самый миг вы получите поддержку природных сил, на вашей стороне окажется самый удивительный из законов природы — вырождение, эта великая сила, которая удаляет все, что не используется, великий отсекающий ненужного, мусорщик. Однако некоторое время искушение будет вас тревожить. Оно попытается привлечь ваше внимание, хотя бы в последний раз. У него есть и способность впасть на время в спячку. Вот что я вам скажу, доверьтесь природе, доверьтесь Богу, а остальную работу сделает закон вырождения.

Это способ негативный, а теперь я обращусь к позитивному и хотел бы выразить его цитатой из Писания: «*поступайте по духу*»⁴. Расширяйте и обогащайте высшую жизнь, всеми возможными способами, вам доступными. Музыка, искусства, литература, поэзия, религия — все они способствуют развитию человека. Я бы упомянул еще один путь, который для вас первостепенен — это работа, хорошая всепоглощающая работа; ничто так не ограждает от бесовских нападений... Но должен добавить, что не следует работать чрезмерно. Именно с точки зрения физиологии и ее взаимосвязи с соблазном не работайте до изнеможения».

Далее идут полезные советы относительно питания и физических упражнений, некоторые из которых взяты из книги «Душевные болезни» (стр. 490) доктора Клоустона, читавшего соответствующий курс в Эдинбургском университете, а потом излагается красивая притча. Выступление заканчивается следующим образом:

«Мне осталось добавить еще несколько слов. Во-первых, действуйте со всем тщанием. В тысячу раз легче жить целиком ради Христа, чем только наполовину. Не будьте амфибиями, существующими наполовину в одном мире, а наполовину — в другом. Будьте людьми, в полном смысле этого слова, людьми во Иисусе Христе. Придите к Нему сейчас и целиком. И еще одно: каждый человек сможет только тогда одержать победу внутри себя, когда он не забудет о ближних. На этой неделе я разговаривал с человеком, у которого возникли именно такие трудности. Я спросил его: “Вы когда-нибудь кому-либо помогли?” Он ответил: “Нет”.

³ Рим 6:11. ⁴ Гал 5:16 и др.

Тогда я сказал: «Попробуйте прямо сейчас. Неважно, как и когда вы это сделаете. Просто помогите. Идите и помогите кому-нибудь»».

Новое естество

«Я полагаю, господа, что вернусь как раз к тому, на чем мы остановились в прошлый раз, если расскажу вам историю об индийском чиновнике.

Один индийский чиновник жил в на вершине холма. Как-то вся местность была затоплена наводнением. Всюду была вода, и только маленький островок суши оставался сухим — вершина холма, где стоял домик чиновника. И там собралась пестрая толпа местных жителей, а также дикие звери, насекомые и птицы, которые искали безопасного места. Спустя некоторое время собравшиеся в ужасе увидели, что огромный бенгальский тигр плывет к их островку. Он подплыл к нему, выбрался на берег и тихо лег у самой воды, все еще во власти страха. Он лежал как собака, не зная, что делать. Что сделало тигра таким смирным? Что заставило его забыть о своей природной свирепости? Вытесняющая сила новой эмоции, страха. Свирепость и дикий нрав исчезли, и он лежал совершенно неподвижно, потому что был напуган. Но чиновник знал, что вскоре страх отступит, свирепость вернется, поэтому он взял ружье и подошел вплотную к тигру, вставил дуло ему прямо в ухо и *выстрелил*. Огромное животное было *убито* на месте. Вы можете сказать, что это жестоко. Да, но и разумно. Я вам это рассказываю, чтобы объяснить очень важную вещь. Эта история показывает и силу новой эмоции, и ее непостоянство. Чем бы вы и я не пожертвовали, чтобы убить тигра внутри нас? Некоторые из присутствующих здесь убивают его уже пять недель. Прошу вас, *выстрелите* и убейте его *наповал*.

В прошлое воскресенье мы пытались понять, как обращаться с этим зверем. Сегодня я хочу показать, если смогу, что следует предпринять для развития нового естества, когда мы прекращаем жить животной жизнью согласно нашей собственной природе. Мне вряд ли стоит говорить вам, что новое естество, новая жизнь могут улечиваться и исчезать точно так же, как улечивается эмоция. Если бы чиновник мог держать тигра в страхе, незачем было бы стрелять. Тигр был бы *приручен*. Секрет укро-

щения животных — в запугивании и подчинении их изначальных инстинктов. Если бы вы и я могли удержать наше новое естество, мы бы могли на этом закончить нашу встречу. Но жить по-новому и не возвращаться к прежнему, животному — вот огромная проблема религиозной жизни. Как перейти к новой жизни так, чтобы не отступать от нее до самого конца, а не только на короткое, чтобы быть готовым к той жизненной борьбе, которая нам предстоит?

Как испытывают корабль? Неужели в открытом море, в центре циклона? Нет: корабль испытывают, когда мачты еще не установлены и не вставлены последние заклепки. Его сначала испытывают, а потом он выходит в открытое море. Вскоре, господа, вы тоже окажетесь в открытом море, и я должен вас спросить: устойчива ли ваша постройка? Установлен ли руль? Если все это тщательно не проверено, ваш корабль не выплывет в мире искушений.

Вопрос эволюции, как вы знаете, включает в себя два фактора: (1) Природа организма; (2) Природа окружающей среды. Мы уже кое-что знаем о том, что означает процесс эволюции. Есть две составляющих: одна, — животное, другая — дух. Это вполне правильная классификация, но, для большей точности, духовную составляющую попробуем разделить на части. Ведь люди не только должны быть выше животной природы: между ними и нею — то долгое время, когда жили наши предки, прививая нашей природе некую силу. Мы должны иметь дело и с тем, и с другим. Многие из вас не испытывают искушений по плоти, но вас неизбежно тревожат «искушения от характера», поэтому я разделяю искушения на две группы — животные и дикарские.

Как избавиться от этого дикаря? Мы уже знаем, как эволюция увела нас от зверя. Мы знаем, что мы должны считать себя *умершими*, то есть наша животная природа должна быть мертва. Эта стадия позади, мы продолжаем наше развитие. Но что же делать с дикарем?

В предрасположенности характера участвуют и организм, и окружающая среда. Нет ни одного организма, который был бы самодостаточным и способным выжить самостоятельно. Ничто не может обойтись только самим собой. Необходима помощь окружения — и человек, из всех созданий — наиболее чувствителен к окружению... Бог создал необходимые условия для всех остальных составляющих человеческого естества... Невозможно

представить, что Он не создал ничего для самой высшей из них. Что же Он создал? Какова окружающая среда души? Он сделал самое естественное что можно вообразить. Вы хотите жить жизнью духа? Значит, вы хотите быть Человеком. Мы хотим быть выше дикаря, а не ниже. Дикаря отличают эгоизм, любовь к похвалам, жестокость; это его главные черты. Внутри нас живет тот же самый дикарь. Мы унаследовали его от наших предков, и ни один из нас от него не свободен. Вне нас мы должны найти более возвышенный разум и характер. И вот, Бог сделал так, что перед нами был поставлен абсолютно Совершенный Человек, вместе с Которым мы и будем подниматься, так как мы с Ним связаны. Он должен стать нашим окружением, и мы постепенно будем меняться, пока не станем Его подобием. Может ли человек родиться вновь, когда он стар? Уверю вас, это не столь легко, как в молодости. Но все же это возможно, и новое рождение представляет собой перемену в природе человека, так как он находится в контакте с совершенным духом и совершенной природой Христа. В моих словах нет религиозной подмены или лицемерия. Совершенно естественно, что человеческая природа может измениться под влиянием духа и природы другого человека. Бог послал Ньютона учить физике, Кеплера — астрономии, Дарвина — биологии. И Бог послал Христа учить человечности. Я не пытаюсь поставить Ньютона или Дарвина вровень с Христом. Я говорю об аналогии, а не об отождествлении. Так как Христос — совершенное воплощение Самого Бога, и в силу этого Он неизмеримо выше Ньютона, Кеплера или Дарвина. Но подобно тому, как эти люди были явлены Богом каждый в свое время, чтобы учить и развивать соответствующие области знаний в меру данных им способностей, так и Христос был явлен, чтобы создать духовную и интеллектуальную среду для духа и природы человека. Если попытаться выразить все одним словом, его природа божественна, но это не отдаляет Его от людей, потому что мы понимаем небывалое значение Его жизни, именно обращаясь к Его человеческой природе. Есть некий принцип, который подтверждается и научно: ничто не может развиваться само по себе. Есть нечто, без чего вам вряд ли удастся расти. *Без Меня ничего не можете делать*⁵. Сочетайтесь с совершенной жизнью Христа и предоставьте остальное природе. Каким же образом это может быть сделано?»

⁵ Ин 15:5.

Далее следует рассуждение о полной и подлинной мужественности Христа и о том, что в истинном христианстве нет приторности, ханжества и изнеженной слабости.

«Найдите друзей Христа. Читайте книги о Нем. Узнайте, как Он говорил, как жил, для чего Он жил, как умер и за что Он умер. Вера приходит через слух, и вы сами почувствуете, как внутри вас загорается непреодолимое стремление... Вы говорите мне: “Расскажите нам поподробнее о Христе”. Я не смогу этого сделать, слишком мало времени. Читайте Ульманна, читайте *Esse Homo*, читайте любую из появившихся в последнее время серьезных биографий Христа. Разве вы не можете потратить полчаса вашей жизни, чтобы познать Совершенного Человека? Отправляйтесь домой и займитесь изучением лучшей из всех жизней, прочтите непревзойденные биографии, написанные простыми честными людьми, авторами Нового Завета. Начните с Евангелия от Матфея, и если вы не будете сражены, прежде чем закончите пятую главу, я буду очень удивлен. Вы не сможете устоять, господа. Вы прочтете несколько стихов и безнадежно полюбите Человека, которым до этого пренебрегали. Постепенно знание превратится в характер, а он, в свою очередь, — в тот самый Образ... Тогда вы прошепчете: “Господь мой и Бог мой”, тогда вы познаете Его божественную природу.

Это не будет внезапной переменой... Вы не найдете эту жизнь во Христе здесь, на этих встречах; не будет внезапного озарения и мгновенного преображения. Вообще говоря, сегодня и завтра не принесут ощутимого изменения, потому что эволюция жизни — постепенный процесс. Но начните прямо сейчас. Родитесь в этот миг и растите подобно Ему, тогда со временем вы преобразитесь в Его подобие, ибо *не придет Царствие Божие приметным образом*⁶».

Что значит прийти ко Христу

«У нас будут еще только две встречи, и я хочу сказать всего лишь несколько слов тем, кто действительно интересуется этими проблемами. Практически это означает, что я прошу тех из вас, кто хочет задержаться на десять минут, не покидать своих мест, пока мы поем гимн. Вас не будут ни о нем спрашивать; вас даже не попросят пересесть поближе. Сидите, где сидели. Все, что мы

⁶ Лк 17:20.

хотим — это новая жизнь, посвящение себя Христу. А остальные, я надеюсь, тихо покинут зал, пока мы будем петь последний стих».

Вышло два десятка человек. «Остаток», восемьсот или девятьсот человек, задержались на десять минут.

«Господа, я сделал вам это предложение, потому что, если не ошибаюсь, в этом зале присутствуют люди, которые серьезно решили жить ради Христа. Другая группа людей, возможно, более многочисленная, еще не вполне уверена, христиане ли они. В том, какое вы принимаете решение, есть определенный смысл. Это не означает, что переход от старой жизни к новой делится на какие-то решающие периоды, но многим последователям Христа и тем, кто еще колеблется, легче, если они проходят определенные этапы призыва или выбора.

Я хотел бы задать один-два вопроса, на которые вы должны ответить в глубине своего сердца.

Почему вы идете к Христу? Чего вы хотите? Есть ли в вас ощущение такой потребности? Хотите ли вы, чтобы все низкое было изглажено навсегда? Если так, то вы попали в нужное место, поскольку Бог прощает грех ради Иисуса Христа.

Есть ли в вас ощущение силы греха, которую ничто вам известное преодолеть не может? Верите ли вы, что Христос сильнее дьявола? Если так, вы опять же пришли в нужное место, ибо это истинно.

Желаете ли вы вести лучшую, более возвышенную, истинную жизнь? Если так, опять вы там, где нужно, потому что только Христос может вам ее дать. Помните, *блаженны алчущие и жаждущие правды*.

Следующий вопрос: осознали ли вы цену? Решили ли вы присоединиться к стаду Христову? Я не прошу вас признавать все, что совершалось во имя религии. Религия общедоступна, и во имя ее совершались такие дела, которые могут вызвать неприятие; но я настаиваю на том, чтобы вы не стыдились причтенности к христианам и присоединились к ним в их работе для мира. Теперь посчитайте цену. Решились ли вы попроситься с миром, плотью и дьяволом? Если да, решили, я должен сказать, что вы вполне подходите для Царства Божия, поскольку из таких оно и состоит. Прибавлю, что вы не только подходящие, но и званые; такова воля Христа. Здесь нет никакой самонадеянности. Вы должны прийти такими, какие вы есть. Сколь малы бы вы ни были и сколь незначительны ни были бы ваши возможности, вы

все это должны принести на службу Господу. Иначе вы не нужны. Он говорит: *приди ко Мне, дай Мне твое сердце*, все без остатка, и *приходящего ко Мне не изгоню вон*⁷. Это призыв новобранцев, личное приглашение. Христос полюбил тебя здесь и сейчас; и здесь и сейчас Он приглашает тебя войти в Его жизнь.

Какие же шаги предпринять? Различны пути, различны способы, ведущие к Нему. В предпоследней главе Откровения нам рассказано, что двенадцать ворот города представляли собой двенадцать жемчужин. Вы можете войти любыми из них, кто-то — одними, кто-то — другими. Не думайте, что вы *должны* войти именно теми воротами, что и ваш друг. Идите своим путем. *Каждые ворота были из одной жемчужины*⁸. Сперддон входит одними, Робертсон из Брайтона другими, а вы — третьими. Идите такими, какие вы есть по своей природе. Вы должны стать рядом со Христом, совсем рядом с Ним. Главное здесь *цель*, а не *акт* веры; та вера, что есть в нас и указывает нам путь — это Сам Христос, протягивающий Свою руку, чтобы помочь нам.

В Новом Завете даны разные представления христианской жизни — путь, борьба или братство (образ Иоанна Богослова). Все это — различные аспекты одного и того же, они включают друг друга...

Сейчас вы находитесь перед Богом. Скажите Ему все. Скажите, что вам нужно. Посвятите свою жизнь и дарования на службу Ему; и, если вы прислушаетесь, вы услышите, как Он говорит: *Приходящего ко Мне не изгоню вон*.

Не могу гарантировать, что звезды будут сиять ярче, когда вы сейчас выйдете на улицу, или, когда вы завтра проснетесь, перед вами откроется новый мир. Зато я могу гарантировать, что *Христос сохранит все, что вы принесете Ему*. Он сдержит Свое обещание, и вы обнаружите нечто реальное и надежное, чему можно довериться и что приведет вас от бумажных свидетельств к Тому, Кто говорит с вами в ваших сердцах.

Господа, Он будет вашим вождем. Он будет вашим проводником. Он будет вашим высшим идеалом. Он попросил у вас вашу жизнь и Он сделает вас, вот таких, как вы есть сейчас, Своими, всецело Своими».

⁷ Ин 6:37. ⁸ Откр 21:21.

Книги Йозефа (Бенедикта XVI) Ратцингера

ДИАЛЕКТИКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

О разуме и религии

В соавторстве с Юргеном Хабермасом

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИЙ И ЕДИНЫЙ ЗАВЕТ

СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ БОГОСЛОВИЯ

Попытки определения в диспуте
современности

ВЕРА — ИСТИНА — ТОЛЕРАНТНОСТЬ

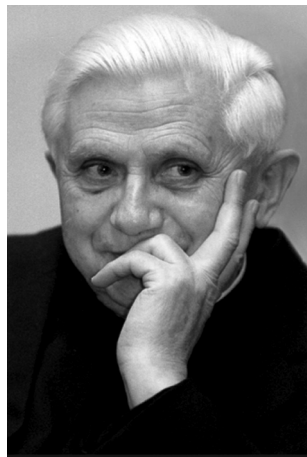
Христианство и мировые религии

ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

О соответствии вызовам времени

ПРИНЦИПЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ

*В соавторстве с Хайнцем Шерманом
и Гансом Урсом фон Бальтазаром*

Йозеф Ратцингер родился в 1927 г., доктор богословия, был профессором догматики и основного богословия в Бонне, Мюнстере, Тюбингене и Регенсбурге, участник II Ватиканского собора; в 1977 г. был возведен в достоинство кардинала; с 1981 г. был префектом Конгрегации вероучения, председателем Папской библейской комиссии и Международной богословской комиссии. С 2002 г. был деканом Коллегии кардиналов. 19 апреля 2005 г. избран преемником Иоанна Павла II и принял имя Бенедикт XVI.

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин.

Сегодня ББИ — это:

- государственная аккредитация по направлению «теология»
- высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории церкви, литургике и социальным дисциплинам
- второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов
- начальное и заочное богословское образование, публичные лекции
- летние богословские институты
- научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты)
- издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал «Страницы» и альманах «Мир Библии»)

Издательская программа ББИ

Периодические издания

СТРАНИЦЫ: богословие, культура, образование.

Ежеквартальный журнал ББИ (издается с 1996 г.)

МИР БИБЛИИ, выпуски 1–10. *Иллюстрированный альманах*

Серия «Современная библеистика»

- ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ. Словарь Нового Завета. Том I.
Под ред. Джоэля Грина, Скотта Макнайта, Говарда Маршалла.
- СЛОВАРЬ НОВОГО ЗАВЕТА. Том II.
Под ред. Ральфа Мартина, Стенли Портера, Дэниэла Рэйда, Джеральда Хавторна, Крейга Эванса.
- ВВЕДЕНИЕ В НОВЫЙ ЗАВЕТ. *Рэймонд Браун.*
- ВВЕДЕНИЕ В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ. *Под ред. Эриха Ценгера.*
- ВВЕДЕНИЕ В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ. Канон и христианское воображение. *Уолтер Брюггеман.*
- НОВЫЙ ЗАВЕТ: ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА.
Писание, предание, герменевтика.
Теодор Стилианопулос.
- ИИСУС И ПОБЕДА БОГА. *Н. Т. Райт.*
- ВОСКРЕСЕНИЕ СЫНА БОЖЬЕГО. *Н. Т. Райт.*
- ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СКАЗАЛ АПОСТОЛ ПАВЕЛ.
Был ли Павел из Тарса основателем христианства?
Н. Т. Райт.
- ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ.
5-е издание. Исследование природы первоначального христианства. *Джеймс Дж. Данн.*
- НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИИСУСА. В поисках исторического Иисуса. *Джеймс Дж. Данн.*
- ТЕКСТОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. *Брюс М. Мецгер.*
- КАНОН НОВОГО ЗАВЕТА. Возникновение, развитие, значение. *Брюс М. Мецгер.*
- РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОГО ЗАВЕТА.
Их источники, передача, ограничения. *Брюс М. Мецгер.*

- ☑ НОВЫЙ ЗАВЕТ. Контекст, формирование, содержание.
Брюс М. Мецгер.
- ☑ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЧЕЙ. *Крейг Бломберг.*
- ☑ ЭТИКА НОВОГО ЗАВЕТА. *Ричард Хейз.*
- ☑ ТЕКСТОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. *Эмануэл Тов.*
- ☑ ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЮ ВЕТХОГО ЗАВЕТА.
Джейкоп Вайнгрин.
- ☑ ПОЭТИКА БИБЛЕЙСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА.
Андрей Десницкий.
- ☑ ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ. Историко-филологический
комментарий. Главы I–VIII. *Ирина Левинская.*
- ☑ БОГОСЛОВИЕ ПОСЛАНИЯ К РИМЛЯНАМ.
Клаус Хаакер.
- ☑ ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН.
Николай Мерперт.
- ☑ ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. *Кеннет Шенк.*

Серия «Современное богословие»

- ☑ ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ. *Карл Барт.*
- ☑ ЦЕРКОВНАЯ ДОГМАТИКА. *Карл Барт.*
Том I. §§ 3, 15, 28, 32, 41/1.
- ☑ МГНОВЕНИЯ. *Карл Барт.*
- ☑ ОПРАВДАНИЕ И ПРАВО. *Карл Барт.*
- ☑ ВОЛЬФГАНГ АМАДЕЙ МОЦАРТ. *Карл Барт.*
- ☑ БОГОСЛОВИЕ И МУЗЫКА. Три речи о Моцарте.
Ганс Урс фон Бальтазар, Карл Барт, Ганс Кюнг.
- ☑ О ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ. *Роуэн Уильямс.*
- ☑ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.
Епископ Диоклийский Каллист (Уэр).

- ☑ ПРАВОСЛАВИЕ. *Павел Евдокимов.*
- ☑ ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда.
Хью Уайбру.
- ☑ ВОПЛОЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ. Очерки православной этики. *Виген Гуроян.*
- ☑ ОТБЛЕСКИ СВЕТА. Православное богословие красоты.
Оливье Клеман.
- ☑ ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ.
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
- ☑ СЛУЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЦЕРКВИ.
Элизабет Бер-Сижель.
- ☑ ИИСУС ХРИСТОС. *Вальтер Каспер.*
- ☑ БОГ ИИСУСА ХРИСТА. *Вальтер Каспер.*
- ☑ ТАИНСТВО ЕДИНСТВА. Евхаристия и церковь.
Вальтер Каспер.
- ☑ СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ БОГОСЛОВИЯ.
Попытки определения в диспуте современности.
Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер.
- ☑ ПРИНЦИПЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ.
Ганс Урс фон Бальтазар,
Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер, Хайнц Шюрман.
- ☑ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН.
О соответствии вызовам времени.
Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер.
- ☑ ДИАЛЕКТИКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ. О разуме и религии.
Юрген Хабермас, Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер.
- ☑ КАТОЛИЧЕСТВО В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.
Томас Рауш.
- ☑ ПАСХАЛЬНАЯ ТАЙНА. Богословие трех дней.
Ганс Урс фон Бальтазар.

- ☑ ОСНОВАНИЕ ВЕРЫ. Введение в христианское богословие. *Карл Ранер.*
- ☑ БОГ: ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС. *Антон Хаутепен.*
- ☑ ВО ЧТО МЫ ВЕРИМ? Изложение Апостольского символа веры. *Теодор Шнайдер.*
- ☑ СОВРЕМЕННОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ. Хрестоматия. *Сост. Майкл Хейз и Лайм Джирон.*
- ☑ ВОСКРЕСЕНИЕ БОГА ВОПЛОЩЕННОГО. *Ричард Суинберн.*
- ☐ ДУХОВНОСТЬ. Формы, принципы, подходы. *Кейс Ваайман.*
- ☑ ТАЙНА ТАИНСТВ. *Пол Хаффнер.*
- ☐ КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ. Источники, принципы, история. *Эйден Николс.*
- ☐ РАДИ НАШЕГО СПАСЕНИЯ. Два подхода к делу Христа. *Джеффри Уэйнрайт.*

Серия «Богословие и наука»

- ☑ НАЧАЛО ВСЕХ ВЕЩЕЙ. Естествознание и религия. *Ганс Кюнг.*
- ☑ НАУКА И РЕЛИГИЯ. Историческая перспектива. *Джон Хедли Брук.*
- ☑ О НРАВСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ВСЕЛЕННОЙ. Богословие, космология и этика. *Нэнси Мерфи и Джордж Эллис.*
- ☑ БОГОСЛОВИЕ В ВЕК НАУКИ. Модели бытия и становления в богословии и науке. *Артур Пикок.*
- ☑ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА. *Владета Еротич.*
- ☑ НАУКА И БОГОСЛОВИЕ. Введение. *Джон Полкинхорн.*
- ☑ ВЕРА ГЛАЗАМИ ФИЗИКА. *Джон Полкинхорн.*

- ☑ РЕЛИГИЯ И НАУКА. История и современность.
Иен Барбур.
- ☑ ЭТИКА В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ. *Иен Барбур.*
- ☑ НАУКА И БОГОСЛОВИЕ. Антропологическая перспектива. *Под. ред. Владимира Поруса*
- ☑ БИОЭТИКА. Учебник.
Элио Сгречиа, Виктор Тамбоне.
- ☑ СМЫСЛ ЗЕМЛИ. *Оливье Клеман.*
- ☑ ТВОРЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ. О проблемах взаимодействия научного и религиозного мировоззрения. *Михаил Хеллер.*
- ☑ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЕРЫ. *Станислав Виолек.*
- ☑ НАУКА И МУДРОСТЬ. К диалогу естественных наук и богословия. *Юрген Мольтман.*
- ☑ ЛОГОС И КОСМОС. Богословие, наука и православное предание. *Алексей Нестерук.*
- ☑ ЕСТЬ ЛИ БОГ? *Ричард Суинберн.*
- ☑ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИИ И НАУКИ.
Под ред. Григория Гутнера
- ☐ НАУЧНОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ.

Серия «Диалог»

- ☑ ДИАЛОГ О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ. 2-е издание.
Умберто Эко и кардинал Мартини
- ☑ ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО.
От конфронтации к диалогу. Хрестоматия. 2-е издание.
Сост. Алексей Юдин.
- ☑ ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Антология ключевых текстов. *Сост. Майкл Киннемон, Брайан Коуп.*

- ☑ БОГОСЛОВСКИЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ВОСТОЧНЫМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ. Хрестоматия. *Сост. Кристин Шайо.*
- ☑ ВЕРА И СВЯТОСТЬ. Лютеранско-православный диалог 1959–2002 гг. *Ристо Сааринен.*
- ☑ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ В РАЗНЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЯХ. 2-е издание. *Сост. Алексей Бодров.*
- ☑ ХРИСТИАНСТВО, ИУДАИЗМ И ИСЛАМ. Верность и открытость. *Под ред. архиепископа Жозефа Доре.*
- ☑ ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ. Проблемы диалога. Хрестоматия. *Сост. Алексей Журавский.*
- ☑ ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО: НА ПУТИ К ДИАЛОГУ. К 40-летию принятия декларации *Nostra aetate*. *Под ред. Алексея Журавского.*
- ☑ ИСЛАМ И ЗАПАД. *Бернард Луис.*
- ☑ ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО. Непростая история. *Роллин Армур.*
- ☑ ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ ДИАЛОГ. Хрестоматия. 2-е издание. *Сост. Хелен Фрай.*
- ☑ ИУДЕЙСКО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ. Словарь-справочник. *Под ред. Леона Кленцкокого и Джеффри Вайгодера.*
- ☑ ДЗЭН И БИБЛИЯ. *Какичи Кадоваки.*
- ☑ СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ. 2-е издание. *Сост. Джекоб Ньюзнер.*
- ☑ ВВЕДЕНИЕ В ИУДАИЗМ. Учебное пособие. *Глеб Ястребов.*
- ☑ ИИСУС ИЛИ БУДДА. Жизнь и учение в сравнении. *Ульрих Луц и Аксель Михаэльс.*
- ☑ ПЕТРОВО СЛУЖЕНИЕ. Диалог католиков и православных. *Под ред. Вальтера Каспера.*

- ☑ ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ? ЧТО РАЗДЕЛЯЕТ?
Основы экуменических знаний.
- ☑ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ. Два
века противостояния и диалога. *Анджело Тамборра.*
- ☐ ДА БУДУТ ВСЕ ЕДИНО. *Вальтер Каспер.*
- ☑ МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИЙ И ЕДИНЫЙ ЗАВЕТ.
Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер.
- ☑ ВЕРА – ИСТИНА – ТОЛЕРАНТНОСТЬ.
Христианство и мировые религии.
Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер.

Серия «История Церкви»

- ☑ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ.
Вторая половина XX века.
Архиепископ Михаил (Мудьюгин).
- ☑ ТОТАЛИТАРИЗМ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ.
Учебное пособие. *Дмитрий Поспеловский.*
- ☑ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ,
РОССИИ И СССР. Учебное пособие.
Дмитрий Поспеловский.
- ☑ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУ-
НИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО 1917–1941 гг.
Документы и фотоматериалы. *Сост. О. Ю. Васильева.*
- ☑ ИСТОРИЯ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА. ТТ. I–V.
Том I. Навстречу новой эре в истории католичества.
Том II. Формирование соборного сознания.
Том III. Сформировавшийся собор.
Том IV. Соборная церковь..

*Под общей ред. Джузеппе Альбериги, Алексея Бодрова и
Андрея Зубова.*

- ☑ ХРИСТИАНСТВО ВОСТОКА И ЗАПАДА. В поисках зримого проявления единства. *Эрнст Суттнер.*
- ☑ ИОАНН ЗЛАТОУСТ. Проповедник, епископ, мученик. *Рудольф Брендле.*
- ☐ РЕЛИГИИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ. *Франческо Брольо, Кесаре Мирабелли, Франческо Онида.*

Серия «Религиозные мыслители»

- ☐ ТАЙНОЕ ПЛАМЯ. Духовные взгляды Толкиена. *Стрэтфорд Калдекот.*
- ☑ ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ. Автобиография западного человека. *Ойген Розениток-Хюсси.*
- ☑ НЕСЧАСТНЕЙШИЙ. Сборник сочинений. 2-е издание. *Серен Керкегор.*
- ☑ РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества. *Под ред. Владимира Поруса.*
- ☑ РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. *Под ред. Владимира Поруса.*
- ☑ НА ПУТИ К СИНТЕТИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Философско-богословское наследие П. А. Флоренского и современность. *Под ред. Владимира Поруса.*
- ☐ Н. А. БЕРДЯЕВ И ЕДИНСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО ДУХА. *Под ред. Владимира Поруса.*

Серия «Современная апологетика»

- ☑ ТРАКТАТЫ. Небеса, по которым мы так тоскуем. Три толкования жизни. *Питер Крифт.*
О КНИГЕ “ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДЖИХАД”
Наталья Трауберг.

- ☑ ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.
Генри Нувен.
- ☑ ЖИЗНЬ ВОЗЛЮБЛЕННОГО. Духовная жизнь в секулярном мире. *Генри Нувен.*
- ☑ ДОРОГА В ЭММАУС. Размышления о евхаристической жизни. *Генри Нувен.*

Серия «Услышать Человека»

- ☑ ПРОЩЕНИЕ. Разрывая оковы ненависти. 2-е издание.
Майкл Хендерсон.
- ☑ УРОКИ РАЗДУМЬЯ. Педагогика нравственного развития.
Филипп Лобстейн.
- ☑ ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ...
4-е издание. *Сост. Аньет Кемпбелл.*
- ☑ НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ. *Элен Гизан-Деметриадес.*
- ☑ ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ.
История жизни одного финна. *Пол Гундерсен.*
- ☑ ПАВЕЛ НИКОЛАИ ИЗ МОНРЕПО. Европейец, не такой как все. 2-е издание. *Пол Гундерсен.*
- ☑ УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА. *Поль Турнье.*

Серия «Читая Библию» (Приложение к журналу «Мир Библии»)

- ☑ ЧИТАЯ ЕВАНГЕЛИЯ С ЦЕРКОВЬЮ.
От Рождества до Пасхи. *Рэймонд Браун.*
- ☑ БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ИОАННОМ.
Чтобы вы имели жизнь. *Рэймонд Браун.*
- ☑ ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Ветхий Завет.
Ричард Рор, Джозеф Мартос.
- ☑ ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Новый Завет. *Ричард Рор, Джозеф Мартос.*

- ☑ БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАТФЕЕМ.
Превосходя закон. *Лесли Дж. Хопп.*
- ☑ БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАРКОМ.
Школа ученичества. *Стивен Дойл.*
- ☑ БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ЛУКОЙ.
Шаг за шагом к Слову Божьему. *Барбара Э. Рейд.*
- ☑ БЕСЕДЫ С АПОСТОЛОМ ПЕТРОМ. Путь от греха к святости. *Джим Уиллиг, Тэмми Банди.*
- ☑ БЕСЕДЫ С ИОВОМ И ЮЛИАНОЙ НОРВИЧСКОЙ.
Веруя в то, что все будет хорошо. *Кэрол Люберинг.*
- ☑ БЕСЕДЫ С ТОМАСОМ МЕРТОНОМ. Как стать самим собой. *Энтони Падовано.*
- ☑ БЕСЕДЫ С КЛАЙВОМ ЛЬЮИСОМ. Настигнут радостью. *Роберт Морно.*
- ☑ ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. Открой свою историю в Ветхом Завете. *Макрина Скотт.*
- ☑ ИИСУС В ЕВАНГЕЛИЯХ. Учитель. Пророк. Друг. Мессия. *Артур Заннони.*
- ☑ ОБРАЗЫ ИИСУСА. Десять граней личности Христа. *Альфред Макбрайд.*
- ☑ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОПОВЕДИ. 2-е издание. *Генри Драммонд.*

Приложения к журналу «Страницы»

- ☐ СБОРНИК УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ББИ. 2007 год, 3-е издание, доп.
- ☑ ПРИМИРЕНИЕ. Сборник материалов коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шеветонь. Бельгия, 1995.
- ☑ КРЕЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ. Сборник материалов коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шеветонь. Бельгия, 1998.
- ☑ ПОИСКИ ЕДИНСТВА. Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем.

- ☑ 400 ЛЕТ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (1596– 1996). Критическая переоценка.
- ☑ СОБОРНОСТЬ. Статьи из журнала англикано-православного Содружества св. Албания и преп. Сергия (Оксфорд).
- ☑ НЕОЯЗЫЧЕСТВО НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ. *Сост. Виктор Шнирельман.*
- ☑ БИБЛИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНСКОГО МИРА. К 500-летию Геннадиевской Библии.

Книги вне серий

- ☑ ФИЛЬМЫ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО И РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. *Симонетта Сальвестрони.*
- ☑ ПРОРОК. *Халиль Джигбран.*
- ☑ СОКРОВИЩЕ В СОСУДАХ ГЛИНЯНЫХ. Руководство по экуменической герменевтике.
- ☑ КНИГА БЫТИЯ. Новый перевод.
- ☑ РУКОПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. *Элизабет Бер-Сижель, епископ Диоклийский Каллист (Уэр).*
- ☑ МИР МЕГАЛИТОВ И МИР КЕРАМИКИ. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. *Э. Л. Лаевская.*
- ☑ ЗОВ ПУСТЫНИ. Биография малой сестры Магдалены Иисуса. *Катрин Спинк.*
- ☑ РОССИЯ, ПОЛЬША И ЧЕНСТОХОВСКАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ. 2-е издание. *Питер Андерсон.*
- ☑ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕЛИГИЯ. Хрестоматия. *Сост. Вениамин Новик.*
- ☑ РУКОВОДСТВО ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ АВТОРСКОМУ ПРАВУ.